

ISSN 0042-8779

ИВМ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

5

2019

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

5/2019 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Хроника Великой Победы (1941—1945)..... 3

СТАТЬИ

А.С. Иванов — Эволюция режимного пространства
окружной столицы (1930—1950 гг.)..... 9

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Н.Н. Лупарева — Сергей Николаевич Глинка 22

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Н.А. Дубовик, А.В. Кобзев, С.А. Прокопенко — Алек-
сандр Матросов: загадки биографии..... 38

СООБЩЕНИЯ

К.Н. Максимов — Кадровая политика Калмыцкого обко-
ма коммунистической партии через призму докумен-
тов высших и местных органов партийной власти..... 63

Н.С. Цинцадзе — Прометейство, советская власть и уче-
ные: из истории дискуссий 1920—1930-х гг. 81

Ю.Н. Тимкин — Состояние здоровья ответственных
партийных работников РКП(б) во время революции
1917 г., гражданской войны и нэпа (по материалам
Вятской губернии) 93

Выходит
с 1926 года
ООО
ЖУРНАЛ
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
Москва

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

- А.Г. Ложкин** — Современные территориальные споры и проблемы аннексии и оккупации: историко-правовые аспекты..... 106

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- О.Ю. Гарькавченко, Е.Е. Гришнова, Е.В. Майстрович, Р.М. Мырзалимов** — Мартин Лютер Кинг и борьба за права человека..... 113

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ ИСТОРИИ

- Е.Е. Красноженова, С.В. Кулик** — Социально-экономическое регулирование пространства детской повседневности в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской области)..... 120

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

- Сечжин Чжун** — Формирование и ориентация мюридизма на Северном Кавказе..... 130

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- М.Р. Гасанов** — К вопросу о возникновении г. Дербента. 140
Ю.И. Царёва — Древние королевские прерогативы и парламент в XVI—XVII вв.: столкновение интересов. 145
Ш.Ш. Шарифов — Переселение арабов на территорию Азербайджана 153

ИСТОРИОГРАФИЯ

- Г.Р. Наумова** — Н.И. Дедков, Г.А. Бордюгов, Е.И. Щербакова и др. История для экономистов в новом переводе с классическими комментариями..... 162
Л.В. Стеженская — Мэнцзы: в новом переводе с классическими комментариями Чжао Ци и Чжу Си 168

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

- О.И. Капчинский** — Сборник по истории ВЧК: достижения и упущения..... 174

Хроника Великой Победы (1941—1945)

«В штабе фронта существовало довольно мирное настроение...» (21 июня 1941 г.)

Аннотация. В нынешнем выпуске рубрики — ответы бывшего командующего 11-й армией Прибалтийского Особого военного округа генерал-лейтенанта В.И. Морозова на вопросы Военно-научного управления Генерального Штаба Вооруженных Сил СССР в 1952 году. Они касаются обстоятельств развертывания войск западных приграничных военных округов по плану прикрытия государственной границы накануне Великой Отечественной войны. Документ находится в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации.

Ключевые слова: СССР, Великая Отечественная война, Красная армия, вторая мировая война, Германия, нацизм, Министерство обороны Российской Федерации, Прибалтийский особый военный округ

Abstract. «Voprosy Istorii» history journal presents the answers of the former commander of the 11th Army of the Baltic Special military district Lieutenant General V.I. Morozov to the questions of the Military scientific department of the General Staff of the Armed Forces of the USSR in 1952. They relate to the circumstances of the deployment of troops of the Western border military districts according to the plan of covering the state border on the eve of the Great Patriotic war. The document is contained in Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

Key words: USSR, Great Patriotic War, Red Army, World War II, Germany, Nazism, Ministry of Defense of Russian Federation, Baltic special military district

---

В конце 1940-х гг. Военно-научное управление Генерального Штаба Вооруженных Сил СССР приняло решение обобщить представлявшийся неоднозначным опыт сосредоточений и развертывания войск западных приграничных военных округов по плану прикрытия государственной границы 1941 г. накануне Великой Отечественной войны. С этой целью были заданы вопросы участникам указанных событий, занимавшим в начальный период войны различные должности в войсках военных округов.

Анализ ответов продемонстрировал, что основной чертой планов прикрытия было то, что они исходили из варианта войны, при котором

удастся без помех со стороны вероятного противника выдвинуться к границе, занять назначенные полосы прикрытия, подготовиться к отражению нападения, провести отмотобилизование.

Позиции армий прикрытия располагались вдоль границы, что увеличивало их протяженность. При этом силы Западного особого округа находились на белостокском выступе, а Киевского — на львовском выступе, что создавало угрозу их охвата противником.

Особенностью всех армейских планов прикрытия было отсутствие в них оценки возможных действий противника, в первую очередь варианта внезапного перехода в наступление превосходящих вражеских сил. Вместе с тем, опрошенные военачальники отмечали, что общаясь с представителями штабов погранотрядов, они за несколько дней до начала войны знали об угрожающем положении на границе. В ряде случаев агентурная разведка прямо указывала не только на прибытие и развертывание вблизи границы массы вражеских войск, но и на подготовку приграничных территорий — занятие огневых позиций артиллерией, выселение из приграничной зоны жителей, выкладку снарядов на грунт.

Были фактически забыты и такие важные вопросы, как разрушение мостов на реках вблизи границы. Во многих случаях войскам противника удалось захватить их целыми.

Ниже приводятся ответы на поставленные вопросы бывшего командующего 11-й армией Прибалтийского Особого военного округа генерал-лейтенанта В. И. Морозова, датированные 26 апреля 1952 г.:

«Сообщаю Вам те сведения, которые сохранились у меня в памяти о начальном периоде Великой Отечественной войны в пределах поставленных Вами вопросов.

Вопрос 1-й. Был ли доведен до войск в части их касающейся план обороны государственной границы? Если этот план был доведен до войск, то когда и что было сделано командованием армии и войсками по обеспечению выполнения этого плана?

— Как известно в 1940 году было приступлено к организации и осуществлению строительства УР (укрепрайон. — *П.И.*). Командиры дивизий были привлечены к рекогносцировкам в тех районах, в которых предполагались их действия.

— В 1940—41 гг. по утвержденным центром планам было приступлено и осуществлено силами войск строительство полевых укреплений на довольно значительную глубину.

Эти укрепления строились дивизиями в своих полосах обороны. Каждый полк и батальон строили себе укрепления и командиры знали это хорошо. В этих полосах со штабом корпуса и со штабами дивизий и полков неоднократно проводились занятия.

Тематика и характер этих занятий вытекал из проигрываемых вариантов действий штабом армии под руководством штаба округа.

Вопрос 2-й. С какого времени и на основании какого распоряжения войска прикрытия начали выход на государственную границу и какое количество из них было развернуто для обороны границы до начала военных действий?

На основании устных распоряжений Командующего округом, войска 11 армии выходили на подготовленный рубеж вдоль границы. Делалось

это под видом продолжения полевых укреплений или их усовершенствования. Такой выход был совершен еще в мае месяце 1941 г.

На границе находилось по одному полку от каждой дивизии. Полки были усилены артиллерией, как правило с полком был 1 арт. дивизион.

В начале июня 1941 г. была произведена замена одних полков другими. Причем в некоторых дивизиях, кроме одного полка были на отдельные направления выброшены дополнительно по одному-двум батальонам.

В начале июня 1941 г. дивизии в своих районах имели развернутое управление: были организованы КП (командный пункт. — *П.И.*) дивизий и полков, на КП находились постоянно дежурные офицеры.

Вопрос 3-й. “Когда было получено в штабе армии округа [распоряжение] о приведении войск армии в боевую готовность в связи с ожидающимся нападением фашистской Германии с утра 22.6. Какие и когда были отданы войскам указания во исполнение этого распоряжения и что было сделано войсками?”

Такое распоряжение было получено по телефону около 1 часу 22.6.41 г. Начальник Штаба фронта разыскивая Командующего фронта дал мне понять, что надо действовать, выводить войска к границе, что мол заготовлено об этом распоряжение и Вы его получите.

На основании этого мною условным кодом по телефону между 1—2 час. 22.6.41 г. были отданы распоряжения войскам и последние по тревоге выступили по принятым ранее решениям для выполнения боевой задачи.

Вопрос 4-й. “Почему большая часть артиллерии корпусов и дивизий находилась в учебных лагерях?”

В учебных лагерях не находились 33 и 128 дивизии и их артиллерия. Артиллерия этих дивизий была фактически полностью развернута.

В лагерях находилась часть артиллерии 5 сд (стрелковая дивизия. — *П.И.*), часть артиллерии 188 сд, КАП (корпусной артиллерийский полк. — *П.И.*) 16 ск (стрелковый корпус. — *П.И.*) и армейский гаубичный полк.

Вообще-же в штабе фронта существовало довольно мирное настроение. В лагерь Козлова Руда 21.6.41 г. прибыла инспекция округа во главе зам. комвойск покойным генерал-лейтенантом ЛЬВОВЫМ и по приказу Командующего генерал-полковника КУЗНЕЦОВА Ф.И. была назначена на утро 22.6.41 г. инспекторская стрельба для частей 5 и 188 сд, а также инспекторская стрельба артиллерии.

Вопрос 5-й. “Насколько был штаб армии подготовлен к управлению войсками и в какой степени это отразилось на ходе ведения операций первых дней войны?”

Штаб армии по оценке Штаба округа считался вполне подготовленным, я имею в виду выучку личного состава.

В начале июня Штаб 11 армии фактически покинул свою постоянную квартиру. КП армии был организован вне г. Каунас. Оперативная группа разместилась в 6-м форте б. Ковенской крепости.

Связь с войсками, погран. частями и начальниками строительства УР была организована и действовала к началу войны хорошо.

О переходе государственной границы немецко-фашистскими войсками я как Командующий получал по условному коду буквально со всех пограничных застав, от всех командиров полков и даже батальонов. Это обстоятельство сильно облегчило работу штаба армии и управление во-

йсками. Лишь только со 128 сд была потеряна связь около 11.00 22.6, так как штаб дивизии оказался разгромленным. Потери связи с командирами корпуса и дивизии в первые дни войны не было.

Подготовка штаба в основном обеспечивала управление войсками и позволяла организовать и провести эвакуацию строительства, с их документацией и техникой, с безоружными рабочими; нам удалось собрать разбросанные по Литве семьи офицеров и их организованно, эшелонами эвакуировать.

Предварительно проделанная работа, на мой взгляд, помогла частям армии избежать “окружения”. С потерями в людях и в технике все же более или менее организованно отойти за р. Зап. Двина. Где все дивизии входившие в состав 11 армии, кроме 2-х полков 128 сд, оказались способными выполнять боевые задачи».

* * *

Chronicle of the Great Victory (1941—1945)

**“There was quite a peaceful mood at the headquarters
of the front...”
(June 21, 1941)**

At the end of the 1940s, the Military-scientific Department of the General Staff of the Armed Forces of the USSR decided to summarize the ambiguous experience of concentration and deployment of troops of the Western border military districts according to the plan of covering the state border of 1941 on the eve of the Great Patriotic war. To this end, questions were asked to the participants of these events, who held various positions in the troops of military districts during the initial period of the war.

Analysis of the responses showed that the main feature of the cover plans was that they came from the option of war, in which it will be possible without interference from the likely enemy to move to the border, take the designated cover bands, prepare to repel the attack, to carry out the mobilization.

The positions of the cover armies were located along the border, which increased their length. At the same time, the forces of the Western special district were on the Bialystok ledge, and Kiev — on the Lviv ledge, which posed a threat to their coverage by the enemy.

All army plans cover had the lack of appreciation for possible enemy action in the first place option for the sudden transition to the offensive by superior enemy forces. However, the interviewed generals said that talking with the representatives of the headquarters detachments, they knew a few days before the war about the dangerous situation at the border. In some cases, intelligence is directly pointed not only to the arrival and deployment of near-border mass of enemy troops, but to preparation of border areas — the occupation of firing positions by the artillery, the eviction of border area residents, the display of shells on the ground.

Important issues such as the destruction of bridges on rivers near the border were also virtually forgotten. In many cases, the enemy troops managed to capture them whole.

Below are the answers to the above-mentioned questions posed by the former commander of the 11th Army of the Baltic Special military district, Lieutenant General V.I. Morozov, dated April 26, 1952:

“I inform You with the information that I have preserved in my memory about the initial period of the Great Patriotic war within the limits of the questions you raised.

Question 1. Was plan for the defense of the state border brought to the troops in terms of their business? If this plan was brought to the troops, when and what was done by the army command and troops to ensure the implementation of this plan?

— As you know, in 1940 it was started to organize and implement the construction of the fortified areas. Commanders of divisions was brought to reconnaissance in areas in which it was assumed their actions.

— In 1940—41, according to the plans approved by the Center, the construction of field fortifications to a considerable depth was started and carried out by the forces of the troops.

These fortifications were built by divisions in their defense bands. Each regiment and battalion built fortifications and commanders knew it well. In these bands with a staff of the case and with headquarters of divisions and regiments military trainings were repeatedly carried out.

The topics and nature of these trainings stemmed from playing versions of the action headquarters of the army under the leadership of the district headquarters.

Question 2. From what time and on the basis of what order did the cover troops begin to enter the state border areas and how many of them were deployed to defend the border before the outbreak of hostilities?

On the basis of oral orders of Commander of the district, the troops of the 11th army went to the prepared line along the border. This was done under the guise of continuing field fortifications or improving them. This exit was made in May 1941.

On the border there was perched on one shelf from each command of division. The shelves were reinforced with artillery, usually there was one artillery division with the regiment.

In early June 1941, they were replaced with some other regiments. And in some divisions on separate directions one-two battalions were put additionally to one regiment.

In early June 1941 divisions in their areas had wide governance: there were organized major command points of divisions and regiments, on that major command points there were constantly duty officers.

Question 3. “When was the order to bring the army into combat readiness in connection with the expected attack of Nazi Germany in the morning 22.6. received at the headquarters of the army district? What and when were the instructions given to the troops in pursuance of this order and what was done by the troops?”

Such order was received by phone about 1 hour 22.6.41. Chief of Staff of the front looking for the Commander of the front gave me to understand that

it is necessary to work, to move troops to the border that the pier is prepared about it the order and myself will received it.

On the basis of this, between 1—2 hours 22.6.41, using special telephone code, I was ordered troops, and they by alarm went according earlier decisions to perform combat missions.

Question 4. “Why most of the artillery corps and divisions were in training camps?”

In training camps there were not the 33rd and the 128th divisions and their artillery. The artillery of these divisions was actually fully deployed.

In camps there were part of artillery of the 5th rifle division, part of artillery of the 188th rifle division, corps artillery regiment of the 16th rifle corps and army howitzer regiment.

There was quite a peaceful mood at the headquarters of the front. Military district inspection head by Lieutenant-General LVOV came to the camp Kozlova Ruda 21.6.41. By the order of the Commander Colonel-General F.I.KUZNETSOV general inspection shooting for parts of the 5th and the 188th rifle divisions and the inspector artillery shooting were appointed on the morning of 22.6.41.

Question 5. “How much was the army headquarters prepared for the management of troops and to what extent this affected the course of operations of the first days of the war?”

The army headquarters, according to the district Headquarters, was considered quite prepared, I mean the training of personnel.

In early June, the headquarters of the 11th Army actually left their permanent apartment. Major army command point was organized in Kaunas. The operational group was at the 6th Forte of Kaunas ex-fortress.

Communication with troops, border parts and supervisors construction of fortified areas were organized and acted in the beginning of the war well.

About the crossing of the state border by the German fascist troops I as Commander knew by secret code literally from all border posts, from all commanders of regiments and even battalions. This circumstance greatly facilitated the work of the army headquarters and the management of the troops. Only with the 128th rifle division communication was lost at about 11.00 22.6., as the division headquarters were destroyed. Loss of communication with the commanders of corps and divisions in the first days of the war did not take place.

Staff was prepared and generally provided command and control and allowed to organize and conduct the evacuation of the building, with their documents and equipment, of unarmed workers, and we were able to collect the families of officers scattered all over Lithuania and they were orderly evacuated by trains.

Pre-done work, in my opinion, helped the army to avoid “encirclement”. Despite losses in men and equipment crossing the Western Dvina River was still more or less organized, there all divisions as part of the 11th army, in addition to the 2nd regiments of the 128th rifle division, were able to carry out combat missions”.

Эволюция режимного пространства окружной столицы (1930—1950 гг.)

А. С. Иванов

Аннотация. В публикации раскрывается процесс формирования и развития режимной среды спецпоселения г. Ханты-Мансийска. Показана сегментация «правового» пространства вследствие встраивания в него режимных административных единиц. Функционирование спецпоселений в черте административного центра Ханты-Мансийского округа автор рассматривает как частный случай режимной урбанизации.

Ключевые слова: спецпоселение, спецпереселенцы, репрессии, урбанизация, прокурорский надзор, ведомственность.

Abstract. The publication reveals the process of formation and development of the regime environment of the specialsettlement of Khanty-Mansiysk. The segmentation of the “legal” space is shown due to the incorporation of regime administrative units into it. The author considers the functioning of specialsettlements within of the administrative center of the Khanty-Mansi district as a special case of regime urbanization.

Key words: specialsettlement, specialsettlers, repression, urbanization, prosecutor supervision, departmental approach.

История спецпоселения достаточно давно не является «белым пятном» в историографии истории политических репрессий¹. Благодаря фундаментальным трудам Н.Ф. Бугая, В.Н. Земскова, С.А. Красильникова, А.Б. Суслова мы имеем достаточное представление о ключевых вопросах истории депортации и спецпоселения народов СССР, истории спецпереселенцев и спецконтингента в целом². При этом недостаточно изученными остаются отдельные аспекты истории принудительного поселения, в частности — история режимных поселений в советских городах.

Среди специальных исследований, затрагивающих данную проблематику, необходимо отметить книги С.Х. Ахметзянова (фактически первый монографический труд о спецпереселенцах-горожанах)³ и М.Ю. Кима (изучение социально-бытовых и режимных условий городских спецконтингентов)⁴. Работы, в которых тем или иным образом затрагивается во-

---

Иванов Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент Сургутского института нефти и газа (филиала) Тюменского индустриального университета. E-mail: 88d@bk.ru.

Ivanov Alexander S. — candidate of historical sciences, associate professor at the Surgut Oil and Gas Institute of the Tyumen Industrial University. E-mail: 88d@bk.ru

---

прос пребывания на городском спецпоселении, объединяет статичность картины режима поселения, развитие которого даже в наиболее обстоятельном труде Ахметзянова ограничивается 1936 г., то есть режимное пространство города рассмотрено лишь в период 1932—1936 годов⁵. Вместе с тем очевидно, что характеристики режима поселения со временем существенно трансформировались. В монографии Кима отмечается, что «постепенно... начали курсировать трудовые поезда, которые соединяли поселки с шахтами угольного бассейна»⁶. За исключением этих «ниточек», проложенных к концу 1933 г., Караганда была отрезана режимной стеной от обитателей, расположенных в районах труд(спец)поселков. Не является исключением и монография Кировских историков В.А. Бердинских, И.В. Бердинских и В.И. Веремьева, которая в значительной степени дублирует содержание защищенной десятилетие назад диссертации И.В. Бердинских⁷, в которой также на примере Магнитогорска (на основе данных за 1932 г.) утверждается, что «поселки-резервации размещались, как правило, рядом с крупными городами или промышленными центрами, но застраивались на строго определенных участках, образуя “режимную зону”»⁸. Указанное мнение противоречит сведениям (1934 г.), выявленным Ахметзяновым⁹.

В результате складывается ситуация, при которой развитие режимной среды городских спецпоселений завершается едва начавшись, то есть в первой половине — середине 1930-х годов. Безусловно, существует объективная причина сложившегося положения. Как отмечают новосибирские исследователи Н.Н. Аблажей и Л.М. Салахова¹⁰, большая часть делопроизводства отдельных спецкомендатур была уничтожена вскоре после ликвидации системы спецпоселений в конце 1950-х — начале 1960-х годов. Поэтому изучение проблем режимности на низовом уровне (отдельных городских комендатур) на сегодняшний день затруднено. В данной работе, на основе широкого круга источников (материалов карательного делопроизводства федерального и регионального уровней и источников личного происхождения) предпринята попытка раскрыть последовательную трансформацию режимного пространства административного центра Ханты-Мансийского национального округа — г. Ханты-Мансийска — за весь период существования системы спецпоселений.

Понятие «режим» можно понимать как принудительное предписание, регулирующее жизнедеятельность спецпереселенцев¹¹. Ключевой характеристикой режима является дисциплинарность, которая, по словам М. Фуко, «концентрирует, центрирует и заключает» население в той мере, в какой «изолирует пространство»¹². В результате, режимное пространство представляет собой территорию, где совокупность связанных режимным статусом индивидов превращается в население. Пространство стандартизируется (однотипные поселки), жестко регулируется и полностью просматривается посредством функционирования исправительно-катаральных институтов (комендатур), обеспечивающих действие паноптического эффекта¹³.

Документом, очертившим границы режимного пространства на всесоюзном уровне, стало «Временное положение о правах и обязанностях спецпереселенцев» (от 25 октября 1931 г.), с одной стороны, прикреплявшее спецпереселенцев к «отдельным поселкам и домам» (п. 4),

а с другой, допускавшее «отлучку, связанную с посещением мест работ, указанных комендатурой ОГПУ» (п. 5) ¹⁴. В то же время, появление все новых нормативно-правовых актов подспудно создавало основу для подрыва целостности и «распыления» режима, а также различных трактовок и злоупотреблений на низовом уровне. В марте 1938 г. на запросы Правительства о правовом положении спецпереселенцев отвечал Верховный Прокурор СССР А. Я. Вышинский. Ссылаясь на «Временное положение» от 25 октября 1931 г., он трактовал его предельно лаконично и жестко, отмечая, что «спецпереселенцы и их семьи не имеют права без разрешения комендатуры отлучаться за пределы поселка (ст. 5, разд. 2)» ¹⁵. В качестве послабления Вышинский предлагал установить «временные обстоятельства, при которых допускались временные отлучки спецпереселенцев из мест поселения (для лечения и пр.)» ¹⁶. Наличие «мягкой» и «жесткой» трактовок дало основания для волотильности (изменчивости) режимного пространства: Вышинский привел определение дисциплинарного максимума, а сотрудники комендатур, действуя в реальных социально-политических условиях, постоянно скатывались к обязательному минимуму режимности на протяжении всего периода существования спецпоселений. Так в начале 1950-х гг. при проверке законности действий спецкомендантов прокуратурой Тюменской области было установлено, что спецпоселенцы без разрешения уходят из пункта поселения (деревни, села, города) в другие населенные пункты по своим личным делам. Коменданты усматривали в этом нарушение «правового» постановления СНК от 8 января 1945 г. ¹⁷, которое, однако, воспрещало несанкционированные передвижения лишь за пределы «района расселения», обслуживаемого комендатурой ¹⁸. Исполнявший обязанности начальника отдела по спецделам прокуратуры СССР А. Комочкин подтвердил, что запрет на несанкционированный выезд касается только оставления района поселения ¹⁹.

Обращаясь к истории формирования режимного пространства на территории окружного центра, необходимо отметить, что Остяко-Вогульский национальный округ с окружным центром в селе Самарово был образован на основании постановления Президиума ВЦИК от 10 декабря 1930 года ²⁰. К середине 1931 г. стало очевидным, что Самарово не приспособлено к функциям административного центра. 1 июля 1931 г. началось строительство новой окружной столицы — города Остяко-Вогульска, причем осуществлялось оно преимущественно силами переброшенных сюда из Самарово (расстояние 5 км) и других районов округа спецпереселенцев ²¹. В 1936 г. Остяко-Вогульск стал рабочим поселком, в октябре 1940 г. окружной центр переименовали в Ханты-Мансийск, а округ — в Ханты-Мансийский ²². Статус города Ханты-Мансийск получил в 1950 г. с одновременным включением в черту города села Самарово ²³. В исследуемый период окружной центр последовательно относился к Уральской (1923 — январь 1934 г.), Обско-Иртышской (январь-декабрь 1934 г.), Омской (декабрь 1934 — август 1944 г.) и Тюменской (с августа 1944 г.) областям ²⁴.

Первые партии спецпереселенцев (ссылных крестьян) начали прибывать в Самарово в феврале 1931 года ²⁵. О количестве «режимных людей» в окружном центре можно судить исходя из «Плана Уралгосрыбтреста по строительству домов и школ для спецпереселенцев Тобольского

Севера на 1932 г.». Согласно данному документу, в Самарово в 21 доме предполагалось проживание 70 семей ссыльных²⁶. Создание комендатур в «правовых» поселениях первоначально не предусматривалось, исключение делалось лишь для «нетрудоспособных категорий ссыльных», к каковым работники консервного комбината отнесены быть не могли²⁷. Проблема нахождения «неблагонадежных элементов» в окружном центре была решена быстро и просто: к лету 1932 г., когда на юго-восточной окраине Самарово, примыкавшей к Иртышу, был выстроен поселок Самаровского рыбокомбината²⁸, власти не стали создавать «комбинатскую» производственную комендатуру, как это будет сделано в соседнем окружном центре — Салехарде, а предпочли выделить поселок рыбокомбината в отдельную административную единицу. В итоге на карте появился трудпоселок Рыбный²⁹, который географически являлся естественным продолжением улицы Береговой села Самарово, а по причине своего режимного статуса был отнесен к Самаровскому району³⁰. Так с помощью бюрократических ухищрений «правовое» село было «очищено» от ссыльных, а в Рыбном расположилась одна из 56 поселковых спецкомендатур³¹, подчиненных окружной комендатуре. Физическое пространство окружной столицы было разделено в первые же годы по административно-режимным соображениям.

С весны 1931 г. спецпереселенцы, занятые на строительстве окружного центра, стали постепенно там же оседать. Делали они это вынуждено, поскольку необходимо было находиться ближе к строительству³². Власти селиться в домах и административных зданиях им не давали, устраивались «кто как мог»³³. Столица обских угров (ханты и манси) начиналась с импровизированной, то есть самовольно застроенной ссыльными «улицы». По воспоминаниям местного жителя Ю.Г. Созонова, она протянулась «вдоль ручья по Большому Логу» и «состояла из сотен землянок, избышек, времянок, прилепившихся по склонам лога в несколько ярусов». Сегодня она известна как улица Большая Логовая³⁴. Советское и партийное руководство округа проживало в перевезенных из зажиточных деревень домах раскулаченных крестьян, которые собирались в самом центре — на улице Коминтерна³⁵.

В административном отношении спецпереселенцы, трудившиеся на строительстве окружной столицы, в период 1931 — осени 1934 г. были подчинены непосредственно окружной комендатуре. И в этом нет ничего странного, поскольку они прибывали на главную стройку региона из разных районов. Комендатура располагалась в самом центре Остяко-Вогульска в здании милиции. Для перемещения по рабочим вопросам по территории окружного центра ссыльные должны были получать разрешение. Так, спецпереселенец Н.А. Пятков, являясь чернорабочим в горстрое и имея местом проживания «гор[од] Остяко-Вогульск»³⁶, мог также посещать территорию Самарово³⁷. В режимном отношении Остяко-Вогульск и Самарово были единым целым, а «бывшие кулаки» — строители — методом самостроя расселились в центральной части национальной столицы (ул. Большая Логовая).

Это не устраивало партийно-советскую элиту округа. В публичном советском дискурсе все активнее обсуждалась идея «перевоспитания — переделки» ссыльных крестьян³⁸. На региональном уровне не замедли-

ли подхватить эту задумку. В 1934 г. окружное начальство согласовывало отвод земли под застройку и возведение нового поселка, на этот раз — на северо-восточной окраине Остяко-Вогульска, противоположной Самарово. Спустя три года член правления неуставной (трудпоселенческой) артели «Перековка» Сиселятин с энтузиазмом писал в окружной газете о том, что «с осени 1934 г. рядом с п. Остяко-Вогульск вырос новый поселок Перековка». Далее автор описывал идеальное режимное поселение: «Вдоль и поперек поселок пересекают ряд просторных улиц, окружающие болота осушаются системой канав. По улицам пролегают широкие дороги и тротуары. Через лога для удобства проезда и перехода выстроены пять мостов. В поселке Перековка есть своя школа, клуб, детские ясли. И все это сделано руками людей, для которых труд стал единственным средством борьбы за новую жизнь»³⁹. Автор конечно же не сообщал о том, что «во главе “Перековки” стоял комендант НКВД..., было построено здание комендатуры, куда переселенцы должны были по несколько раз в месяц являться на отметку»⁴⁰. Именно к осени 1934 г. относятся первые заявления трудпоселенцев с просьбами «прикрепить» их к Перековке на постоянное место жительства⁴¹. Само режимное поселение было образовано улицами Ударной, Красной и Логовой. По улице Ударной проходила граница поселения, которая отделяла его от «правового» пространства⁴².

Перенос комендатуры произошел осенью 1934 г., но перемещение ссыльных в специально организуемое поселение заняло значительно больше времени. В конце 1934 г. в Перековке было 75 одноквартирных, 27 двухквартирных домов. 10 декабря 1934 г. в поселке проживало 74 семьи — 374 человека⁴³. Если вспомнить, что к этому времени на строительстве окружного центра трудились 589 взрослых спецпереселенцев, то выходит, что почти две трети спецпереселенцев Остяко-Вогульска переместилось в Перековку⁴⁴. В начале апреля 1935 г. трудпоселенец И. Власов сообщал: «... здесь, в поселке Перековка, идет строительство домов...»⁴⁵ Опираясь на свидетельство Ю. Созонова, можно определить временем окончания строительства спецпоселка 1936 год⁴⁶. Время переноса комендатуры из центральной части столицы на окраину совпадает с завершением основных работ по возведению столицы, которая в 1936 г. была объявлена рабочим поселком⁴⁷.

Необходимо также отметить тот факт, что конфигурация режимного пространства могла меняться и помимо воли НКВД. С самого начала существования спецпоселка Перековка основу хозяйственной деятельности его жителей составлял труд в неуставной артели «Перековка» (образована в мае 1935 г.⁴⁸). На основании постановления СНК от 9 сентября 1938 г., данная артель была переведена на стандартный колхозный устав⁴⁹. С этого времени трудпоселенческий колхоз стал именоваться уставной «артелью имени Чкалова». В целом по стране в конце 1937 — начале 1938 г. хозяйственная деятельность неуставных артелей перешла в ведение местных органов Наркомзема, а инфраструктура спецпоселков — от НКВД к исполкомам местных советов⁵⁰. Однако в Перековке сельский совет создавать не стали, а подчинили в административно-хозяйственном отношении преобразованному в 1936 г. в рабочий поселок Остяко-Вогульску и Остяко-Вогульскому поселковому совету⁵¹.

В результате, после 1938 г. границы населенных пунктов и сфера деятельности хозяйственных организаций, а, следовательно, и «мест работы» могли меняться без учета мнения НКВД. Первый известный подобный случай произошел в 1941 г., когда, по государственному акту, поселковый совет передал в «бессрочное/вечное пользование» сенокосный и выгонно-пастбищный участок за рекой Иртыш в дополнение к участку пахотных земель в северо-восточной части поселка⁵². С режимной точки зрения, это крайне осложняло надзор, поскольку теперь ссыльные могли пересекать реку совершенно легально, уходя на выпас скота. Подобный подход разительно отличался от положения начала 1930-х гг., когда Наркомзем требовал «при отводе с/х угодий для поселков с кулацкими хозяйствами...» всегда учитывать, «что земли должны быть худшего качества», также запрещалась «организация хуторов и отрубов данных поселков»⁵³. В условиях острой нехватки продовольствия комендатуры вынуждены были мириться с этим, поскольку официальной мотивировкой для расширения угодий артели было не благо ссыльных, а снабжение населения окружной столицы, в том числе и сотрудников окружного НКВД⁵⁴.

В полном соответствии с упомянутым выше «разъяснением» Вышинского режимное поселение (Перековка), фактически находившееся в городской черте и подчиненное в хозяйственном отношении местному совету, в отчетности отдела трудпоселений продолжало представляться как отдельный трудпоселок. Подтверждение содержится в данных о «дислокации трудпоселков на территории Ханты-Мансийского округа на 1 июля 1941 г.», где Перековка указана в числе четырнадцати трудпоселков Самаровского района. Население поселка к моменту начала войны составляло 1375 чел. (294 семьи)⁵⁵. Перековская спецкомендатура, перенявшая осенью 1934 г. функции административного контроля у окружной комендатуры, к началу войны отвечала за оперативное обслуживание всех трудпоселенцев, находившихся на территории Ханты-Мансийска и Самарово.

Как показывают данные «карательной» статистики, система учета и контроля за спецпереселенцами сохранялась в неизменном виде до 1943 г. включительно. Сведения на 1 июля 1943 г. показывают наличие в трудпоселке Перековка все тех же 294 семей, состоявших из 1368 чел., то есть численность ссыльных крестьян в окружном центре за два военных года изменилась лишь на семь человек⁵⁶. Данное обстоятельство указывает на кризис в системе учета, поскольку приведенные цифры отражают лишь численность трудпоселенцев, то есть «бывших кулаков» и не включают количество спецпереселенцев, прибывших на поселение в годы войны.

В итоге, в ходе двух волн (1942 и 1944 гг.) Самаровский район, а вместе с ним и окружной центр, приняли 3437 чел., депортированных по этническому признаку (немцев, ссыльнопоселенцев и калмыков)⁵⁷. В августе 1944 г. на территорию округа начали прибывать репрессированные по религиозному признаку — спецпереселенцы истинно-православные христиане (ИПХ), в документах именовавшиеся «сектантами» (664 чел.). Они расселялись в том числе и в трудпоселках Самаровского района⁵⁸.

В отличие от ситуации начала 1930-х гг., когда последнее слово при расселении ссыльных оставалось за ОГПУ, спецпереселенцев военной

поры отбирали, перевозили и расселяли рыбопромышленные тресты. Депортированные, согласно инструкциям Наркомрыбпрома, передавались «в полное распоряжение» директоров рыбопромышленных предприятий. На НКВД возлагалось лишь конвоирование и обеспечение режима поселения в районах мест работы спецпереселенцев ⁵⁹.

Подобная практика нанесла серьезнейший удар по спецрежиму. Во-первых, основные хозяйственные организации располагались в «правовом» селе Самарово — вне режимного пространства. Только в навигацию 1942 г. местным производственным структурам (рыбокомбинату, лесозаводу и стройучастку) было передано 2198 человек. В конце года рыбокомбинат передал 384 чел. колхозу им. Чкалова — артели, относившейся к трудпоселку Перековка ⁶⁰. Как показала практика спецпереселения 1944 г., подобные решения чаще всего принимались ввиду неспособности хозяйственных организаций обеспечить расселение и бытовое устройство депортантов ⁶¹.

В результате большинство спецпереселенцев оказалось расселено вне пределов режимного пространства трудпоселков, среди местного населения. Власти пытались предотвратить подобный сценарий: весной 1942 г. была предпринята попытка строительства новых изолированных поселков, но тщетно ⁶². Прибывавшие весной-осенью 1944 г. на территорию Ханты-Мансийского округа калмыки уже планомерно размещались среди «правового» населения ⁶³.

В результате большинство спецпереселенцев (в том числе трудпоселенцы, которые с 1944 г. стали называться «спецпереселенцы-бывшие кулаки») проживали вне режимного пространства, среди «правового» населения. Для агентурного обслуживания новых категорий спецпереселенцев в Самарово была организована комендатура ⁶⁴. Райцентр тем самым был включен в сеть спецпоселений. Практика других сибирских регионов (Иркутская область) показывает, что вопрос об организации новых комендатур решался путем опроса местных комендантов и разрешался положительно в случае прибытия нового многочисленного контингента ⁶⁵. Именно такая ситуация сложилась в Ханты-Мансийске на завершающем этапе войны.

К этому времени окончился вызванный волнами признательных миграций вынужденный переход от «подомового» к «порайонному» (району компетенции одной комендатуры) закреплению спецпоселенцев. В начале июня 1944 г. заместитель народного комиссара внутренних дел В.В. Чернышёв в ответ на запрос Омского обкома ВКП(б) отметил, что «в связи с недостатком рабочей силы, во многих городах, отнесенных ранее к числу режимных местностей 1-й и 2-й категории, приходится разрешать проживание и оставлять на работе промышленных предприятий лиц, имеющих судимости, подпадающих под паспортные ограничения» ⁶⁶. Эта реплика касалась таких крупных городов, как Новосибирск и Свердловск, поэтому нечего было и говорить о сохранении «режимной чистоты» менее значимых региональных центров.

В декабре того же года начальник отдела спецпоселений УНКВД Новосибирской области Жуков, характеризуя положение с кадровым составом аппарата спецкомендатур Сибири, осуществляющим надзор за калмыками, заявлял, что «в абсолютном большинстве областей спецпо-

селков в том виде, как они были раньше, уже давно не существует. Наш контингент живет так же, как и остальное правовое население, т.е. расселен по всему району. Таким образом, комендант там, где он один по штату, фактически обслуживает целый административный район, там, где их два, половину административного района»⁶⁷. Не случайно в официальных сводках говорилось не о «дислокации трудпоселков и трудпоселенцев в них», а о «дислокации спецпереселенцев»⁶⁸.

Работавшая в послевоенные годы на Самаровском лесозаводе и постоянно проживавшая в Самарово спецпоселенка-немка Е.И. Шмидт сообщала: «Комендант все за нами следил, и нас, немцев, в город не пускал»⁶⁹. Также прибывшая в 1942 г. из Ленинграда Валентина Кайгородова отмечала, что «эвакуированные немцы не могли даже выехать в северную часть города: на горе, на которой сейчас проходит улица Гагарина, стоял патруль»⁷⁰, который физически разделял Самарово и Ханты-Мансийск. Раздельность режимного пространства сохранялась до начала 1950-х годов.

В период с лета 1943 по лето 1945 г. произошло еще одно важное преобразование в рамках режимного пространства окружного центра: у перековской спецкомендатуры официально появился первый «участок» (молочно-товарная ферма), то есть узаконенное место постоянного проживания спецпереселенцев, расположенное за пределами режимных поселений. Вероятно это произошло в начале 1944 г. в связи с прибытием калмыков. К 1 июля 1945 г. на территории современного Ханты-Мансийска проживало 895 семей (2593 чел.) спецпереселенцев, всего же к комендатурам было приписано 926 семей (2691 чел.)⁷¹.

Процесс деградации (ухудшения характеристик) режимного пространства продолжался в послевоенные годы, что наиболее ярко проявилось в росте числа «участков». В период с 1 июля 1945 по 1 января 1951 г. их количество возросло с 1 до 8. В результате доля репрессированных, проживавших за пределами Ханты-Мансийска и Самарово, но приписанных к ним, увеличилась с 3,6% населения (при одном «участке» перековской комендатуры) до 12,9% (1951 г.). За пределами окружного центра проживали 64 семьи (211 чел.): на двух «участках» перековской и шести — самаровской комендатур⁷². Данные «участки» были принципиально различны по своим характеристикам. Например, поселок Рыбный представлял собой бывший трудпоселок, в котором были расселены более сотни калмыков, ссыльных крестьян и спецпереселенцев-ИПХ, фактически проживавших в черте Самарово (0 км от комендатуры), в то время как на «озере Ендырь», отдаленном от комендатуры на 700 км, проживала лишь одна семья ссыльных крестьян⁷³.

Деградация режима поселения становится еще более очевидной, если обратиться к истории спецпоселения истинно-православных христиан в окружной столице. Изначально (1944 г.) предполагалось, что «сектанты», как наиболее враждебные советской власти, будут расселены только в «кулацких» спецпоселках⁷⁴, на деле же уже к концу войны половина данного контингента проживала в Перековке, а вторая половина — в Самарово, которое лишь недавно обрело режимный статус. К началу же 1950-х гг. в Самарово проживало уже две трети (29 из 44 чел.) спецпереселенцев-ИПХ⁷⁵.

Летом 1952 г. путем объединения перековской и самаровской комендатур была образована ханты-мансийская городская комендатура. Лейтенант Плесовских (комендант пос. Перековка) стал городским комендантом, а младший лейтенант Чечков (комендант самаровской комендатуры) — его заместителем ⁷⁶. Единство режимного пространства было восстановлено.

Обобщенные списочные данные за 1952 г. по ханты-мансийской городской спецкомендатуре позволяют получить представление о структуре спецпоселенческого социума одного из городских спецпоселений. Списки содержат данные на 510 взрослых спецпереселенцев (от 16 лет), которых однозначно (вплоть до улицы) можно идентифицировать как городских резидентов. Спецпереселенцы принадлежали к шести контингентам: «бывшие кулаки» — 77 чел. (15,1%); немцы — 92 чел. (18%); калмыки — 117 чел. (22,9%); ссыльнопоселенцы — 79 чел. (15,5%); ИПХ — 33 чел. (6,5%); «указники» — 112 чел. (22%) ⁷⁷.

По результатам анализа списочных данных можно утверждать, что наиболее интегрированным в производственные и хозяйственные отношения контингентом являлись «бывшие кулаки». Именно на их примере можно увидеть ключевую проблему режимного пространства. К моменту объединения комендатур сложилось положение, при котором абсолютное большинство (75,8%) ссыльных крестьян были закреплены за комендатурой поселка Перековка (северная часть города), при том, что значительная часть (по данным на июль 1952 г. — 44,2%) трудоспособных работали в организациях (рыбозавод, консервный комбинат, ОРС пристани и др.), расположенных в Самарово, то есть каждый рабочий день перемещались из одной комендатуры в другую ⁷⁸. Это свидетельствует о нежизнеспособности режимных ограничений, поскольку комендатура вынуждена была давать все больше разрешений на перемещение вне пределов своей ответственности. Поддержание режима становилось все более формальным и бессмысленным.

Ликвидация режимного пространства в Ханты-Мансийске началась с 1954 г. (снятие со спецпоселения «бывших кулаков»). Этот процесс прошел практически незаметно для местных жителей, затронув последовательно лишь отдельные категории спецпереселенцев. К тому времени ГУЛАГ и структуры МВД обладали богатым опытом передачи режимной инфраструктуры из ведения одного ведомства в ведение другого, а также советским учреждениям ⁷⁹.

Режимное пространство столицы национального округа — Ханты-Мансийска — в период 1930—1950-х гг. прошло несколько этапов трансформации:

— первый этап (1931 — лето 1934 г.) — начало административно-режимного дробления пространства окружной столицы: появление в «правовом» селе Самарово (первом окружном центре) поселка спецпереселенцев при Самаровском рыбоконсервном комбинате (февраль 1931), «удаление» ссыльных из «правового» пространства путем административного размежевания (поселок рыбкомбината выведен за пределы окружного центра посредством преобразования в трудпоселок Рыбный и передачи Самаровскому району (лето 1932 г.)). Перенос режимного пространства из Самарово на территорию строительства окружной столицы — Остя-

ко-Вогульска, расселение ссыльных (методом самостроя) в центральной части окружной столицы при сохранении режимного единства Самарово и Остяко-Вогульска под контролем окружной комендатуры;

— второй этап (осень 1934 — начало 1944 г.) — создание спецкомендатуры в поселке Перековка, передислокация подавляющего большинства ссыльных крестьян из центральной части на северную окраину окружного центра, контроль за режимным пространством Остяко-Вогульска и Самарово со стороны перековской спецкомендатуры, вхождение поселка Перековка в административно-хозяйственном отношении (с сентября 1938 г.) в состав рабочего поселка Остяко-Вогульск (с 1940 г. — Ханты-Мансийск) при сохранении режимной обособленности (статуса трудпоселка);

— третий этап (начало 1944 — лето 1952 г.) — переход от «подомового» к «порайонному» принципу расселения спецпереселенцев, создание комендатуры в Самарово, подчинение ей (на правах «участка») поселка Рыбный, как следствие попытки руководства системы спецпоселений предотвратить деградацию режима и скатывание к режимному минимуму, физическое (с помощью патруля) разделение режимного пространства окружного центра на две части. Перековская комендатура обеспечивала контроль за спецпереселенцами Перековки и Ханты-Мансийска, самаровская комендатура — за спецпереселенцами, переданными хозяйственным организациям и трудоустроенным в Самарово;

— четвертый этап (лето 1952 — конец 1950-х гг.) — функционирование единой городской комендатуры, расположенной в Перековке, с вхождением в ее состав самаровской комендатуры и поселка Рыбный, восстановление единства режимного пространства окружного центра в условиях последовательного ослабления и ликвидации режима спецпоселения (с 1954 г.), как следствие снятия с учета основных контингентов спецпереселенцев.

Появление «режимных людей» в пространстве административных центров приводило к формированию режимного пространства и сегментации «правового». Характеристики режимного и «правового» пространств трансформировались при взаимодействии административно-хозяйственных институтов, обладавших различным правовым статусом. Исследование показывает нарастающую с конца 1930-х гг. волатильность и, как следствие, ухудшение характеристик режимного пространства, пережившего в годы войны коренной слом, выразившийся в повсеместном переходе от «подомового» принципа расселения к «порайонному», нарастание вмешательства хозяйственных организаций в дела расселения и распределения спецпереселенцев, последовательную деградацию режима комендатур в послевоенный период, по мере углубления хозяйственной интеграции депортированных в местные производственно-хозяйственные комплексы.

Функционирование спецпоселений в черте административного центра Ханты-Мансийского округа можно рассматривать как частный случай режимной урбанизации, так как именно предписанные руководством системы режимных поселений требования дисциплинарный максимум) оказали определяющее влияние на формирование административных границ окружного центра, особенно в довоенный период. При этом по-

следовавшая в годы войны трансформация режима поселений, неразрывно связанная с усилением роли хозяйственных ведомств, использовавших труд спецпереселенцев, свидетельствовала о дрейфе режимной урбанизации к характеристикам урбанизации ведомственной⁸⁰.

Примечания

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 19—78—10024

1. БУГАЙ Н.Ф. Проблемы репрессий и реабилитации граждан: история и историография (XX — начало XXI в.). М. 2012; ИГНАТОВА Н.М. Историография принудительных миграций. — Вопросы истории. 2018, № 6, с. 159—168.
2. ЗЕМСКОВ В.Н. Спецпоселенцы в СССР 1930—1960 гг. М. 2005; КРАСИЛЬНИКОВ С.А., САЛАМАТОВА М.С., УШАКОВА С.Н. Корни или шепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири (1930-е — начало 1950-х гг.). Новосибирск. 2008; СУСЛОВ А.Б. Спецконтингент в Пермской области (1929—1953 гг.). М. 2010.
3. АХМЕТЗЯНОВ С.Х. Спецпереселенцы — первостроители Магнитогорска: монография. Магнитогорск. 2015.
4. КИМ М.Ю. Караганда. Жизнь людей в городе угля. 1931—1941 гг. М. 2017.
5. АХМЕТЗЯНОВ С.Х. Ук. соч., с. 30.
6. КИМ М.Ю. Ук. соч., с. 135—136.
7. БЕРДИНСКИХ И.В. Особенности формирования структуры спецпоселений в СССР в 1930—1940-х гг. Дисс. канд. ист. наук. Киров. 2007.
8. БЕРДИНСКИХ В.А., БЕРДИНСКИХ И.В., ВЕРЕМЬЕВ В.И. Система спецпоселений в Советском Союзе 1930—1950-х годов. М. 2017, с. 309.
9. АХМЕТЗЯНОВ С.Х. Ук. соч.
10. АБЛАЖЕЙ Н.Н., САЛАХОВА Л.М. «Как у вас организован режим и контроль?» — Гуманитарные науки в Сибири. 2013, № 1, с. 59.
11. КОНДРАТЬЕВА Т.С. Введение. В кн.: Режимные люди в СССР: Сб. статей. М. 2009, с. 13.
12. ФУКО М. Лекция от 18 января 1978 г. В кн.: ФУКО М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Колледж де Франс в 1977—1978 учебном году. СПб. 2011, с. 71.
13. ЕГО ЖЕ. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М. 1999, с. 248—259.
14. Временное положение о правах и обязанностях спецпереселенцев, об административных функциях и административных правах поселковой администрации в районах расселения спецпереселенцев (25 октября 1931 г.). В кн.: Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930—1940: в 2-х кн. Кн. 2. М. 2006, с. 537.
15. Разъяснения Верховного Прокурора СССР в ответ на запрос СНК СССР о правовом положении спецпереселенцев (23 марта 1938 г.). В кн.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933—1938 гг. Новосибирск. 1994, с. 73.
16. Там же, с. 74.
17. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 8131, оп. 32, д. 1596, л. 145.
18. История сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-и томах. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. М. 2004, с. 447—448.
19. ГА РФ, ф. 8131, оп. 32, д. 1596, л. 146.
20. Из постановления президиума ВЦИК «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера» (10 декабря 1930 г.) В кн.: Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822—1941 гг.). Тюмень. 1994, с. 180.
21. АЛЕКСЕЕВА Л.В. Ханты-Мансийский автономный округ в первое десятилетие (декабрь 1930 — июнь 1941 г.): монография. Ханты-Мансийск. 2008, с. 26.
22. Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII—XX вв.). Тюмень. 2003, с. 227.
23. Там же, с. 224..

24. Там же, с. 213.
25. ЛУЩАЙ Л. Отметка на всю жизнь. Перековка. — Югра. 2003, № 1, с. 22.
26. «План Уралгосрыбтреста по строительству домов и школ для спецпереселенцев Тобольского Севера на 1932 г.» (6 декабря 1931 г.). Спецпереселенцы на Обском Севере. — Архивы Урала. 1996, № 2, с. 154—155.
27. Циркулярное письмо ГУЛАГа ОГПУ о порядке использования нетрудоспособных спецпереселенцев (10 июля 1932 г.). В кн.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 — начало 1933 гг. Новосибирск. 1993, с. 91.
28. ЗАГОРОДНИОК Н.И. Ссылка крестьян в Северо-Западную Сибирь (1929—1940 гг.). Дисс. канд. ист. наук. Тобольск. 1999, с. 148.
29. Из справки отдела труд и спецпоселений ГУЛАГа НКВД о дислокации трудпоселков по краям и областям (на 1 июля 1941 г.). В кн.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939—1945 гг. Новосибирск. 1996, с. 284—285.
30. В режимное пространство окружной столицы поселок Рыбный войдет лишь в 1950 г. уже в качестве улицы «поселок Рыбный» ханты-мансийской городской спецкомендатуры. В 1967 г. решением исполкома улицы «Лог МРС и пос. Рыбный» были переименованы в ул. Набережную (ранее Береговая) г. Ханты-Мансийска, по которой с начала 1930-гг. располагалась основная часть строений, возводимых рыбкомбинатом. Государственный архив Югры (ГА Ю), ф. 1, оп. 3, д. 170, л. 73—119об; ГА РФ, ф. 9479, оп. 1, д. 557, л. 140—140об.; д. 599, л. 86об.; В бездонных водах времени: Улицы и памятники города Ханты-Мансийска: библиогр. справочник. В 2-х частях. Ч. 1. Ханты-Мансийск. 2014, с. 112.
31. КОНДРАШЕВА Л. Крестьянская ссылка в Остяко-Вогульском округе. 30-е годы. — Югра. 1994, № 2, с. 40.
32. ТАРХАНОВ А. Что с Ханты-Мансийском? — Ленинская правда. 1987, 5 декабря, с. 6.
33. Воспоминания Василия Семёновича Путилова (1927 г.р.). — Ленинская правда. 1989, 8 апреля, с. 3.
34. СОЗОНОВ Ю. Вы правы, Вера Юрьевна! — Новости Югры. 1993, 16 января, с. 4.
35. Там же.
36. В постановлениях окрисполкома и прочих официальных документах первой половины 1930-х гг. Остяко-Вогульск, несмотря на отсутствие официального статуса, именовался городом. ГА Ю, ф. 49, оп. 2, д. 9, л. 4.
37. Копия справки, выданной спецпереселенцу Пянкову Н.А. — Новости Югры. 2001, 30 сентября, с. 3.
38. ФЕЛЬДМАН Д.М. Терминология власти: Советские политические термины в историко-культурном контексте. М. 2006, с. 359.
39. СИСЕЛЯТИН. На подъеме! — Остяко-Вогульская правда. 1937, 23 мая, с. 3.
40. СОЗОНОВ Ю. Ук. соч., с. 4.
41. ГА Ю, ф. 58, оп. 4, д. 16, л. 7, 11.
42. В бездонных водах времени: Улицы и памятники города Ханты-Мансийска, ч. 1, с. 29, 31, 131—132, 142—143.
43. МОШКИН В.В. Крестьянская ссылка на Обь-Иртышский Север (1930—1933 гг.). Дисс. канд. ист. наук. Нижневартовск. 2008, с. 128.
44. АЛЕКСЕЕВА Л.В. Экономическое развитие Обь-Иртышского Севера 1917—1941 гг.: Трансформация хозяйственного уклада: Монография. Екатеринбург. 2006, с. 202.
45. ГА Ю, ф. 58, оп. 4, д. 16, л. 11.
46. СОЗОНОВ Ю. Ук. соч., с. 4.
47. Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII—XX вв.), с. 227.
48. Перековка. В кн.: В бездонных водах времени, с. 11.
49. Постановление СНК СССР № 986—236с «О переводе неуставных артелей трудпоселенцев на устав артелей» (9 сентября 1938 г.). В кн.: Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение... Кн. 1. М. 2005, с. 749.
50. Там же, кн. 2, с. 847.
51. ГА Ю, ф. 49, оп. 2, д. 34, л. 8.
52. Там же, ф. 187, оп. 1, д. 4, л. 3.

53. Выписка из постановления коллегии Наркомзема РСФСР (30 апреля 1930 г.). В кн.: Судьба раскулаченных спецпереселенцев на Урале (1930—1936 гг.): Сб. документов. Екатеринбург. 1994, с. 48.
54. ГА Ю, ф. 187, оп. 1, д. 4, л. 3.
55. Из справки отдела труд и спецпоселений ГУЛАГа НКВД о дислокации трудпоселков по краям и областям (на 1 июля 1941 г.). В кн.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939—1945 гг., с. 284—285.
56. ГА Ю, ф. 118, оп. 2, д. 10, л. 88.
57. Подсчитано по: Там же, оп. 1, д. 262, л. 1; оп. 2, д. 10, л. 88.
58. ГА РФ, ф. 9479, оп. 1, д. 161, л. 264.
59. ГА Ю, ф. 118, оп. 2, д. 10, л. 110.
60. Там же, л. 88.
61. Там же, оп. 1, д. 259, л. 184об.; д. 178, л. 90.
62. Там же, оп. 2, д. 2, л. 6.
63. ГА РФ, ф. 9479, оп. 1, д. 136, л. 35, 49.
64. Впервые самаровская поселковая комендатура упоминается в данных о «дислокации спецпоселенцев» по состоянию на 15 декабря 1944 г. ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 193, л. 136.
65. Из протокола совещания с комендантами спецкомендатур (28 марта 1952 г.). В кн.: Режимная повседневность: особенности и структуры управления и надзора в спецпоселениях. Миграционные последствия Второй мировой войны: депортации в СССР и странах Восточной Европы: сборник научных статей. Новосибирск. 2013, с. 192.
66. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 122, д. 59, л. 38.
67. ГА РФ, ф. 9479, оп. 1, д. 161, л. 171.
68. Там же, д. 260, л. 92.
69. САМОХВАЛОВА А. О женщине с серо-голубыми глазами. В кн.: Спасибо деду за победу! Проект Управления по информационной политике Югорского государственного университета. Ханты-Мансийск. 2012, с. 7.
70. Цит. по: КАЙГОРОВОДА В., ПОТЕХИНА Е. «Смотрите, бежит нескушанная кошка...» — Новости Югры. 1922, 6 июня, с. 5.
71. Подсчитано по: ГА РФ, ф. 9479, оп. 1, д. 260, л. 92—109.
72. Подсчитано по: Там же, л. 92—109; д. 599, л. 85—119об.
73. Там же, д. 557, л. 140—140об.; д. 599, л. 86об.
74. Там же, д. 161, л. 264.
75. Подсчитано по: Там же, д. 260, л. 92—109; д. 599, л. 85—119об.
76. ГА Ю, ф. 1, оп. 3, д. 170, л. 100, 112, 119об.
77. Там же, л. 73—119об.
78. Подсчитано по: ГА РФ, ф. 9479, оп. 1, д. 599, л. 85—119об.; ГА Ю, ф. 1, оп. 3, д. 170, л. 73—120.
79. КИРИЛЛОВ В.М., РЕЗНИКОВ С.Л. Спецпоселение советских немцев в Свердловской области: территориальное распределение, правовое положение и взаимоотношения с властью (1946—1956 гг.). В кн.: GEDENKBUCH: Книга памяти немцев-трудармейцев Богусловлага. 1941—1946. Т. 1. М.-Нижний Тагил. 2008, с. 109.
80. СТАСЬ И.Н. Полемика историков о сущности и результатах урбанизации в России/СССР. — Гуманитарные науки в Сибири. 2017, т. 24, № 3, с. 112—116.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201905Statyi01 ББК 63.3(0)5

Сергей Николаевич Глинка

Н. Н. Лупарева

Аннотация. В публикации реконструируется идейно-политическая биография видного представителя русской консервативной мысли первой четверти XIX в. Сергея Николаевича Глинки — литератора, публициста, издателя журнала «Русский вестник», автора многотомной «Русской истории» и одного из организаторов Московского ополчения в 1812 году. В своих сочинениях и общественно-политической деятельности Глинка отстаивал идею цивилизационной самобытности России, для которой характерна сильная монархическая государственность, значимая роль православия, патриархальность общественного уклада, ценность семьи и исторической традиции.

Ключевые слова: С. Н. Глинка, «Русский вестник», русский консерватизм, патриотизм, православие, Отечественная война 1812 г., Московское ополчение, «теория официальной народности».

Abstract. The publication is devoted to ideological and political biography of Sergey Nikolayevich Glinka — a famous Russian conservative of the first quarter of XIX century. Glinka was a litterateur, political writer, publisher of the magazine “Russian messenger”, author of the voluminous “Russian history” and one of the organizers of Moscow militia. In his writings and socio-political activity Glinka defended the idea of Russian civilization originality with its strong monarchical nationhood, Orthodoxy’s significant role, patriarchal socio-political model, values of a family and historical tradition.

Key words: S.N. Glinka, “Russian messenger”, Russian conservatism, patriotism, Orthodoxy, the War for Fatherland of 1812, Moscow militia, “the theory of an authoritative nationality”.

Трагическое развитие Французской революции, утопившей в крови наполеоновских войн европейский континент, неудачное участие в них России, западнические либеральные реформы Александра I на фоне грядущей большой войны с Наполеоном способствовали консолидации российских общественно-политических сил консервативной направленности. В период с 1807 по 1812 г. консервативные круги сыграли видную роль в патриотической подготовке широких слоев русского общества к предстоящей войне с Наполеоном¹. «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» А. С. Шишкова, памфлет Ф. В. Ростопчина «Мысли вслух на Красном крыльце российского дворянина

Лупарева Надежда Николаевна — кандидат исторических наук, доцент ВУНЦ ВВС «ВВА им. профессора Н. И. Жуковского и Ю. А. Гагарина». E-mail: nadezhda.lupareva@yandex.ru.

Lupareva Nadezhda N. — candidate of historical sciences, associate professor of Military Educational and Scientific Center of Air Force “Air Academy n.a. N.E. Zhukovski and Y.A. Gagarin”. E-mail: nlupareva@vmail.ru.

Силы Андреевича Богатырёва», «Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении» Н. М. Карамзина актуализировали схожий и чрезвычайно важный для исторического момента круг проблем: необходимость отказа от подражательства европейским образцам в культурной, политической, повседневной жизни и обращения к исторически сложившимся, традиционным для России основам социо-культурного и политико-правового бытия. В один ряд с упомянутыми деятелями можно поставить и С. Н. Глинку.

Сергей Николаевич Глинка родился 5 июля 1775 (по надгробной надписи) или 1776 г. (по его «Запискам») ² в небогатой дворянской семье, в с. Сутоки Духовщинского уезда Смоленской губернии. Его домашнее образование не носило систематического характера, что не помешало молодому человеку быть зачисленным в одно из самых престижных в то время учебных заведений — Сухопутный Шляхетный кадетский корпус в Санкт-Петербурге.

Обучаясь в корпусе с 1782 по 1794 г., Глинка, как и многие его современники, получил европейское образование, основанное на идеалах Просвещения, некоторых идеях масонства и романтизма. Он разделял ценности индивидуализма, достоинства человеческой личности независимо от ее социального статуса, гражданственности и другие — близкие к оформлявшейся либеральной мысли. Источником их распространения среди учащихся была считавшаяся антимоноархической и запрещенная вне стен корпуса литература вроде «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева и книг европейских просветителей ³. Особенно интересно, что кадеты любили читать иностранные периодические издания и отслеживать перипетии Французской революции, воспринятой многими восторженно ⁴. В их числе был и Глинка. Он перевел на русский язык текст «Марсельезы» и восхищался Наполеоном Бонапартом ⁵. Вообще Франция и французская культура очаровали юношу так, что «полюбив страстно французский язык», он «затеял уверять, будто бы родился во Франции, а не в России» ⁶.

В 1795 г. Глинка был выпущен из корпуса в чине поручика. Военная служба его совсем не привлекала: молодой офицер пробовал себя как профессиональный литератор и переводчик. В 1800 г. он вышел в отставку, а в 1801 г., отдав все свое наследство сестре, согласился поработать учителем сыновей богатого помещика Харьковской губернии, в имении которого провел три года. По возвращении из Малороссии Глинка продолжил публиковать сочинения компилятивного характера и переводы, в том числе в журнале «Друг Просвещения», издателями и основными сотрудниками которого были литераторы, позднее вошедшие в первую организацию русских консерваторов «Беседу любителей русского слова» ⁷. Таким образом, уже применительно к этому периоду можно говорить о сближении Глинки с консервативными кругами.

Это сближение, а также события 1806 г., когда униженная поражением под Аустерлицем Россия вступила в очередную антинаполеонов-

скую коалицию, а в ее пределах было провозглашено формирование крестьянской милиции, стали началом перерождения Глинки из космополита и поклонника французской культуры в патриота и консерватора. «В то время, — писал он, — отечество для меня было новой мечтой, и воображение мое горело, как чувство юности, согретое первым пламенем любви»⁸. С таким настроением в декабре 1806 г. он начал службу в звании бригад-майора в Сычевском уезде Смоленской губернии. Общение с ветеранами, их искренний патриотизм произвели на Глинку глубокое впечатление: «В необычайный год среди русского народа ознакомился я с душою русских воинов... Мне стыдно стало, что доселе, кружась в каком-то неведомом мире, не знал я ни духа, ни коренного образа мыслей русского народа»⁹.

Эволюция взглядов Сергея Николаевича нашла отражение в его литературном творчестве. Особенно ярко консервативный поворот во взглядах выражен в трагедии «Михаил, князь Черниговский», опубликованной в 1808 г., но написанной еще до заключения Тильзитского мира под влиянием литературных кругов, близких к Г.Р. Державину¹⁰.

Преимущественный интерес представляет вступление к трагедии, где Глинка впервые раскрыл свою негативную реакцию на «кровавую» Французскую революцию, спровоцированную идеологией Просвещения с ее безграничной уверенностью в силе человеческого разума. Рационализму просвещения он противопоставил «Веру и древние обычаи», то есть исторический опыт народа как цементирующую основу всякого правопорядка¹¹. Руководствуясь идеей Ж.-Ж. Руссо о том, что «именно воспитание придает душам национальную форму», автор поднял вопрос «последствий нашего воспитания», в котором «мы час от часу уклоняемся от всего отечественного»¹². Автор имел в виду галломанию высшего общества, то есть его ориентацию на французские культурно-поведенческие модели.

Вот почему Глинка решил «устроить журнал *отечественного воспитания*», о чем он писал в письме к Державину 21 марта 1807 года¹³. Заключение унижительного для России Тильзитского мира (25 июня 1807 г.) придало планировавшемуся Глинкой изданию еще одну цель — «возбуждение народного духа и вызов к новой и неизбежной борьбе»¹⁴.

Первый номер «Русского Вестника» увидел свет в январе 1808 года. Желание сотрудничать с журналом высказали видные консерваторы — Шишков, Ростопчин, А.А. Аракчеев, Державин. Некоторые из авторов — уже упомянутые Шишков и Державин, а также Д.И. Хвостов, П.И. Голенищев-Кутузов, А.А. Волкова — так или иначе были связаны с «Беседой любителей русского слова»¹⁵. И все же основная часть статей «Русского вестника», носивших программный характер, принадлежала перу самого издателя.

Во вступлении к первому номеру Глинка написал: «Все наши упражнения, деяния, чувства и мысли должны иметь целью Отечество... Русской вестник посвящается Русским»¹⁶. Далее из текста следовало, что обращение «к отечественному» будет проходить в контексте противостояния идеологии Просвещения и революционной Франции: «Философы осьмагонадесять столетия... — писал Глинка, — все опровергали, обещивали беспредельное просвещение, неограниченную свободу...

Мы видели, к чему привели ... сии мечты воспаленного и тщеславного воображения! И так, замечая нынешние нравы, воспитание, обычаи, моды и проч., мы будем противопоставлять им не вымыслы романические, но нравы и добродетели праотцов наших»¹⁷.

«Русский вестник» очень быстро привлек внимание общественности, так как уже в третьем номере Глинка опубликовал статью, в которой Тильзитский мир был назван временным перемирием. В заключении статьи говорилось, что в случае военного конфликта с Францией Россия найдет в себе силы для отпора¹⁸. После такой неполиткорректной публикации на направление журнала самому Александру I пожаловался французский посланник А. де Коленкур. Глинка «по политическим обстоятельствам» был уволен от московского театра, при котором состоял сочинителем и переводчиком¹⁹, но запрета на издание журнала не последовало. Однако вплоть до 1812 г. «Русский вестник» оставался оппозиционным официальной правительственной линии.

Инцидент с жалобой заставил Сергея Николаевича сосредоточиться на одной из главных задач своего журнала — критике Франции и французской культуры, а также галломании русского образованного общества. Интересно, что, затрагивая эту проблему, Глинка по сути одним из первых заговорил о явлении, которое сегодня классифицируется как информационная война: галломания виделась ему орудием ведения «сокровенной войны» против России, которая действует на «душу» государства и гораздо опаснее, чем война «явная», затрагивающая только государственное «тело»²⁰. Особое недовольство Глинки вызывало наследие французских просветителей — Вольтера, Д'Аламбера, Дидро и многих других творцов и адептов знаменитой формулы «Свобода. Равенство. Братство», уже во Вступлении к журналу обвиненных Глинкой в кошмарах Французской революции. Соответственно, чтение произведений этих авторов, чрезвычайно популярных среди русского дворянства, с точки зрения Глинки, могло сеять семена революционности на отечественной почве.

Не менее опасна, по его мнению, была работа французских губернаторов, способных распространять «тлетворные» идеи, да и просто подрывать чувство национальной гордости в своих воспитанниках: «Что проповедывают нам иноземные учителя? (я не говорю о всех: нет правила без исключения). Сперва станут они уверять питомца своего, что он ошибкою родился на Руси; что природа сама не знала для чего напустила на Север такие стужи и непогоды; что родина его сотворена только для медведей, и что все его соотчичи невежды, дикари; словом, не люди. Потом, следуя похвальным правилам новой философии, исподволь и ухитряясь, так очистят ум от предрассудков, что в нем... чуть ли и названия останутся о Вере, нравах и добродетелях...»²¹

Большое количество материалов «Русского вестника» затрагивало проблему нравственной, экономической и социальной деградации российского общества, вызванной засильем иностранного воспитания. Поверхностность, пустота «модного воспитания», его ориентация на внешний эффект утвердили в русском обществе ранее неизвестные понятия и явления — «бон-тон», «бомонд», «любезность», «мода» и «ро-скошь», которые подменили истинные нравственные ценности ложны-

ми, в результате чего человек начинал оцениваться не по достоинству личности, а по стоимости одежды, экипажа и т. д. ²²

С детства наученные считать качественной и престижной только иностранную продукцию, представители благородных сословий стали тратить невероятные суммы денег на иностранные «безделки» не только внутри страны, но и за ее пределами, проматывая целые «родовые и благоприобретенные поместья» ²³.

«Порабощенные» западноевропейской культурой и образом жизни привилегированные слои объединились в «общество людей, от всех прочих сословий отличное одеждою, нравами, обычаями, и которое как будто бы составило в России область иноплеменную» ²⁴, совершенно чуждую простонародью, все еще живущему в рамках национальных традиций и культуры ²⁵. Этот мировоззренческий конфликт, с точки зрения Глинки, был чреват возможностью социально-политических потрясений, особенно опасных на фоне французской военной угрозой.

Панацею от «тлетворного» влияния иностранной образованности Глинка увидел в «отечественном воспитании», подробную программу которого представил на страницах своего журнала. Создание отечественной воспитательной системы предполагало: во-первых, внимательное отношение родителей к процессу обучения своих детей ²⁶; во-вторых, подготовку национальных педагогических кадров, учреждение русских училищ и пансионов, составление отечественных учебных пособий и преподавание на русском языке ²⁷.

Что же касается содержательной стороны образовательного процесса, то его стержнем должно было стать изучение русской истории как квинтэссенции национальной традиции, опыта предков ²⁸. Поэтому центральное место в материалах «Русского вестника» заняли статьи, посвященные русской истории.

«Бог. Вера. Отечество» — таковы были, по мнению издателя, основы праотеческой нравственности ²⁹, а Вера — ее краеугольным камнем. На протяжении многих веков она поддерживала гармоничное развитие Отечества. «Учиняющая всех чадами Отца небесного» ³⁰, Вера, во-первых, уравнивала всех людей перед Богом, во-вторых, превращала русское общество в братский союз. Поэтому «старинных русских» никогда не возмущало существование социального неравенства, ибо они осознавали свою причастность к высшему «христианскому равенству». Существование сословной системы в российском государстве виделось им явлением таким же нормальным и необходимым, как различное положение членов в семье: «В Державе обширной и благоустроенной все то же, что и в тесном кругу семейства. Владыка есть отец-наставник, судия и распорядитель; подданные суть чада» ³¹. Эту иерархию они воспринимали лишь как частное проявление природного неравенства, установленного на земле Богом ³². Поэтому русские люди всех сословий, как любящие и послушные дети, служили своим монархам-отцам. В свою очередь, русские государи «могущества своего не отделяли от счастья и великости своего народа», равно заботились обо всех сословиях ³³. Их отеческая опека над народом подавала пример нравственного взаимоотношения с подданными всем представителям высших сословий. Потому русские бояре и дворяне были любящими, милосердными отца-

ми своим подчиненным ³⁴, они «учреждали общенародные празднества, угощения и сближались с простолюдинством, не умаляя ни сана, ни достоинства своего» ³⁵. В том числе «истинные русские помещики» «были всегда помещиками человеколюбивыми. Они знали и старались напечатлеть в сердцах детей своих, что *крестьяне суть такие же люди, как и они*» ³⁶, а русские православные крестьяне, в свою очередь, всегда и во всем повиновались «Богу, Государю, помещикам, отцам и матерям», потому что «Бог велит повиноваться старшим» ³⁷. Таким образом в концепции Глинки Вера являлась основой гармоничного социального порядка праотеческой Руси.

Этот порядок сохранялся благодаря тому, что Вера являлась основой праотеческого воспитания, ибо оно базировалось на священных и духовных книгах ³⁸. Принципиально важным для Глинки было то, что праотеческое воспитание было одинаковым «для земледельцев от сохи, и бояр от теремов княжеских» ³⁹. В результате в старой России не существовало того культурного разрыва, который Глинка видел в настоящем, и «голос России для всех... был равно понятен» ⁴⁰.

Концепция русской истории, предложенная Глинкой в «Русском вестнике», была сильно мифологизирована и идеализирована. Сам издатель, исходя из дидактического назначения истории, считал это вполне оправданным. При этом не стоит забывать, что исторические статьи Глинки базировались на обширной источниковой базе: в «Русском вестнике» были опубликованы рукопись о Задонском побоище, «Почтение детям» Владимира Мономаха, многочисленные документы эпохи Смуты и царствований первых Романовых ⁴¹ и др. Своеобразным — не «ученым», но «нравственным» — было лишь авторское толкование этих материалов ⁴².

Следующим обязательным условием «отечественного воспитания» было преподавание на русском языке — проблема, которая в начале XIX в. выходила за рамки чисто лингвистической ⁴³. Подобно Шишкову и его сторонникам, так называемым «архаистам», Глинка рассматривал язык как субстанцию, которая предопределяет миросозерцание человека. С этой точки зрения, в природе, строе и духе национального языка содержится сложившийся в процессе исторического развития и поддерживаемый традицией комплекс нравственных норм, который посредством общения на родном языке вливается в сознание человека и приводит его к мыслям и поступкам, соответствующим духу нации ⁴⁴.

Важным элементом социальных отношений Глинка считал «благотворение». Его журнал сам являл наглядный пример деятельного вспомоществования ближним. В конце каждого номера помещалась информация о нуждающихся людях или семьях и рассказы о помощи читателей журнала в ответ на такие объявления. Если верить «Запискам» Глинки, благодаря многочисленным откликам читателей в период с 1808 по 1816 г. через издание оказавшимся в затруднительном положении людям было направлено более 40 тыс. рублей ⁴⁵.

Таким образом, консервативная программа «Русского вестника» имела яркую дидактическую направленность и представляла собой конструктивную альтернативу революционному преобразованию действительности. Представленная во всем комплексе статей журнала

концепция Глинки была выведена в жизнеописаниях целого пантеона героев русской истории: князей Владимира Мономаха, Александра Невского, Дмитрия Донского, первых царей династии Романовых, Петра Великого, патриархов Гермогена и Филарета, бояр Михаила Шеина, Фёдора Ртищева, Артамона Матвеева, дворян и полководцев Прокопия Ляпунова, Петра Еропкина, Александра Суворова, русских государынь Натальи Кирилловны, Екатерины Великой и многих других. С точки зрения издателя, привлекательность их образов должна была побудить его современников подражать их добродетельности и служению на благо Отечества, что способствовало бы снятию всех социальных противоречий при сохранении существующего в стране политического устройства.

В первые годы своего издания, то есть в 1808—1812 гг., «Русский вестник» пользовался несомненным успехом у читающей публики, количество его подписчиков достигало 800 чел. — внушительной для той эпохи цифры. Среди именитых читателей журнала числились Шишков, Ростопчин, И. И. Дмитриев, Д. П. Рунич, А. С. Хомяков, М. Т. Каченовский, тогда еще юный М. П. Погодин, и др. Многие из них остались навсегда благодарны издателю «Русского вестника». Так, уже будучи известным историком и профессором Московского университета Погодин писал Глинке: «Ваш Русский вестник 1808 года, с портретами царя Алексея Михайловича, Дмитрия Донского и Зотова, возбудил во мне первое чувство любви к Отечеству, Русское чувство, и я благодарен Вам во веки веков»⁴⁶.

По окончании заграничных походов русской армии 1813—1814 гг., в связи с изменением умонастроений русского общества, приведшим к возникновению декабризма, тираж «Русского вестника» начал неуклонно сокращаться, и в 1820 г. Глинка сообщил о том, что прекращает его издание. В 1824 г. он предпринял попытку возобновления выпуска «Русского вестника», но журнал прекратил свое существование на девятой книжке.

Журнал Глинки, безусловно, стал событием своей эпохи и вызвал широкий общественный резонанс. Замечательно, что значение издания понимали люди отнюдь не консервативных взглядов. Так, Ф. Ф. Вигель в своих мемуарах отмечал: «В обстоятельствах, в которых мы тогда находились, журнал его, при всем несовершенстве своем, был полезен, даже благодетелен для провинций»⁴⁷. Ярче отразил эту мысль П. А. Вяземский: «В то время властолюбие и победы Наполеона, постепенно порабощая Европу, грозили независимости всех государств. Нужно было поддерживать и воспламенять дух народный, пробуждать силы его, напоминая о доблестях предков, которые также сражались за честь и целостность отечества... Перо Глинки первое на Руси начало перестреливаться с неприятелем»⁴⁸.

По-настоящему «звездным часом» Глинки стала Отечественная война 1812 года. 11 июля он первым записался в ратники Московского ополчения, на нужды которого пожертвовал 300 руб. серебром — почти все свое небольшое состояние⁴⁹. 19 июля он был вызван к генерал-губернатору Москвы Ростопчину, встретившему Глинку известием о том, что тот пожалован кавалером ордена Св. Владимира четвертой степе-

ни за любовь к Отечеству, «доказанную сочинениями и деяниями вашими», как было сказано в подписанном Александром I рескрипте ⁵⁰. Также Глинке была вручена «экстраординарная сумма» в триста тысяч рублей на издательскую деятельность ⁵¹. Полученная награда была, пожалуй, высшей формой императорского благоволения, которое могло быть оказано частному лицу, независимому литератору, не состоявшему на государственной службе. Интересно, что в том же 1812 г. Н.И. Гречу на первые расходы по изданию «Сына Отечества» Александр I пожаловал лишь тысячу рублей ⁵².

Прекрасно характеризует бескорыстный патриотизм Глинки тот факт, что врученную сумму он полностью вернул в казну, а позже снарядил на службу в ополчение 20 чел., заложив для этой цели драгоценности своей жены и продав часть своей богатой библиотеки ⁵³.

Помимо вручения награды Ростопчин сообщил Глинке: «... государь возлагает на вас особенные поручения, по которым будете совещаться со мною» ⁵⁴. С этого момента Глинка фактически стал правой рукой московского главнокомандующего. По словам самого Сергея Николаевича, в качестве помощника графа Ростопчина он выполнял «*тайные и важные* препоручения», неоднократно подвергая свою жизнь опасности ⁵⁵. Ни в одном из своих сочинений Глинка даже не намекал на то, какого рода это были поручения. С полной уверенностью можно говорить лишь об активной устной пропаганде среди московского крестьянства, мещанства и купечества.

В воспоминаниях одного из очевидцев московских событий тех дней, писателя И.И. Лажечникова, содержится колоритный рассказ об одном из выступлений Глинки: «На Поклонной горе... в середине толпы стоял мужчина, довольно высокий, плечистый; лицо его казалось вдохновенным, голос звучал знойно, энергически... Толпа, творя крестное знамение, повторяла с жаром его последние слова: “за батюшку царя и Русь православную, под покровом Царицы небесной!” — Я узнал, что это был Сергей Николаевич Глинка» ⁵⁶. Плоды этой работы проявились после вступления в Москву наполеоновских войск, когда отряды вооруженных мужиков не давали французам возможности добыть продовольствие в округе.

По распоряжению Ростопчина, Глинка оставался в Москве вплоть до вступления в нее французов и едва не попал в плен. Интересно, что некоторые современники, кто в шутку, кто всерьез, обвиняли Глинку, как ближайшего сотрудника генерал-губернатора, в поджоге столицы. Но он отметал подобные обвинения и усердно защищал Ростопчина от сомнительной тогда славы поджигателя Москвы. Однако на склоне лет, в одной из своих неопубликованных работ Глинка сообщил, что именно он подал мысль о зажжении Москвы, «а граф Ростопчин произвел ее в действие» ⁵⁷. Проверить истинность позднего признания Сергея Николаевича в авторстве этой идеи не представляется возможным.

К чести Глинки надо сказать, что он не прекращал издание своего журнала даже и в военное время. И именно в 1812 г., по словам Вяземского, «Русский вестник» «облекаясь в плоть и кровь» ⁵⁸. В военное время Глинка уже не сдерживал своего натиска на «лживых и неверных» французов, которые обещали жить в мире, а сами «разбойнически

ворвались в земли любезного нашего отечества»⁵⁹. Издатель резко критиковал безнравственные захватнические амбиции французских войск, порожденные «зловредным духом» французской революции, который эти войска распространяют на побежденных территориях⁶⁰. Глинка описывал коварство и жестокость французского правительства, с его точки зрения намеренно не снабжавшего свои войска продовольствием, чтобы заставить их заниматься мародерством⁶¹. Для характеристики Наполеона издатель не жалел самых мрачных красок: он — «неверный Гольяф», выступивший против «верного Давида»⁶²; «исчадие греха, раб ложной, адской славы, изверг естества, лютый сын геенны»⁶³.

Очевидно одной из своих задач в военное время Глинка считал предотвращение возможных крестьянских бунтов ввиду антикрепостнической пропаганды Наполеона. В пользу этого предположения говорит и обилие в номерах журнала за 1812 г. статей, призванных, с одной стороны, создать необходимый нравственный ориентир и образец для подражания для крестьянства, а с другой — успокоить дворян, убедив их в верности крестьян престолу и Отечеству. Так, в статье «Крестьянский разговор» побывавший за границей крестьянин произносит следующую речь: «Хвали чужбину тот, кто ее не видал; а я видел, видел братцы! тамошнюю волю и вольность... Помещик там про себя, купец про себя, всякий про себя, и всякому тяжело там от руки сильной. А у нас в земле Русской все доброе для всех. Бережет нас ЦАРЬ-ГОСУДАРЬ, жалуют нас отцы-помещики; у нас все за всех и все для всех»⁶⁴. Наиболее полно образ крестьянина — героя и защитника Отечества и престола — был выведен Глинкой в статьях, посвященных подвигу Ивана Сусанина⁶⁵. Причем, как убедительно доказали М. Велижев и М. Лавринович, именно Глинка на страницах своего журнала сформулировал сусанинский сюжет в том виде, в котором он вошел в официальную историографию царствования Николая I⁶⁶.

Вообще войну с французами Глинка воспринимал как зло, но зло необходимое, которое может объединить все сословия русского общества перед лицом внешней угрозы. Поэтому в номерах журнала за 1812 г. он помещал материалы, призванные подчеркнуть долгожданное для него единение русского народа в общем патриотическом порыве.

Уже в 1830 г. в одном из своих писем Вяземский писал, что в 1812 г. Глинка был «оракулом провинций и Шатобрианом московского ополчения»⁶⁷. Образное сравнение с одним из видных европейских консерваторов, христианских мыслителей и гневных критиков Наполеона выглядит более чем удачным. В период Отечественной войны энергичная издательская и пропагандистская деятельность Глинки среди московского населения, опиравшаяся на православную риторику и способствовавшая возжиганию ненависти к Наполеону и его войскам, стала одним из важных факторов победы над наполеоновской армией. А «Русский вестник» Глинки фактически делал содержание этой пропаганды для русской провинции.

В последние годы издания «Русского вестника» в условиях падения его популярности Глинка приступил к систематизации исторических материалов журнала. Итогом этой работы стало написание «Русской истории в пользу воспитания», впервые частично опубликованной на

страницах «Русского вестника» в 1817 и 1818 гг., а позже выдержавшей три отдельных издания: 1817—1818, 1818—1819 и 1823—1825 годов.

Современному читателю исторический труд Глинки может показаться скорее драматическим произведением, нежели исследованием, как по стилю изложения, так и по отсутствию научного аппарата и субъективности оценок. Очевидно знакомство Глинки с основным кругом сочинений по истории России — трудами В.Н. Татищева, М.М. Щербатова, И.Н. Болтина, А.-Л. Шлецера⁶⁸. Но почерпнутые в источниках и исторических сочинениях факты он «преображал» в соответствии со своим «русским направлением». Так, Рюрик у него принадлежал к славянскому корню⁶⁹, название «славяне» произошло от славы⁷⁰, а причиники Ивана Грозного были вовсе не русскими, а татарами, и этим объясняется их жестокость⁷¹.

Однако «Русская история» чрезвычайно интересна с точки зрения ее историософии, выросшей из консервативной концепции «Русского вестника». Коренным началом русского духа Глинка считал монархизм. Он утверждал, что уже в IX в. славяне поняли, что «народное правление, возрождающее буйство и своеволие, вредно в земле великой и обильной», и добровольно установили «наследственную власть»⁷². Принятие христианства закрепило установившийся политический порядок, связав народ «единодушием» и стремлением к «общей пользе». Все кризисы русской государственности были связаны с тем, что «Вера», «единодушие» и «общая польза» забывались в угоду «своеволию», «разномыслию» и исканию «личной выгоды». Так было в эпоху феодальной раздробленности и последовавшего за ней монголо-татарского ига, правления Ивана IV, в период Смуты, в эпоху дворцовых переворотов. Но всякий раз политическое чутье русского народа способствовало восстановлению национальной политической системы. В этом смысле апофеозом русской истории для Глинки было начало XVII столетия, когда «самодержавие утвердилось в России верою и единодушным избранием на престол Царя Михаила Феодоровича»⁷³. Таким образом, Глинка акцентировал внимание на том, что русская государственность имела аутентичный, а не привнесенный извне характер, и выделял ее консервативную, патриархальную природу, нашедшую выражение в особом типе политического строя — самодержавии. Отечественную историю Глинка не разделял на периоды Московской Руси и Петербургской России. Царствование Петра I, а также Екатерины II он оценивал в контексте продолжения государственных традиций XVII века.

«История» Глинки подверглась критике со стороны Н.А. Полевого⁷⁴ и А.Ф. Воейкова⁷⁵. За Глинку вступился сам Карамзин, который ходатайствовал перед министром народного просвещения А.С. Шишковым о том, что «Русская история» «по изложению происшествий и по нравственной цели заслуживает быть классической книгой»⁷⁶. Фактически это означало признание книги пригодной для программ различных учебных заведений. Однако такого статуса работа Глинки не получила.

Несмотря на многие недостатки, значение «Русской истории» нельзя недооценивать. Книга появилась в то время, когда, говоря словами Вяземского, «Россия не была еще отыскана»⁷⁷, знания подавляющего

большинства общества по отечественной истории были очень скудными, поэтому легко и увлекательно написанная книга Глинки вполне могла удовлетворить тогда еще невзыскательного читателя, интересующегося отечественной историей, что подтверждает количество ее переизданий.

На рубеже 1810—1820-х гг. Глинка, потерявший в огне московского пожара все свое имущество, оказался в сложном материальном положении. Он не гнушался любых заработков: от содержания пансиона для детей донских казаков до перевода басен Лафонтена и даже сочинения надгробных надписей⁷⁸. В июле 1825 г. Сергей Николаевич получил уведомление занявшего пост министра просвещения Шишкова о том, что он понадобится ему в Москве в качестве цензора при Московском университете⁷⁹. Интересно, что в свое время Глинка крайне негативно отреагировал на цензурный устав, разработанный консервативным министерством Шишкова. Судя по «Запискам», именно он метко назвал его «чугунным»⁸⁰. Однако материальное положение отца большого семейства (к тому времени Сергей Николаевич с супругой воспитывали уже восьмерых детей) было очень затруднительным. И 1 октября 1827 г. Глинка был «вынужден» начать службу в Московском цензурном комитете⁸¹.

Прямолинейный, не умевший сдерживать своих эмоций, не склонный к кропотливой работе, Глинка мало подходил на должность цензора. Не желая стеснять свободы авторов, он часто подписывал их рукописи, не читая⁸², но даже при таком отношении продержался в этой должности около трех лет, хотя эти годы были ознаменованы рядом серьезных конфликтов. Так, к 1829 г. относятся два случая, когда Глинка, вопреки мнению остальных цензоров, пытался пропустить в печать книги мажорского содержания⁸³.

После увольнения Глинки из цензурного комитета в 1830 г. в его судьбе принимал участие Вяземский, который просил за него перед великим князем Михаилом Павловичем и А.Х. Бенкендорфом как за «писателя, служившего пером своим верою и правдою правительству, особенно же в 1812 году»⁸⁴. Сам Глинка подавал прошения новому министру просвещения К.А. Ливену о назначении ему пенсии⁸⁵. Прошение было удовлетворено.

Вскоре после этого Сергей Николаевич оставил Москву. Он уехал сначала в Смоленск, а затем в Петербург, где продолжал пользоваться поддержкой литераторов консервативного толка — Шишкова и В.А. Жуковского (кстати, последний был близким другом семьи, крестным отцом одного из сыновей Сергея Николаевича). В эти годы были изданы две книги мемуаров Глинки об Отечественной войне⁸⁶, «Очерки жизни и избранные сочинения Александра Петровича Сумарокова»⁸⁷, «Русские в доблестях своих, в вере, верности и в любви своей к престолу и отечеству»⁸⁸, «Русское Чтение. Отечественные исторические памятники XVIII и XIX столетия»⁸⁹.

Содержание последних сочинений Глинки свидетельствует о том, что их автор хранил верность консервативному направлению. Иную картину дают неопубликованные сочинения этого периода⁹⁰. Те же проблемы, которые он излагал в опубликованных сочинениях, получа-

ли кардинально иное решение. Так, причиной Французской революции теперь он называл не деятельность философов-просветителей, а отсутствие во Франции конца XVIII столетия Конституции⁹¹.

Глинка пересмотрел и свою трактовку российской истории. Так, он подверг резкой критике государственную деятельность Петра I, который «неосторожно и заторопленную рукой двинул народ русский на крепостной быт, дотоле не существовавший»⁹². Глинка утверждал, что «вырвав с корнем старинный быт земли Русской», Пётр ничего не оставил «в основание жизни народа русского»⁹³. Обвинению в неспособности даровать России Конституцию подверглась и Екатерина II, которая созывом Уложенной комиссии лишь «обманула и себя, и народ»⁹⁴.

Особенно остро Глинка критиковал царствование Александра I, который «учредил в России гидру олигархического правления» в виде безответственных министерств⁹⁵. Он также разоблачал внешнюю политику императора, считая, что тот больше шел на поводу западноевропейских государств, прежде всего Англии, реализовывая их интересы в ущерб национальным интересам России⁹⁶. С точки зрения Глинки, «после 1805 года, России так сказать надлежало... укрепиться в пределах своих собственными своими силами и не мешаться ни в какие дела Европейские»⁹⁷. Так же критически он оценивал заграничные походы русской армии после Отечественной войны 1812 года. По мнению Глинки, с изгнанием из России Наполеона, в год двухсотлетия дома Романовых, Александру представился лучший шанс даровать России «заветное законоучреждение для всех и каждого»⁹⁸, которым он не воспользовался.

Результатом именно этой ошибки стало восстание 14 декабря 1825 г., которое вспыхнуло от того, «что сам император Александр распустил молву о преобразовании России и потом Бог знает почему, домогался заглушить ее неуместным самовластием»⁹⁹. Критикой царствования Александра I заканчиваются неопубликованные сочинения Глинки. Но, в не пропущенных цензурой сочинениях конца 1820-х гг. автор высказывал мысль о том, что принятие Конституции должно было лечь на плечи Николая I¹⁰⁰.

В 1830—1840-е гг. Глинка не переставал писать статьи в различные журналы. Он сотрудничал с «Дамским журналом» П. И. Шаликова, «Сыном Отечества», «Репертуаром русского театра», «Современником», «Журналом Министерства народного просвещения» и «Маяком»¹⁰¹. Особое значение он придавал контактам с возобновленным «Русским вестником», инициаторами возрождения которого в 1841 г. стали Греч, Полевой и Н. В. Кукольник¹⁰². Журнал не был успешным, и в 1844 г. его издание прекратилось.

В последние годы жизни Глинка часто тяжело болел и в результате ослеп¹⁰³. При нем постоянно находилась его дочь, читавшая ему или писавшая под его диктовку. Из прежних знакомых только Полевой и Вяземский посетили слепого старика¹⁰⁴. Глинка умер в нищете и забвении 5 апреля 1847 года. Похоронен на Волковом кладбище в Санкт-Петербурге.

Изучение истории и сущности русского консерватизма невозможно без анализа идейно-политической биографии Сергея Николаевича

Глинки. Сложность его интеллектуальной эволюции раскрывает философские основы становления консервативной идеологии в России, которая формировалась не только в противовес европейским философским направлениям, прежде всего просветительству, но и в значительной степени под их влиянием. В трудах консерваторов первой четверти XIX в. были сформулированы теории и концепты, развитые русским консерватизмом последующих эпох. Не был исключением и Глинка. Его историческая концепция, безусловно, оказала влияние на русскую патриотическую историографию николаевского царствования и, прежде всего, на Погодина, который в юном возрасте потратил свои первые деньги на приобретение полного собрания «Русского вестника»¹⁰⁵. Трехединая формула Глинки «Бог. Вера. Отечество», явившаяся консервативной альтернативой революционного лозунга «Свобода. Равенство. Братство», на наш взгляд, стояла у истоков идеологического поиска, завершившегося созданием знаменитой уваровской триады «Православие. Самодержавие. Народность». Патриархальная модель общественно-политического устройства, представленная в «Русском вестнике» и «Русской истории», перекликается с моделью государственного устройства, разработанной К.П. Победоносцевым¹⁰⁶. И это лишь самые очевидные примеры. В любом случае, Глинка стоял в ряду тех мыслителей и государственных деятелей, которые начали формировать представление о том, что Россия — особый мир, цивилизационно отличный от Европы, а потому должна развиваться по собственному, самобытному пути.

Примечания

1. МИНАКОВ А.Ю. Роль событий 1812 года в становлении русского консерватизма. В кн.: Консерватизм в России и Западной Европе: сб. научных работ. Воронеж. 2005, с. 7—18.
2. ГЛИНКА С.Н. Записки. М. 2004, с. 7; СИВКОВ К. Глинка С.Н. в кн.: Русский биографический словарь. М. 1995, с. 290.
3. ГЛИНКА С.Н. Ук. соч., с. 46; MARTIN A. Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I. DeKalb. 1997, p. 74.
4. ГЛИНКА С.Н. Ук. соч., с. 95.
5. Там же, с. 140, 230.
6. Там же, с. 83—84.
7. АЛЬТШУЛЛЕР М.Г. Неизвестный эпизод журнальной полемики начала XIX в.: Друг Просвещения и Московский Зритель. В кн.: XVIII век. Л. 1975, сб. 10, с. 105.
8. ГЛИНКА С.Н. Ук. соч., с. 232.
9. Там же, с. 256.
10. Письмо Глинки С.Н. к Державину Г.Р. 21 марта 1807 г. В кн.: ДЕРЖАВИН Г.Р. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. 6. СПб. 1876, с. 201.
11. ГЛИНКА С.Н. Михаил, князь Черниговский: трагедия в пяти действиях. М. 1808, III—IV.
12. Там же, XVII.
13. Письмо Глинки С.Н. к Державину Г.Р. 21 марта 1807 г. В кн.: ДЕРЖАВИН Г.Р. Сочинения..., с. 202.
14. ГЛИНКА С.Н. Записки, с. 259.
15. АЛЬТШУЛЛЕР М.Г. Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. М. 2007, с. 401—404; МИНАКОВ А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж. 2011, с. 131—132.
16. Вступление. — Русский вестник. 1808, № 1, с. 3, 9.

17. Там же, с. 6.
18. Там же, № 3, с. 399—404.
19. ГЛИНКА С.Н. Записки, с. 280.
20. Русский вестник. 1808, № 4, с. 62.
21. Там же, № 3, с. 256—258.
22. Там же, № 9, с. 334.
23. Там же. 1811, № 7, с. 123—124.
24. Там же. 1808, № 4, с. 37—38.
25. Там же. 1812, № 2, с. 96—97.
26. Там же. 1808, № 8, с. 190.
27. Там же. 1811, № 7, с. 125—134.
28. Там же. 1808, № 1, с. 4.
29. Там же. 1811, № 8, с. 71.
30. Там же. 1812, № 6, с. 86.
31. Там же. 1815, № 2, с. 16—17.
32. Там же. 1812, № 6, с. 78.
33. Там же, с. 267.
34. Там же. 1808, № 9, с. 365.
35. Там же, № 2, с. 130.
36. Там же. 1809, № 2, с. 208.
37. Там же. 1808. № 4, с. 34—35.
38. Там же. 1811, № 7, с. 22.
39. Там же. 1812, № 5, с. 48.
40. Там же. 1808, № 6, с. 288.
41. См.: Роспись содержания номеров Русского вестника. В кн.: КОЛЮПАНОВ Н. Биография А.И. Кошелева. Т. I. М. 1889, кн. 2, с. 373—410.
42. Русский вестник. 1811, № 4, с. 32—35.
43. КИСЕЛЁВА Л.Н. К языковой позиции «старших архаистов» (С.Н. Глинка, Е.И. Станевич). — Ученые записки Тартуского гос. ун-та. 1983, вып. 620, с. 18—29; МИНАКОВ А.Ю. Франкобесие. — Родина. 2002, № 8, с. 18—19.
44. КИСЕЛЁВА Л.Н. Ук. соч., с. 24.
45. ГЛИНКА С.Н. Записки, с. 363.
46. Цит. по: БАРСУКОВ Н. Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб. 1894, кн. 8, с. 34.
47. ВИГЕЛЬ Ф.Ф. Записки. М. 2003, кн. 1, с. 562.
48. ВЯЗЕМСКИЙ П.А. Глинка Сергей Николаевич. В кн.: ГЛИНКА С.Н. Записки, с. 437—438.
49. ЕВДОКИМОВ И.В. Забытый патриот 1812 г. — С.-Петербургские ведомости. 1912, 29 авг., № 195, с. 18.
50. ГЛИНКА В.С. Очерк жизни Сергея Николаевича Глинки. Б/д. — РО ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, ед. хр. 675, л. 6.
51. ГЛИНКА С.Н. Записки о 1812 годе Сергея Глинки, первого ратника Московского ополчения. СПб. 1836, с. 27—28.
52. СИДОРОВ Н.П. «Сын Отечества». В кн.: Отечественная война и русское общество. 1812—1912. Т. V. М. 1911, с. 139—145.
53. ГЛИНКА В.С. Ук. соч. — РО ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, ед. хр. 675, л. 60б.
54. ГЛИНКА С.Н. Записки о 1812 годе..., с. 28.
55. Автобиографическая записка Глинки Сергея Николаевича. 18 сентября 1830 г. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), ф. 141, оп. 3, е.х. 35, л. 1.
56. ЛАЖЕЧНИКОВ И.И. Новобранец 1812 года (Из моих памятных записок). В кн.: Собр. соч. И.И. Лажечникова. Т. 7. СПб. 1858, с. 270.
57. [ГЛИНКА С.Н.] Исторический взгляд на общества европейские и на судьбу моего отечества. 1 января 1844 г. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), ф. 191, оп. 1512, ед. хр. 18, л. 204об. — 205.
58. ВЯЗЕМСКИЙ П.А. Сергей Николаевич Глинка. В кн.: ГЛИНКА С.Н. Записки, с. 440.
59. Русский вестник. 1812, № 9, с. 88.
60. Там же, № 10, с. 36—46.

61. Там же, с. 40—41.
62. Там же, № 4, с. 96—102.
63. Там же, № 11, с. 16.
64. Там же, № 10, с. 67—68, 71—72.
65. Напр.: Крестьянин Иван Сусанин, победитель лести и Избавитель Царя Михаила Фёдоровича Романова. — Там же, № 5, с. 72—94.
66. ВЕЛИЖЕВ М., ЛАВРИНОВИЧ М. «Сусанинский миф»: становление канона. — Новое литературное обозрение. 2003, № 63, с. 186—204.
67. Князь Вяземский — Бибикову Д. Г. Остафьево, 2 сентября 1830. В кн.: ВЯЗЕМСКИЙ П. А. Старая записная книжка. 1813—1877. М. 2003, с. 593.
68. ВОЛОДИНА Т. А. Русская история С. Н. Глинки и общественные настроения в России начала XIX в. — Вопросы истории. 2002, № 4, с. 148.
69. ГЛИНКА С. Н. Русская история в пользу воспитания. М. 1818, ч. 1, с. 8—26.
70. Там же, с. 25—26.
71. ЕГО ЖЕ. Русская история, сочиненная Сергеем Глинкой. М. 1823, ч. 4, с. 112—133.
72. ЕГО ЖЕ. Русская история в пользу воспитания, с. 64.
73. Там же.
74. Московский телеграф. 1825, № 10, с. 79.
75. Славянин. 1828, № 30, с. 150.
76. Письмо Карамзина к Шишкову о Глинке. В кн.: Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. М. 1866, ч. 2, с. 399—400; ВЯЗЕМСКИЙ П. А. Сергей Николаевич Глинка, с. 442; ГЛИНКА С. Н. Записки, с. 394.
77. ВЯЗЕМСКИЙ П. А. Сергей Николаевич Глинка, с. 437.
78. СИВКОВ К. Глинка С. Н. в кн.: Русский биографический словарь. М. 1995, с. 294.
79. ГЛИНКА С. Н. Записки, с. 398—400.
80. Там же, с. 409.
81. Там же, с. 410; ДАНИЛОВ В. В. С. Т. Аксаков, С. Н. Глинка и В. В. Измайлов в Московском цензурном комитете. — Известия отдела русского языка и литературы. Т. 1. 1928, кн. 2, с. 513—514.
82. ПОЛЕВОЙ К. А. Записки о жизни и сочинениях Николая Алексеевича Полевого. В кн.: ПОЛЕВОЙ Н. А. Материалы по истории русской литературы и журналистики 30-х гг. Л. 1934, с. 255.
83. ГЛИНКА С. Н. Воспоминания о работе цензурного комитета. 1830 г. РГАЛИ, ф. 2591, оп. 1, ед. хр. 300, л. 6—13.
84. Письмо Вяземского П. А. к Бибикову Д. Г. — Русский архив. 1899, № 5, с. 87—88.
85. ДАНИЛОВ В. В. Ук. соч., т. 1, кн. 2, с. 522.
86. ГЛИНКА С. Н. Записки о 1812 годе Сергея Глинки, первого ратника Московского ополчения. СПб. 1836; ЕГО ЖЕ. Записки о Москве и о заграничных происшествиях от исхода 1812 года до половины 1815 года. С присовокуплением статей: 1) Александр I и Наполеон; 2) Наполеон и Москва. СПб. 1837.
87. ГЛИНКА С. Н. Очерки жизни и избранные сочинения Александра Петровича Сумарокова. Ч. 1—3. СПб. 1841.
88. ГЛИНКА С. Н. Русские в доблестях своих, в вере, верности и в любви своей к престолу и отечеству. Кн. 1—2. СПб. 1842.
89. Русское Чтение, издаваемое Сергеем Глинкою. Вып. 1—4. СПб. 1845.
90. [ГЛИНКА С. Н.] Исторический взгляд на общества европейские и на судьбу моего отечества. 1 января 1844 г. ОР РНБ, ф. 191, оп. 1512, ед. хр. 18; ГЛИНКА С. Н. Взгляд на русскую народность в XVIII столетии. РО ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, ед. хр. 671, б/д; [ГЛИНКА С. Н.] История России. Отрывки: Гл. 1. О быте русских крестьян до Петра I и ответы о полагаемом новом состоянии русских крестьян. Гл. 2. Временное прекращение Юрьева дня и торжественное возобновление царем Борисом Юрьева дня и вольности перехода крестьян. ОР РНБ, ф. 191, оп. 1512, ед. хр. 12, 1844.
91. ОР РНБ, ф. 191, оп. 1512, ед. хр. 18, л. 6, 109, 129—156.
92. Там же, л. 53; ед. хр. 12, л. 31об.
93. Там же, ед. хр. 18, л. 50.
94. Там же, л. 71—71об.
95. Там же, л. 182.

96. Там же, л. 203об.
97. Там же, л. 194об.
98. Там же, л. 206—207об.
99. Там же, л. 210—210об.
100. Мое цензорство. Из «Записок» С. Н. Глинки. ОР РНБ, ф. 191, оп. 1512, ед. хр. 10, л. 22—26.
101. [ЕВДОКИМОВ И. В.] Сергей Николаевич Глинка (жизнь и деятельность). Исследование. РГАЛИ, ф. 1246, оп. 1, ед. хр. 121, л. 227—232.
102. Письмо Глинки С. Н. Сербиновичу К. С. 18 февр. 1840 г. — Русская старина. 1895, № 2, с. 222; Письмо Глинки С. Н. Гречу Н. И. 24 июля 1841 г. — Русский архив. 1869, с. 606.
103. Письма Глинки С. Н. к Глинке Ф. Н. с приписками Глинки М. В. 13 марта 1831 г. — 16 янв. 1845 г. 12 писем. РГАЛИ, ф. 141, оп. 1, ед. хр. 220.
104. ПОЛЕВОЙ К. А. Ук. соч., с. 258.
105. МОЖАЕВА Г. В. Погодин М. П. в кн.: Историки России. Биографии. М. 2001, с. 138.
106. МИНАКОВ А. Ю. Глинка Сергей Николаевич. В кн.: Общественная мысль России XVIII — начала XX века: Энциклопедия. М. 2005, с. 109.

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201904Statyi05 ББК 63.3(2)62

Александр Матросов: загадки биографии

Н. А. Дубовик, А. В. Кобзев, С. А. Прокопенко

Аннотация. В публикации анализируются версии места рождения А. Матросова, представленные в историографии советского и постсоветского времени. Из имеющихся пяти версий на сегодня наиболее известны «башкирская» и сравнительно новая «зиновражская». Ни одна из существующих гипотез не обладает прямыми и однозначными доказательствами. Однако «зиновражская» версия по совокупности фактических данных выглядит предпочтительней. Согласно этой версии, Александр Матросов родился в ныне исчезнувшем поселении Зин-Овраг, на территории современного Новомалькинского района Ульяновской области, в деревне, где проживал его отец Матвей Иванович Матросов.

Ключевые слова: Александр Матросов, Шакирьян Мухамедьянов, Ивановский детский дом, Ульяновск, Мелекес, Зин-Овраг, Кунакбаево, Уфимская трудовая колония.

Annotation. The publication analyzes the versions of the place of birth of A. Matrosov, existing in the historiography of the Soviet and post-Soviet periods. Among the five versions of the most famous today “Bashkir” and the relatively new “Zinovrazhskaya.” None of the existing hypotheses has direct and unequivocal evidence. However, the “Zinovrazhskaya” version of the set of arguments looks preferable. According to this version, Alexander Matrosov was born in the now-vanished Zin-Ovrag settlement, on the territory of the modern Novomalyklinsky district of the Ulyanovsk region, in the ancestral village of his father MatveyIvanovichMatrosov.

Key words: Alexander Matrosov, Shakiryan Mukhamedyanov, Ivanovo’s Orphanage, Ulyanovsk, Melekess, Zin-Ovrag, Kunakbaevo, Ufa labor colony.

Не так давно на сайте Министерства обороны появились документы о жизни Александра Матросова (1924—1943) ¹. К сожалению, они не только не проясняют недомолвок, разночтений и противоречий мифологии, сложившейся вокруг имени 19-летнего юноши, но и порождают новые. Цель данной работы — прояснить ключевые вопросы биографии

Дубовик Нина Александровна — краевед; *Кобзев Александр Викторович* — кандидат исторических наук, специалист Центра истории и культуры региона АНО «ЦСИ Ульяновской области», *Прокопенко Сергей Алексеевич* — доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра истории и культуры региона АНО «ЦСИ Ульяновской области».

Dubovik Nina A. — member of the Russian Union of professional writers; *Kobzev Alexander V.* — PhD (History), specialist of the Center for History and Culture of the ANO “Center Strategic Research of the Ulyanovsk Region”; *Prokopenko Sergey A.* — doctor of historical sciences, professor, head of the Center for History and Culture of the ANO “Center Strategic Research of the Ulyanovsk Region”.

этого человека-символа, понять механизмы формирования мифов с помощью материалов, полученных в результате поисков в последние десятилетия на территории Ульяновской области, а также личных архивов ряда исследователей.

Александр Матвеевич Матросов — детдомовец, пробывший на фронте несколько дней, но ставший Героем Советского Союза и одним из образцов героизма советских людей в годы Великой Отечественной войны. Его короткая жизнь стала предметом научных изысканий, а имя и подвиг увековечены в многочисленных памятниках. Именем Матросова названы улицы и корабли, ему посвящены литературные произведения, музейные выставки и мемориальные комплексы². Казалось бы, биография юноши должна быть изучена глубоко и детально. Однако даже сейчас, по прошествии почти 75 лет со времени окончания войны, ключевые вопросы его официальной биографии остаются дискуссионными.

Все, что мы знаем о довоенной жизни А. М. Матросова основано на частично опубликованных и неопубликованных воспоминаниях тех, кто с ним учился и рос. Напомним, что сначала он воспитывался в детдоме № 26 для малышей в г. Мелекесе (ныне г. Димитровград, Ульяновская область), затем по возрасту был переведен в Мелекесский детдом № 25, а позже отправлен в Ивановский детский дом (ныне Ульяновский район одноименной области). Следующий значимый отрезок его жизни связан с Уфимской детской трудовой колонией (ДТК). В ней он оказался «за повторное нарушение паспортного режима». Во время Великой Отечественной войны, после призыва в армию, он обучался в Краснохолмском училище и в составе бригады добровольцев-сибиряков был направлен на Калининский фронт.

Незначительное число сохранившихся документов лишь частично позволяют проследить отдельные сюжеты из его жизни. По-прежнему нет прямых свидетельств о месте его рождения. На сегодняшний день существует пять версий: «днепропетровская», «поволжская или мордовская», «смоленская» (точнее г. Киров в прошлом Калужской губернии³), «башкирская (кунакбаевская)» и «зиновражская». Высказанные в публичном пространстве предположения обросли домыслами, догадками и нередко подаются в качестве доказанных и установленных фактов. Попробуем в них разобраться.

Первая брошюра, посвященная подвигу Александра Матросова, была опубликована в 1943 г. издательством «ОГИЗ-Госполитиздат». В ней приводится анкета, в которой юноша назвал 1924 г. годом своего рождения, но ни словом не обмолвился о месте рождения⁴. Тем не менее в советское время официозной стала «днепропетровская» версия места его рождения. Автором гипотезы был писатель Павел Журба⁵. Ее поддержали многие советские авторы — биографы Матросова⁶, в том числе и кандидат исторических наук И. И. Шкадаревич⁷. Однако в трех монографиях, изданных в 1967, 1968 и 1973 гг., исследователь не привел в подтверждение своей версии убедительных документальных свидетельств⁸. В архивах и ЗАГСе г. Днепропетровска не было найдено ни одного документа, позволяющего пролить свет на этот вопрос. Впрочем, на это следовало «очевидное» объяснение сторонников версии: во вре-

мя боевых действий и последующей оккупации города немецко-фашистскими войсками архивные материалы и прочие документы погибли.

Видимо это обстоятельство и побудило Шкадаревича предпринять дополнительные поиски малой родины Матросова. Логично, что искать следовало в Ульяновской области, где прошло его детство. В конце 1960-х гг. Шкадаревич вместе с московским энтузиастом Зарубиным разыскивал материалы по доивановскому периоду жизни Матросова. В ходе поиска Зарубин обращался за помощью к бывшему директору Ивановского детдома П.И. Макаренко⁹. Сам Шкадаревич в 1967 г. сделал запрос в райком партии Новомалыклинского района Ульяновской области с просьбой помочь в поиске корней Матросова, предположительно родившегося в селе Александровка Мелекесского или соседнего Новомалыклинского районов. На свой запрос историк получил отрицательный ответ, что позволило ему продолжать настаивать на правоте «днепропетровской» версии. В 1973 г. вышла последняя книга Шкадаревича об Александре Матросове. Ничего нового по данному вопросу она не содержала. Однако, ссылаясь на документы (но не говоря на какие именно), исследователь упомянул о том, что во второй половине 1940 г. Матросов предпринял поиски своей матери Анны Николаевны, ранее проживавшей в г. Сталинграде (Царицыне)¹⁰.

Между тем, в 1968 г. редактор Новомалыклинской районной газеты «Звезда» А.Г. Толчков опубликовал статью, в которой предположил, что Матросов мог быть уроженцем Новомалыклинского района, но не Александровки, а хуторского поселка Зин-Овраг, который находился примерно в сорока км от Мелекесса¹¹. Ему довелось опросить местных жителей, в том числе предполагаемых родственников Матросова. Правда, эти опросы породили новые противоречия. Так, со слов старожилы Никифора Трофимовича Мартынова, Александр был сыном Ильи Николаевича и Авдотьи Ивановны Матросовых, проживавших в п. Зин-Овраг. Звали «Сашу» 1919 г.р. — Николаем. После смерти Ильи Авдотья Ивановна переселилась в д. Новая Куликовка и в голодные годы оставила сына на крыльце Мелекесского детдома с запиской, где назвала его Александр Матросов. Архив Новомалыклинского района подтверждает факт существования Николая. Однако предполагаемый родственник Матросова Василий Николаевич и его сестра Елена Николаевна Матросовы подтверждают только то, что их родной брат Илья проживал со своей семьей в п. Зин-Овраг, но не мог быть отцом Александра.

В целом на тот момент слабость версии Мартынова была очевидной: хронологические нестыковки с фактами из биографии Матросова были вопиющими. Если он был 1919 г.р., то его призвали бы на фронт уже в 1941 г., когда ему исполнилось 22 года. В действительности Александра призвали в сентябре 1942 г. по достижении им совершеннолетия (то есть в 18 лет), значит, он должен был родиться в 1924 году. Напомним, что во всех официальных документах — в комсомольском билете, в характеристике на призывника, в анкете и наградном листе, в извещении о смерти именно 1924 г. указан как год рождения¹².

На протяжении 1960-х гг. активными поисками фактов из ранней биографии Матросова также занимался ульяновский краевед П.К. Ковальчук¹³. Ему удалось разыскать и опросить более 20 чел., знавших Ма-

тросова. На основе новых данных, он высказал обоснованные сомнения в достоверности «днепропетровской» версии. В 1962 г. он изучил материалы днепропетровского архива, ЗАГСа и краеведческого музея, но документальных свидетельств рождения Матросова в этом городе так и не нашел¹⁴. В одном из писем секретарю ЦК ВЛКСМ Ковальчук писал, что на основе достоверных сведений можно утверждать, что Матросов был родом из Поволжья или из Мордовии¹⁵. Кроме того, краевед предложил иную дату рождения Александра — 1926 год. Основанием для такого вывода стали заявка директора детского дома на освидетельствование медкомиссией детей, не имевших официальных метрических документов, и результат этого осмотра в апреле 1937 года. Тогда по внешнему виду Александру дали не более 10 лет. Освидетельствование было оформлено в виде официального документа ЗАГСа. Правда, близкий друг Матросова по Ивановке В. В. Петрушин, состоявший в переписке с Ковальчуком, настаивал на 1924 г. рождения, так как медкомиссия проводила осмотр в течение 10—15 минут и вполне могла прибавить или убавить несколько лет, тем более что Матросов был невысокого роста¹⁶.

В 1968 г. в главной областной газете вышла статья Ковальчука, в которой впервые в научный оборот была введена ранее неизвестная фотография 1937 г. из ульяновского детприемника. В статье автор на основе записи в книге движения детей утверждал, что Матросов впервые попал в Ивановку не в 1935—1936 гг., как считалось ранее, а в начале февраля 1937 года¹⁷. Впрочем, как выяснилось позже, последнее заявление оказалось ошибочным. Согласно воспоминаниям друзей по Ивановке — Ф. Хасанова, Е. Лавровой, В. А. Раскопова, воспитателя из Мелекесского детского дома А. В. Миникаевой — в Ивановку Матросов попал в 1935 году. В этот год Миникаева сопровождала малолетнего Матросова на поезде из Мелекесса в Ульяновск. Затем до Ивановки его вез воспитатель Г. П. Гаврилов¹⁸. В чем действительно оказался прав Ковальчук, так это в дате отбытия Матросова из Ивановки в Куйбышев — 1940 год. К концу 1960-х — началу 1970-х гг. Ковальчук завершил работу над рукописью книги об ивановских годах Матросова, правда, опубликовать ее так и не смог¹⁹. 6 декабря 1976 г. он умер, а большую часть архива забрал его сын, проживавший в Ленинграде.

В научно-популярных и периодических изданиях советского времени, посвященных биографии героя, неоднократно встречались неточности и расхождения в датировке отдельных событий его жизни. Этим грешат и авторы современных публикаций в региональной и центральной прессе. Расходились в датировке пребывания Матросова в Ивановке и люди, хорошо его знавшие. По воспоминаниям П. И. Макаренко, Лавровой и Хасанова, Матросов жил там с осени 1935 до осени 1940 года²⁰. Петрушин говорил о периоде с конца 1936 и до сентября 1940 года²¹. Воспитатель П. П. Резин и И. М. Синягин считали, что это — период с 1936 по 1939 год²². Соответственно разноречивой была и авторам публикаций о Матросове. Называлось разное время отправки его из Ивановки в Куйбышев: 1939 г.²³, август²⁴ и ноябрь²⁵ 1940 года. Шкадаревич приводил две даты — сентябрь 1939 и февраль 1940 года²⁶. Краевед В. В. Емельянов предполагал, что Матросов пробыл в Ивановском детдоме с 1935 или с 1936 и до декабря 1939 г., затем его отправили

в Куйбышев, откуда он сбежал, и где-то с января по октябрь 1940 г. вел «вольную жизнь», пока вторично, после первого задержания в Куйбышеве в июле, не был задержан в Саратове²⁷.

Как видно из воспоминаний и публикаций, расхождения в датировке отъезда Матросова из Ивановки в Куйбышев укладываются в промежутке с осени 1939 до осени 1940 года. Соответственно, если это был конец 1939 г., то Матросов не доучился в шестом классе; а во втором случае — не успел начать учебу в седьмом классе. Мы полагаем, что, скорее всего, это могло произойти не ранее апреля 1940 г., так как 21 января Макаренко забрал его из Ульяновского детского приемника в Ивановский детский дом²⁸, и до весны/лета он все еще оставался его воспитанником. Затем Матросов был трудоустроен в Куйбышеве, по крайней мере, до лета 1940 года. В этот год он дважды был необоснованно осужден: 18 июля 1940 г. народным судом 9-го участка г. Куйбышева за кражи сроком на шесть месяцев лишения свободы (его досрочно освободили)²⁹ и 8 октября 1940 г. 3-м участком народного суда г. Саратова на два года лишения свободы за «повторное нарушение паспортного режима»³⁰.

Встречались разночтения в наименовании организации, откуда Александр прибыл в Ивановский детдом: детский приемник³¹, детский дом г. Мелекесса³², в воспоминаниях Петрушина — Грачевский детдом (это в 35—40 км от Ульяновска), со слов Раскопова — из Карсуна³³. Еще более сложным представлялся «беспризорный» путь Матросова с раннего детства и до Ивановки бывшему директору Макаренко. В письме совету дружины от 22 марта 1966 г. он писал: «В детдом он направлен с Ульяновского приемника, а в приемник попал с какого-то Уфимского детдома. До уфимского детдома он был в дошкольном детдоме (не помню в каком). До дошкольного детдома был в Карсуне (где-то возле Рузаевки) в доме младенца»³⁴. Спустя семь лет Макаренко указывал, что совершенно не помнит, где именно Матросов был до Ивановки, но, по-видимому, родителей он потерял в младенчестве и какое-то время находился в Мелекесском детдоме. В личном деле Матросова по прибытии в Ивановку было записано: «1924 год рождения. Имя — Александр. Отчество — Матвеевич. Фамилия — бесфамильный и в скобках (матрос), это видимо была его кличка»³⁵.

В советское время вопрос об образе Матросова вызывал ожесточенные идеологические споры. В 1950—1960-е гг. в советской периодической печати развернулась критика художественных произведений советских писателей Журбы и А. Бикчентаева³⁶. С точки зрения критиков, в их книгах Матросов был представлен вором и чуть ли не уголовником, лихим и дерзким парнем, хулиганом, имевшим дело с милицией³⁷. В 1968 г. в одном из номеров областной газеты «Ульяновская правда» была перепечатана статья Н. Овчинникова и В. Цыганкова, ранее опубликованная в центральной газете Министерства обороны «Красная звезда». Ее авторы выступили против «искажения образа героя» и за исторически достоверный образ Матросова, наделенного такими моральными качествами как «мужество, честность, верность, храбрость» и не имевшего ничего общего с уголовным миром³⁸. На основе воспоминаний однокашников по Ивановскому детскому дому, Уфимской

ДТК и Краснохолмскому училищу в историко-документальных очерках А.И. Царёва и Шкадаревича рисуется позитивный образ Матросова — любознательного, трудолюбивого, честного и отзывчивого юноши ³⁹.

Реконструкция биографии Матросова во многом затруднена состоянием исторических источников. Некоторые документы утрачены безвозвратно, например, уголовные дела, заведенные на него в Куйбышеве и Саратове в 1940 г., за истечением срока хранения, уничтожены ⁴⁰. Известно о Книге движения детей-беспризорников, которую видела бывший директор Ивановского детдома Р.И. Иванова, утверждавшая, что Матросов — уроженец Ульяновской области ⁴¹. Но сама книга впоследствии была утрачена ⁴². Сохранность архивных материалов учреждений, связанных или могущих быть связанными с Матросовым, тоже оставляет желать лучшего. Например, архив детского приемника в Ульяновске и дела по движению детей в Мелекесском архиве начинаются только с 1937—1938 годов ⁴³. Также не сохранились материалы детдомов БАССР начала 1930-х гг., а документы 1920—1930-х гг. Учалинского района — гипотетической малой родины в Башкирии — сгорели еще до войны во время пожара ⁴⁴. Документально нет возможности точно установить, когда Матросов оказался в детдоме № 26 г. Мелекесса, когда был переведен в детдом № 25 и в каком месяце 1935 или 1936 г. его отправили в Ивановский детский дом ⁴⁵.

Не все так просто обстоит и с документами, фотокопии которых были опубликованы в монографиях, и в настоящее время размещены на страницах интернет-сайтов. Например, существуют два комсомольских билета Матросова с записями: «лег на огневую точку» и «лег на боевую точку»; два наградных листа от 24.07.1967 г.: на одном в качестве постоянного адреса проживания и адреса его семьи указаны «г. Уфа, Трудовая детская колония НКВД, 1-я, барак № 19, тетя Матросова», а в другом слово «тетя» уже отсутствует ⁴⁶.

Недавно размещенное на сайте Минобороны письмо военфельдшера Г.М. Коровиной (в девичестве Судновой) также вносит дополнительную сумятицу. Оно датировано 19 мая 1978 года. Судя по переписке, 17 апреля 1978 г. к Коровиной обратился А.Г. Янкевич с просьбой поделиться своими воспоминаниями об обстоятельствах гибели Матросова, так как Коровина, якобы, была его однополчанкой и очевидицей событий. Она рассказала: «В 1942 г. я была назначена в 4-й отдельный батальон 91-й стрелковой бригады добровольцев-сибиряков. Командиром батальона был капитан Швецов, а его помощником — командир роты капитан Г.С. Артюхов, у которого ординарцем как раз и был Матросов». Как следует из письма, она знала, что у Матросова не было родителей, — сам он детдомовский, а что касается национальности, то он был похож не на русского, а «что-то вроде на узбека или вроде того» ⁴⁷. Описывая свое пребывание в 4-м батальоне, Коровина допускает ряд существенных фактических ошибок. Например, в феврале 1943 г., когда шли бои за д. Чернушку, Артюхов находился в звании старшего лейтенанта, а не капитана, и служил не в 4-м, а во 2-м батальоне. Командиром 2-го батальона был капитан С.А. Афанасьев ⁴⁸. Тот факт, что Матросов был определен Коровиной как узбек, возможно, объясняется тем обстоятельством, что в 91-й бригаде было 7% узбеков, 6,5% татар и остальные русские ⁴⁹. Но

чем в действительности он был похож на узбека, сказать сложно, так как Коровина не расшифровала столь удивительное заявление.

На излете советской эпохи, в конце 1980-х — начале 1990-х гг., башкирский журналист Р. Х. Насыров на страницах газеты «Советский Башкортостан», а затем в своей книге предложил еще одну версию места и даты рождения Матросова⁵⁰. В 2000-х гг. началась активная популяризация «башкирской» версии в региональных и центральных газетах, в научно-популярных и энциклопедических изданиях⁵¹. В опубликованных статьях обычно без изменений воспроизводились фрагменты монографии Насырова, а многие положения, высказанные автором в качестве предположений, нередко подавались как вполне доказанные и установленные факты.

Свои изыскания Насыров начал в 1988 году. Книга, опубликованная спустя шесть лет, в 1994 г., была написана в жанре журналистского расследования, в ходе которого автор ненавязчиво выводил на страницы произведения ранее «неизвестные», сенсационные сведения из биографии Матросова. Позже они вошли в документальный фильм «А. Матросов. Правда о подвиге», созданный на основе книги.

По мнению Насырова, Матросов — башкир по национальности, уроженец д. Кунакбаево Учалинского района Башкортостана. Родился он, якобы, в 1923 г. и в своей деревне был известен как Шакирьян Мухамедьянов. Его родителями названы Юнус Юсупов и Муслима, которая умерла при последующих родах примерно в 1929—1930 годах. В первый класс мальчик пошел в возрасте девяти лет в 1932 г., когда еще жил в деревне. Примерно в 1933—1934 гг. Шакирьян то ли покинул деревню, то ли его мачеха (вторая жена Юнуса) отвезла его в детский дом, где он стал известен как Александр Матросов, а в среде детдомовцев носил клички «Шурик-Шакирьян», «Шурик-машинист», «Шурик-матрогон», «Матрос». Примерно в 1932—1934 гг. парень дважды побывал в детдомах г. Мелекесса. Причем в первый раз в Мелекесский детдом его подбросили вместе с сестрой — детей попросту оставили в коридоре. Фамилию и имя он изменил по очевидной для автора причине — из-за национальных предубеждений, свойственных воспитанникам детдомов по отношению к нерусским беспризорникам. Два или три раза после этого он появлялся в деревне и сообщал, что работает и учится в Уфе, и тогда уже просил называть себя Александром Матросовым. В 1941 г. примерно за две недели до начала войны он вновь побывал в деревне и встречался с отцом.

Документальной основой версии стали два письма Н. И. Черникова-Иргалина (он же Газнави Иргалин), 1926 г. р., уроженца д. Кунакбаево, а также тетради воспоминаний и письма С. Гирфановой, выписка из архивной справки Учалинского горсовета о составе семьи Ю. Юнуса на 1939 г. и справка, подписанная пятью жителями д. Кунакбаево⁵². Помимо опроса жителей д. Кунакбаево, знавших Мухамедьянова, автор встречался и беседовал с людьми, в той или иной степени причастными к судьбе Матросова, в Учалах, Уфе, Ульяновске, Ивановке, Дмитровграде и в Лесной Васильевке (Мелекесский район). Некоторые сведения были получены автором монографии в ходе переписки с теми, кто, яко-

бы, знал Матросова, либо что-то слышал о нем. Выдержки из некоторых писем приведены в книге.

Для идентификации личности Матросова — Мухамедьянова автор выборочно использовал четыре фотографии: снимок мальчика с голубем из Ивановского детдома 1939 г., коллективный снимок жителей д. Кунакбаево 1932 г., фотографию с вручением комсомольского билета Матросову и изображение Матросова в качестве участника художественной самодеятельности в Ивановском детском доме⁵³. Все те, кого опрашивал Насыров, на этих фотографиях в качестве Матросова узнавали Мухамедьянова⁵⁴. В то же время в экспертном заключении Всесоюзного научно-исследовательского института Министерства юстиции СССР было сказано, что по «репродукциям очень плохого качества» не просматриваются необходимые для сравнительного исследования признаки лица (форма глаз, ушей, рта, носа), поэтому «можно сделать лишь вероятный вывод» о том, что на этих фотографиях изображен один и тот же человек⁵⁵.

В 2007 г. вышла вторая книга Насырова о Матросове. Ее основу составил текст 1994 г., однако с учетом дополнительного материала была иначе выстроена структура монографии. В нее вошли раздел, посвященный истории создания документального фильма о Матросове, и материалы, предоставленные Емельяновым, из архива Ковальчука об ивановском периоде жизни (отдельные воспоминания Макаренко, Петрушина, Раскопова и Лавровой). Фрагменты этих воспоминаний частично воспроизведены в книге⁵⁶. В целом же Насыров, характеризуя их содержание, ограничился общим выводом, что воспоминания воспитателей и друзей Матросова по Ивановке полностью совпадают с тем, что говорили о нем в Уфе (имеется в виду детская трудовая колония) и в Учалах⁵⁷. При этом система аргументации и документальная база «башкирской» версии остались теми же, что и в 1994 году.

Публикации Насырова в свое время вызвали сильный общественный резонанс. В региональных изданиях и в центральной прессе, в монографических работах о Матросове появились аргументированные критические замечания в адрес его версии. Так, например, указывалось, что, согласно воспоминаниям однокашников по Ивановскому детдому, в частности, того же Хасанова, Матросов ни разу не обмолвился ни словом по-башкирски. Да и вряд ли, если бы он был башкиром, к девяти годам настолько хорошо освоил русский язык, что говорил на нем без акцента⁵⁸. Напомним, что отчеты Мелекесского РайОНО даже в 1940—1950-е гг. свидетельствуют о катастрофически плохом знании детьми русского языка в национальных селах⁵⁹. Этот факт был отмечен и в областной газете «Ульяновская правда»⁶⁰. На рубеже 1920—1930-х гг. в некоторых детдомах г. Мелекесса нерусским воспитанникам была предоставлена возможность обучаться на родном языке. В частности, в детдоме № 8 занятия велись на русском и татарском языках⁶¹. Если бы Шакирьян в это время действительно был в Мелекессе, то вполне мог бы оказаться в этом детдоме и обучаться на близком башкирскому татарском языке. Но, по воспоминаниям его друзей и воспитателей, молодой человек не говорил ни на одном из этих языков.

По мнению исследователя А. Канавщикова, Насыров и А.Б. Зарипов (учитель истории в Кунакбаевской средней школе) вместо фактов опирались на предположения и размытые фотографии малолетнего мальчика из башкирской деревни. Кроме того, им так и не удалось найти в архивах Республики Башкортостан достоверных документов, однозначно свидетельствующих о том, что Мухамедьянов и Матросов — это один и тот же человек. Не вписывается в логику той эпохи, по мнению Канавщикова, и нарисованный Насыровым и Зариповым «вороватый образ» Матросова⁶², ранее представленный в книгах Журбы и Бикчентаева. По мнению Канавщикова, если бы Александр был уголовником, то по тем временам его вряд ли приняли в комсомол и отправили на учебу в пехотное офицерское училище. Да и в Уфимской ДТК ему была дана «блестящая характеристика». Известно, что Матросов был осужден за нарушение паспортного режима, в то время как Мухамедьянов, по воспоминаниям его односельчан, воровал чуть ли не с пеленок, чем и жил⁶³. Не совпадают и внешний вид Матросова и Мухамедьянова. Для идентификации Матросова как Мухамедьянова использовались сильно отретушированные изображения, основой которых послужила фотография из уголовного дела 1940 года⁶⁴. По свидетельствам знавших Мухамедьянова, тот был типичным брюнетом. По воспоминаниям же тех, кого судьба свела с Матросовым, его знали как русоволосого или темноволосого, голубоглазого молодого человека⁶⁵. В 2000-х гг., когда возник вопрос о возможности проведения генетической экспертизы, сторонники «башкирской» версии от нее отказались⁶⁶.

Таким образом это журналистское расследование было выполнено на основе избирательного изучения архивных материалов и устных опросов, без должного для историко-биографической работы критического анализа и сопоставления весьма неоднозначных и часто противоречивых сведений. В «башкирской» версии есть много хронологических нестыковок не только с установленными и достоверными фактами в биографии Матросова, но и в самих сведениях, почерпнутых автором в ходе опросов. Если говорить об устных свидетельствах односельчан и людей, знавших Матросова по мелекесскому, ивановскому, уфимскому и армейскому периодам жизни, то бросаются в глаза существенные разночтения в дате рождения Мухамедьянова. В монографии называются 1923, 1924, 1926 и даже можно сделать вывод о 1928 г. его рождения. Так, в письмах Н.И. Черникова (он же Газнави Иргалин, 1926 г.р.) утверждалось, что они с Шакирьяном были почти одногодками, вместе ходили в детский сад и начали учиться в школе⁶⁷. Но из записей в тетради С. Гирфановой следует, что Газнави родился не ранее 1928 г. и в 1932 г. ему было четыре года, то есть он был младше Мухамедьянова. Далее, если по Гирфановой, в первый класс они пошли вместе с Шакирьяном, то, как тогда он мог начать учиться вместе с Иргалиным, который был младше их?⁶⁸ О начале совместной учебы с Шакирьяном писала и З. Гизетдинова. Она утверждала, что они пошли в первый класс в 1932 г. в возрасте восьми лет⁶⁹.

Если допустить, что Мухамедьянов родился в 1926 или в 1928 г., то в 1942 г., когда Александр Матросов ушел добровольцем на фронт, ему было бы всего 16 или 14 лет. На этом вопросы не заканчиваются. В ар-

живной справке о составе семьи Юнуса Юсупова на 1939 г. и в письменном заявлении пяти жителей д. Кунакбаево было сказано, что Шакирьян — 1923 г. рождения ⁷⁰. Если это так, то почему его призвали на фронт не в 1941 г., когда ему исполнилось полных 18 лет, а только в 1942? Тем более известно, что реальный Матросов трижды просился на фронт, но его не брали по возрасту. Не было у него и брони, дававшей отсрочку от призыва в армию.

Много расхождений мы находим и по таким вопросам: когда и каким образом Матросов оказался в детдоме Мелекесса, когда прибыл в Ивановский детский дом, сколько раз совершал побег, когда оказался в Уфимской ДТК? По письмам Н.И. Черникова-Иргалина, Шакирьян покинул деревню в 1934 г. и вновь появился в 1936 году ⁷¹. Информатор — М. Мутигуллина — утверждала, что его в детдом отвезла мачеха в 1934 г. и оставила в коридоре приюта ⁷², «а кто-то из кунакбаевцев вспомнил, что все тот же Б. Бакиев отвез Шакирьяна... то ли в Черниковку, то ли в Уфу» ⁷³. В подписанном пятью жителями деревни свидетельстве отмечается, что это был то ли 1933, то ли 1934 год. Казалось бы, подтверждением этому служат воспоминания бывшего воспитателя детдома в Мелекессе Минникаевой, которая говорила о том, что Матросов появился в детдоме в 1934 г., причем не один, а вместе с сестрой, которая была старше его, поэтому их разлучили и направили в разные детдома ⁷⁴. Но если предположить, что в 1934 г. Шакирьяна в Мелекесский детдом вместе с сестрой отправила мачеха, то зачем ей надо было ехать для этого за 630 км из д. Кунакбаево в Мелекесс? Неужели в это время поблизости не было детских домов? Хотя нельзя исключать и такой мотивации мачехи: чтобы дети гарантированно не смогли вернуться домой.

В «башкирской» версии утверждается, что Александр Матросов, он же Шакирьян Мухамедьянов, неоднократно, по меньшей мере, два или три раза, бывал в д. Кунакбаево. Называются 1936, 1939, июнь и июль-август 1941 года ⁷⁵. Однако ни в один из названных годов или месяцев Матросов — Мухамедьянов не мог оказаться в Кунакбаево. По воспоминаниям того же Макаренко и Лавровой, Матросов, как и все дети из Ивановки, совершал кратковременные отлучки из детдома в Ульяновск на один-два дня, но потом всегда возвращался и докладывал о своем приходе директору Макаренко ⁷⁶. Согласно архивным документам, за все время пребывания Александра в Ивановке было документально зафиксировано только два случая его самовольного ухода (побега). Первый — в 1937 г.: тогда он пробыл в Ульяновском детском приемнике с 30 января по 10 февраля 1937 года. Второй самовольный уход Александр совершил в 1940 году. Это произошло 20 января, но уже на следующий день, 21 января, директор Ивановского детдома Макаренко забрал его обратно из приемника ⁷⁷.

Если ситуация с возможностью посещения Кунакбаево в 1936 и 1939 гг. ясна, то ситуация с 1940 г. выглядит не столь однозначной. Возможно, Матросова отправили в г. Куйбышев в феврале 1940 г., как об этом, в частности, пишет Шкадаревич. В июле 1940 г. он был осужден народным судом г. Куйбышева на шесть месяцев лишения свободы ⁷⁸. Но в начале осени вновь оказался у стен детдома в Ивановке: он прибыл

сюда вместе с М. Саулиным со ст. Барыш⁷⁹. После этого в поисках матери Матросов на поезде отправился в Сталинград. В том же 1940 г. на вокзале в Саратове он был задержан дежурным милиционером и 8 октября осужден на два года лишения свободы. Где он находился (отбывал срок) последующие семь месяцев — неизвестно. В уфимской ДТК он пребывал с 21 апреля 1941 до 23 сентября 1942 г. — момента призыва в вооруженные силы⁸⁰.

В целом в биографическом повествовании Насырова встречается немало несоответствий уже установленным фактам. Более того, свидетельства, собранные в книге, противоречат друг другу и основной версии автора. Достаточно сослаться на письма Н. И. Черникова-Иргалина, беседу с Волковым, воспоминания С. Гирфановой. Так, Черников-Иргалин писал в одном из писем, что Шакирьян покинул деревню в 1934 г. и появился в ней через два года, а в 1939 г. они случайно встретились в Уфе⁸¹. Но как уже было сказано, Матросов не мог появиться ни в Кунакбаево в 1936 г., ни в Уфе в 1939 году. Или возьмем другое свидетельство, полученное Насыровым во время беседы с жителем Уфы Н. Волковым. Тот утверждал, что в уфимской ДТК было два Шурика: один из них — Александр Матросов, а другой — тот самый машинист, который и был хулиганом⁸². С Матросовым Волков, якобы, познакомился в 1940 г., но как это могло произойти, если в Уфу Александр попал только 21 апреля 1941 года?

Нет в «башкирской» версии и объяснения того факта, почему Матросов (он же, предполагаемый Мухамедьянов), будучи башкиром, помня свой настоящие имя и фамилию, отправился на поиски матери Анны Николаевны в Сталинград или же «тети Ани» на Урал, как пишет об этом вслед за Журбой и Насыров⁸³. Ведь Шакирьян прекрасно знал, что его мать умерла, а в живых остался только отец. Остается без объяснения и вопрос, почему похоронка на Александра Матросова пришла не в Кунакбаево, а в Харабалинский военкомат Астраханской области на имя К. Грибцовой, с которой Матросов познакомился на железнодорожной станции Харабали по пути на фронт и у которой взял домашний адрес, обнаруженный у него в медальоне⁸⁴. Если допустить, что Матросов это и есть Шакирьян, то почему он не оставил ни одной весточки для родных на случай смерти на фронте, но сохранил адрес случайно встретившейся девушки?⁸⁵

Насыров избирательно обращается не только с историческими фактами, но и с документами. Как отмечалось выше, для опознания Матросова — Мухамедьянова предьявлялись только четыре фотографии, а не вся совокупность сохранившихся достоверных изобразительных материалов, например, фотография 1937 г. из коллекции Мемориального музея в Ивановском детском доме. Она была извлечена из дела регистрации «движения детей», когда Матросов оказался в Ульяновском детском приемнике. По поводу этого фотоснимка Насыров высказался в монографии 2007 г., объяснив далеко не типичную «башкирскую» внешность Матросова тем, что фотография была отретуширована⁸⁶. Правда, кому это могло понадобиться в 1967 г., не ясно. Была проигнорирована фотография Матросова из уголовного дела 1940 г., где ему 16 лет⁸⁷. Оба снимка хорошего качества, на них четко просматриваются все необхо-

димые для опознания черты лица, и они были хорошо известны автору «башкирской» версии ⁸⁸. Не случайно, что в основном Мухамедьянова в качестве Матросова узнавали на фото мальчика с голубем, коллективном снимке 1932 г. и изображении церемонии вручения комсомольского билета — то есть на фотографиях весьма низкого полиграфического качества, как это отмечено в экспертном заключении Всесоюзного научно-исследовательского института Министерства юстиции СССР ⁸⁹. Фотография 1940 г. из саратовского уголовного дела была предъявлена только Колпакову и Халикову, но они не признали в изображенном юноше Александра Матросова ⁹⁰. Между тем, это был действительно он. В монографиях 1994 и 2007 гг. помещен снимок струнного оркестра из Ивановского детдома. На ней, по мнению автора, Матросов — крайний справа ⁹¹. Однако эта фотография предложена читателям в обрезанном виде. На оригинальной фотографии, Матросов действительно находится в верхнем ряду, справа от воспитанника, ошибочно указанного Насыровым в качестве Матросова ⁹².

Из односельчан практически никто конкретно не указывает, как именно выглядел Шакирьян, и это странно, поскольку они его хорошо знали и помнили по воспоминаниям старших сначала 5—6-летним мальчиком, а потом 16—18-летним юношей, когда в 1939 и 1941 гг. он бывал в Кунакбаево. В основном односельчане ограничиваются описанием того, во что он был одет. Все, что мы узнаем о Шакирьяне из их рассказов, так это то, что у него были крепкие, белые зубы (верхние — широкие и редкие), короткая прическа «с торчащими темными волосами», «коротковатый нос, толстые губы» и даже татуировки по всему телу в виде тельняшки ⁹³. Только Фуат Асадуллин дает чуть более конкретное описание: «Волосы у него были темно-коричневые, глаза — серо-голубые, лицо — красновато-темное» ⁹⁴. Преимущественно о его внешности говорили те, кто сталкивался с Матросовым в Уфе (П.А. Халтурин, Н.Я. Шестакова, Г. Халиков), в пехотном училище (М. Сайфутдинов), в Мелекесском детдоме (воспитатели А.В. Минникаева и Е.Н. Сатышева). Но и в их воспоминаниях нет полного соответствия. Матросов-Мухамедьянов обычно описывается как молодой человек среднего (невысокого либо маленького) роста с широкой грудью, плотного телосложения (коренастый), скуластый с толстыми губами и тупым (крупным) носом, смуглолицый (коричневое лицо, то ли рябое, то ли с веснушками) и черноволосый (темноволосый) ⁹⁵. Например, А.В. Минникаевой Матросов показался похожим на «мусульманина» — скуластый, смуглый, темноволосый, а вот глаза — «не то, чтобы черные, а немного светлые, светло-карие, что ли». А вот ее коллега Е.Н. Сатышева не согласилась с таким описанием ⁹⁶. В то же время директор Ивановского детдома Макаренко описывает Александра как «темноволосого парнишку с голубыми глазами» ⁹⁷. Такое же описание внешности содержится в воспоминаниях ивановского детдомовца Синягина: «среднего роста, коренастый, темноволосый, с голубыми глазами» ⁹⁸. У бывшего завуча школы при Ивановском детдоме В.В. Соколовой он — «голубоглазый паренек с челкой русских волос» ⁹⁹, у сослуживца Н. Писарева — «среднего роста, крепкого телосложения, целеустремленный, голубоглазый» ¹⁰⁰. Старший воспитатель Уфимской

ДТК Т.Д. Катеренчук помнил Матросова как «русоволосого юношу с приятным лицом и пытливыми голубыми глазами»¹⁰¹. А.Б. Афонин, воспитанник Уфимской ДТК, описывал Матросова как крепкого, смуглолицего паренька среднего роста¹⁰².

Подавляющее большинство людей, хорошо знавших Матросова, сходятся в том, что он был голубоглазым, за исключением Раскопова, бывшего воспитанника Ивановки, описавшего его как черноглазого парнишку¹⁰³. Расхождения касаются роста, оттенков цвета лица и цвета волос: одним они казались русыми или темно-русыми, другим — черными. На основе совокупности этих свидетельств проблематично сделать однозначный вывод о неоспоримом сходстве Матросова и Шакирьяна, а их выборочная интерпретация выглядит тенденциозно.

В Уфимской ДТК, как пишет Насыров, на основе свидетельств Ф.И. Габдрахманова и Р. Сайфутдинова, Матросова знали по прозвищам «Шурик-машинист», «Шурик-матрогон», «Шурик-Шакирьян». Причем Ф.И. Абдрахманов узнал о нем со слов других арестантов только в 1951 г., когда по пересылке из Уфы оказался в Алма-Ате¹⁰⁴. Эти сведения противоречат другим известным фактам. Воспитанник Уфимской ДТК А.Б. Афонин, близко знакомый с Матросовым и работавший с ним в бригаде около полугода, говорил: «... мы его звали Матвейч»¹⁰⁵. В Ивановском детском доме к Матросову чаще всего обращались не по имени, а по прозвищу — «Матрос». Встречается в литературе и другое, реже упоминаемое прозвище — «Волгарь»¹⁰⁶. Других прозвищ у Матросова по воспоминаниям не зафиксировано.

Не соответствует действительности и утверждение Н.И. Черникова-Иргалина о стремлении нерусских детей, оказавшихся в приютах и детских домах, как можно скорее избавиться от своих родных имен и фамилий, чтобы их не дразнили¹⁰⁷. Известно, что в детдомах Мелекесса и Ивановки были воспитанники с нерусскими именами и фамилиями, которые не сменили их на русские — Карл Майслер, Равиль Агишев, Ахматуллин, Мусин (из Ивановского детдома), Нурмухамет Динмухаметов (воспитанник детдома № 25 г. Мелекесса, в детдоме к нему обращались по имени — Миша), Фёдор Хасанов (на самом деле Фаизрахман Хайруллович) и Григорий (Карл) Кембель¹⁰⁸. Учитывая это, трудно понять, зачем Мухамедьянову потребовалось в одночасье превратиться в Александра Матросова. Да и те, с кем встречался и беседовал Насыров (М. Каримов, С. Гирфанова, З. Иргалин, Н.Х. Тифтеева), утверждали, что Мухамедьянов стал называться Матросовым только в уфимский период своей жизни¹⁰⁹. Только Черников в письмах указывал, что Шуриком Шакирьян стал зваться примерно с 1936 года¹¹⁰. Но это противоречит установленным фактам: в Мелекесс, а затем в Ивановку Матросов прибыл уже как Александр Матросов¹¹¹.

Некоторые сведения, приводимые в качестве доказательств, выглядят надуманными. Например, сообщение З. Иргалина (двоюродного брата Н.И. Черникова-Иргалина). В письме к Насырову Заки Иргалин пишет, что в июне 1939 г., когда ему было 11 лет, в деревню приехали Газнави и Шакирьян, и все вместе они поехали на Ильинский золотодобывающий прииск, что находился в 35 км от Кунакбаево. В Миассе шофер, согласившийся их подвезти, спросил, откуда они, и тогда Газна-

ви показал «свой» паспорт на имя Н.И. Черникова ¹¹². Как это могло произойти, если Газнави в 1939 г. было всего 13 полных лет? Откуда у него, деревенского подростка, детдомовца (из писем Газнави явствует, что до 1939 г. он был в Каргалинском детдоме Оренбургской области ¹¹³) мог появиться паспорт на фамилию Черникова? Тем более, что, судя по записи журнала регистрации детей, принятых в ЦПР (Центральный приемный распределитель), Иргалин находился там под родной фамилией, а не как Черников и был 1925 г. рождения. 21 июня 1939 г. из ЦПР его отправили в детский дом № 4 г. Бирска ¹¹⁴. Напомним, что в Советском Союзе право на получение паспорта имели все городские жители, достигшие 16-летнего возраста. Сельским жителям паспорта не выдавались ¹¹⁵. Соответственно, не могло быть и паспорта у Газнави Иргалина, 13-летнего подростка, детдомовца, уроженца сельской местности.

Сомнительна достоверность отдельных сведений Минникаевой, которая сообщила, что Матросова в Мелекесский детдом подбросили вместе с сестрой. При этом она путается в вопросе, когда это произошло: по ее словам это случилось «то ли в 1932, то ли в 1933, нет, кажется в 1934 году» ¹¹⁶. Судя же по воспоминаниям жителей д. Кунакбаево и архивной справке о составе семьи Ю. Юсупова, у Шакирьяна не было сестры, с которой он якобы мог оказаться у стен Мелекесского детдома. Односельчане, опрошенные Насыровым, вроде помнят какую-то девочку, которую Юсупов привез с гражданской войны, но она вроде бы рано умерла, а кто-то и вовсе ее не помнит ¹¹⁷. При этом Минникаева действительно была воспитателем Матросова с 1934 г., как ей помнится, до конца 1935 — начала 1936 года. Она сопровождала мальчика из Мелекесса в Ивановку. Другой информатор, тоже в прошлом воспитатель детдома в Мелекессе Е.Н. Сатышева, подтвердила, что Минникаева работала в детдоме № 25 и преимущественно занималась со старшими учениками 5—10 классов ¹¹⁸. Кроме того, позднее она пояснила, что Матросов поступил в детдом позже 1934 г., и на этих основаниях Насыров пришел к выводу, что Матросов якобы дважды побывал в Мелекессе в промежутке с 1934 по 1935 год ¹¹⁹. Но, каким образом это произошло, не выяснено.

Трудно обойти вниманием еще одно сообщение, полученное от Гарифа Халикова из д. Ургуново. Он заявил, что весной 1942 г. за кражу зерна его посадили на шесть месяцев в тюрьму в Белорецке, а потом отправили в Уфимскую ДТК. Там он, якобы, встретился с Матросовым, они подружились: говорили на башкирском, тот учил его прыгать с парохода. Если допустить, что Г. Халиков совершил кражу в самом начале марта, то в Уфимской ДТК, в лучшем случае, он мог оказаться только в октябре 1942 года. Матросов же был призван в армию 23 сентября 1942 г. и никак не мог встретиться с 12-ти летним Халиковым ¹²⁰.

Помимо явных противоречий в сведениях информаторов и хронологических нестыковок с фактами из биографии Матросова, в монографии Насырова допущены очевидные фактические неточности. Например, в названии воинского подразделения, в которое попал Александр в 1943 г.: у Насырова — это «91-я Тихоокеанская комсомольская добровольческая бригада им. Сталина» ¹²¹, хотя, на самом деле, это была «91-я отдельная Сталинская стрелковая бригада добровольцев-сибиряков» ¹²².

Ссылаясь на переписку с П.А. Огурцовым, якобы служившим вместе с Матросовым, Насыров пишет, что в подразделение, в котором служил Огурцов, пополнение прибыло в первой половине декабря 1942 года. Произошло это на станции Дятлово, и среди прибывших был Матросов¹²³. Согласно же архивным материалам (политдонесение от 7 февраля 1943 г.), эшелон с пополнением в составе четырех курсантских батальонов прибыл на станцию Земцы только 5 февраля 1943 года¹²⁴. Хотя половина состава Краснохолмского военно-пехотного училища была отправлена на фронт 18 января 1943 г., но в ее состав Матросов включен не был¹²⁵. На фронт он попал позже, только в феврале 1943 г., в качестве добровольца и, соответственно, не мог оказаться в первой половине декабря 1942 г. у станции Дятлово.

В воспоминаниях, которые Насыров приводит по Ивановскому детскому, нет ни одного факта, подтверждающего башкирское происхождение Матросова. Это касается внешности (цвет волос, глаз, наличие татуировок), родного языка (ни разу ни с кем не говорил по-башкирски), речи (отсутствие акцента). В целом, совокупность всех разночтений и противоречий дает основание считать Мухамедьянова и Матросова разными людьми. Гипотеза, так же как и «днепропетровская» версия, не подкреплена прямыми и однозначными свидетельствами. Автор располагает только противоречивыми, косвенными материалами, подтверждающими лишь существование уроженца д. Кунакбаево Шакирьяна Юнусовича Мухамедьянова, однако нет серьезных оснований считать его Александром Матвеевичем Матросовым.

В 2010-х гг. благодаря усилиям ульяновской исследовательницы и писателя Н.А. Дубовик состоялась реанимация «зиновражской» версии. Этому предшествовало несколько событий. В 1994 г. вдова Ковальчука — Галина Павловна — дала интервью корреспонденту «Симбирского курьера» Л. Гребенской, в котором поведала, что у нее хранятся не востребовавшие материалы о Матросове, но рука не поднимается их выбросить в память о муже¹²⁶. В 2000 г. она передала их Емельянову, который с 1991 г. возглавлял стрелковый кружок в парке им. А.М. Матросова в г. Ульяновске¹²⁷. По роду своей деятельности и неугасающему интересу к биографии героя Емельянову ранее довелось встретиться с А.Г. Толчковым и узнать о событиях 1967 года¹²⁸. В тот год было две комиссии по поводу поиска родных Матросова. После запроса Шкадаревича в Новомалыклинский район был направлен работник обкома партии Ф.Г. Гаврилов для выяснения вопроса о месте рождения Александра Матросова. Вместе с Толчковым (местным краеведом и любителем истории) они поехали в с. Высокий Колок, где нашли Марию Ивановну Дьяконову — известную как родная тетка Матросова по отцовской линии. Она подтвердила, что Александр был сыном ее брата Матвея и его жены Анны. Мария Ивановна поведала, что малолетнего Александра отвезли в Мелекес в детский дом по просьбе матери, которая вскоре умерла¹²⁹. Можно предположить, что под давлением Москвы, где усиливалось влияние «днепропетровской группы» во главе с Л.И. Брежневым, руководство области не поддержало «зиновражскую» версию и дало указание прекратить подготовку к увековечиванию имени героя и неуместные разговоры о его «новой» малой родине. Видимо по этой причине и Толчков

в районной газете «Звезда» в 1968 г. был вынужден дать иную интерпретацию сведений о предполагаемой родне Матросова ¹³⁰.

Емельянов продолжал активные поиски новых фактов из жизни Александра. В конечном итоге судьба свела его с Дубовик, к которой он обратился с предложением использовать собранные П.К. Ковальчуком и им самим материалы для написания книги о Матросове. В ходе дополнительных архивных изысканий ей удалось найти новые, ранее неизвестные фактические данные. В фонде Симбирской духовной консистории были выявлены метрические книги Михайло-Архангельской церкви с. Новой Бесовки Самарской губернии, которые охватывают период с 1871 по 1908 год. К приходу этого села относилась и мордовская деревня Высокий Колок, возле которой расположилась деревушка Зин-Овраг (всех ее жителей записывали как высококолковцев). В 1973 г. деревушка прекратила свое существование, а оставшиеся в ней жители переселились в Высокий Колок ¹³¹. В метрических книгах была обнаружена запись о предполагаемом отце Матросова, а также сведения, позволившие реконструировать его родословную. Согласно метрическим данным, родоначальником рода Матросовых был Стефан Матросов, родившийся в 1830 году. Предполагаемый отец А. Матросова — Матвей Иванович Матросов — родился 1 августа 1889 года. Его родителями были Иван Стефанович и Евдокия Васильевна Матросовы ¹³². У Матвея Ивановича было четыре брата — Василий, Николай, Михаил и Алексей. Родственники по этим ветвям рода Матросовых до сих пор живы и проживают, в том числе, в с. Высокий Колок ¹³³.

Изучение материалов Новомалыклинского ЗАГСа дало лишь один положительный результат. Удалось установить точную дату и причину смерти предполагаемой матери Матросова — Анны Николаевны. Она умерла 7 января 1930 г. от чахотки ¹³⁴. Метрические книги по с. Высокий Колок за 1924—1938 гг. отсутствуют, и сохранилась только одна сборная книга, в которой содержатся фрагментарные сведения по всем селам Новомалыклинского района, но в ней не оказалось записи о месте и точной дате рождения А. Матросова. К тому же записи были сделаны обычным химическим карандашом, и со временем текст расплылся и стал нечитаемым ¹³⁵. Также не удалось установить точную дату смерти предполагаемого отца Александра — Матвея Ивановича.

В 2015 г. Дубовик посетила с. Высокий Колок, где встретила с местными жителями и письменно задокументировала беседы с ними ¹³⁶. Среди опрашиваемых были как предполагаемые родственники Матросова по боковым линиям, так и свидетели событий 1967 г. — приезда в с. Высокий Колок партийного работника Ф.Г. Гаврилова и развернувшихся в селе мероприятий по увековечиванию памяти героя (которые затем были свернуты). Состоялась встреча и с Толчковым, который рассказал, как вместе с Гавриловым разыскал в 1967 г. родственников Матросова, в частности его родную тетку Марию Ивановну Дьяконову (в 1967 г. ей было 76 лет). Она поведала о том, что Матвей Иванович вернулся в родное село с гражданской войны в 1923 г. вместе с женой Анной Николаевной, русской по национальности (хотя в записи о смерти она указана как мордовка). В 1923 г. Матвея Ивановича не стало. Именно мать Саши Анна в декабре 1929 г., незадолго до своей

смерти, отправила сына в детский дом, написав на листочке записку — «Саша Матросов, 5 февраля 1924 г.». Отца Александра к этому времени уже не было в живых. Почему она не решилась оставить сына у родни? Деревня, разрушенная коллективизацией, голодала, и она боялась, что Саша станет обузой в многодетной семье деверя. В 1967 г. во время беседы с Марией Ивановной присутствовал и Дмитрий Алексеевич, двоюродный брат Александра, который рассказал о встрече с ним на одной из железнодорожных станций по пути на фронт. Добавим к этому информацию Толчкова о его поездке в с. Кошки и беседе с другим двоюродным братом — Василием Николаевичем, признавшимся в том, что искал Александра в 1936 г. в Мелекесе, но его уже там не было, и куда его отправили, ему не сказали. В подтверждение своих слов Толчков дал Дубовик расписку ¹³⁷.

Среди опрошенных жителей были старожилы села — К.Л. Адягаева и Т.А. Ершова — обе 1926 г. рождения. Адягаева рассказала, что была такая семья Матросовых, жили рядом. Помнит мальчика, родители которого умерли, — сначала отец, затем мать. Звали ее то ли Марией, то ли Анной. Незадолго до своей смерти она сдала мальчика в детдом еще дошкольником. Ершова также помнит семью Матросовых, дом в Зин-Овраге, где они жили, но мальчика она не запомнила по малости своих лет. Жительница Высокого Колка Л.А. Горностаева (1946 г.р.) подтвердила, что неоднократно слышала от односельчан, что А. Матросов — их земляк ¹³⁸.

Л.Е. Иштыкова, Р.И. Ишмаева, А.В. Ишмаев, Н.Д. Матросов, А.М. Петрова подтвердили действительность событий, имевших место в 1967 г. в Высоком Колке. Н.Д. Матросов рассказал, как его отец — Дмитрий Алексеевич, вспоминая в 1970-х гг. свое боевое прошлое, говорил о случайной встрече по пути на фронт в 1943 г. с Александром. Была переключка в соседнем эшелоне, кто-то отозвался на фамилию Матросов. Так они и встретились. Александр сказал, что он — детдомовец, и все что помнит из детства, так это маленькую деревню, пруд, большой овраг рядом и что деревня называлось каким-то оврагом. Это же подтвердил и Ишмаев, также слышавший в детстве рассказ Дмитрия Алексеевича о встрече с Александром Матросовым. И, наконец, Н.Д. Терентьева и А.М. Талин пояснили, что мать Матросова звали Анной, и была она нездешней ¹³⁹.

В силу возросшей исторической дистанции и ухода из жизни поколений, которые были непосредственными очевидцами и даже участниками жизни семьи Матросовых и событий 1967 г. в Высоком Колке, проблематично в полной мере подтвердить или опровергнуть эти сведения ¹⁴⁰. Но все они в той или иной степени касаются трех сюжетов: раннего детства до определения Александра в Мелекесский детдом, событий 1967 г., и неожиданной встречи двух Матросов на железнодорожной станции по пути на фронт. Других независимых материалов, которые согласуются с известными фактами, не обнаружено.

И, тем не менее, в воспоминаниях воспитанников Ивановского детдома, хорошо знавших Матросова, проскальзывают свидетельства, частично пересекающиеся с тем, что удалось установить в ходе интервью и архивных изысканий. Например, Е. Лаврова, проживавшая на ст.

Охотничья (недалеко от Ивановки), с которой дружил Матросов, вспоминала, что, как-то раз Александр прибежал радостный и рассказал ей, что в детдом приезжал какой-то человек и сообщил ему, что у него есть брат Василий ¹⁴¹. О поездке Василия в Мелекесс на поиски Александра поведал и Толчков. Из воспоминаний И. М. Синягина, друга Матросова по Ивановскому детдому, известно, что Александр часто вспоминал мать, потому что та «ласковая была». А отца не помнил и не мог помнить, потому что отец умер до его рождения. Макаренко в воспоминаниях отмечал, что Александр не знал и не помнил своих родителей, но мечтал их найти и пару раз отлучался в Ульяновск в поисках матери ¹⁴². О том же говорил и Ф. Хасанов: «Ляжет на спину и начинает говорить... как бы он плавал по морю, как бы он встретился с отцом и матерью, которых он совсем не знал» ¹⁴³.

Интересны и воспоминания Лавровой — его подростковой любви: «Матросов как-то сидел, задумавшись, я подошла к нему, спрашиваю, что с ним. Он посмотрел на меня тоскливо и говорит: “Хорошо вам, а я даже родителей не знаю. Говорят, что мать русская, а отец мордвин или чувашин. Значит я нацмен?”» ¹⁴⁴. По дореволюционным письменным источникам известно, что Зин-Овраг — небольшой мордовский хутор, где селились выходцы из мордовского Высокого Колка. Факт теплых, романтических отношений между Сашей и Екатериной Лавровой подтверждается в воспоминаниях его друга В. В. Петрушина ¹⁴⁵. Вряд ли выглядят случайными совпадениями выявленные по архивным материалам сведения о предполагаемых родителях Матросова — Матвее Ивановиче и Анне Николаевне, факты биографии которых очень хорошо укладываются в более-менее достоверную реконструкцию детства Александра. Напомним, что Шкадаревич в последней книге о Матросове также указывал на Анну Николаевну как на мать Александра, на поиски следов которой тот якобы отправился в Сталинград.

Таким образом, по «зиновражской» версии, предложенной Дубовик, основные вехи биографии героя выглядят так. Александр Матросов родился в хуторском поселке Зин-Овраг 5 февраля 1924 года. Его отец по национальности — мордвин, мать — русская. В декабре 1929 г., будучи больной, она отправила мальчика в детский дом № 26 (для малолетних детей) г. Мелекесса с запиской, в которой были написаны фамилия, имя и дата рождения. 7 января 1930 г. Анна Николаевна умерла от чахотки. Осенью 1934 г. Матросова перевели в детский дом № 25 г. Мелекесса. Там он пробыл до осени 1935 г., а затем, предположительно во второй половине октября, был направлен в Ивановский детский дом, в котором оставался до сентября 1940 года. Здесь у него завязались дружеские отношения с Лавровой. Находясь в Ивановке, Александр дважды совершал побеги (отлучки) из детдома. В первый раз в январе 1937 г., отправившись на поиски брата Василия, а во второй раз в январе 1940 г. — ходил в речной порт, чтобы узнать, с каких лет берут в матросы. Александр не успел закончить семь классов, когда его направили на работу в локомотивное депо г. Куйбышева. Не пробыв там и месяца, он тайком возвратился в Ивановку и встретился с другом Петрушиным. Затем на последние деньги купил билет на поезд до Сталинграда с целью найти мать Анну. По пути, на вокзале в Саратове, Матросова задержала

милиция. Официально заседание суда по его делу состоялось 8 октября 1940 г.: за нарушение паспортного режима его приговорили к двум годам лишения свободы, и до весны 1941 г. он находился в заключении. Затем, 21 апреля 1941 г., он прибыл в Уфимскую ДТК, в которой прожил до осени 1942 года. 23 сентября в возрасте 18 лет он был призван в армию. С октября 1942 до января 1943 г. Александр обучался в пехотном Краснохолмском училище. Но в маршевую роту для отправки на фронт с курсантами его не зачислили и оставили доучиваться. Поэтому позднее он отправился на фронт добровольцем — рядовым — со своими друзьями в составе 91-й отдельной Сталинской стрелковой бригады добровольцев-сибиряков. По пути у Матросова произошли две важные встречи. Первая — с Клавдией Грибцовой, чей домашний адрес оказался в медальоне Матросова, и по которому была направлена похоронка. И вторая — с Дмитрием Алексеевичем Матросовым, уроженцем с. Высокий Колок. А уже 27 февраля 1943 г. в тетради отчетов командира 91-й бригады Ильяшенко появилась запись о том, что Александр Матросов принял героическую смерть ¹⁴⁶.

Как видим, на протяжении десятилетий на смену одним версиям приходили другие, но некоторые вопросы столь короткой жизни Матросова так и остались без ответов. Из всех версий, озвученных в российской историографии в советское и постсоветское время, ни одна не располагает прямыми и неопровержимыми доказательствами того, где именно родился рядовой Матросов, посмертно ставший Героем Советского Союза и символом подвига советских солдат в Великой Отечественной войне. На сегодняшний день «зиновражская» версия выглядит наиболее предпочтительной, хотя и у нее нет прямых доказательств (метрических записей). Сильные стороны данной версии — это достоверные архивные данные о предполагаемых родителях Матросова, а также косвенные свидетельства: устные опросы жителей с. Высокий Колок и предполагаемых родственников Матросова, материалы которых сопоставимы и частично совпадают с воспоминаниями воспитанников и воспитателей Ивановского детдома.

Примечания

1. Бросок в вечность // www.matrosov.mil.ru.
2. Такие мероприятия традиционно приурочивались к очередному юбилею подвига А.М. Матросова (Ульяновская правда. 23.10.1973); НИКОЛАЕВ Д. В доме старшего брата. — Ульяновский комсомолец. 23.02.1973, с. 3; Бессмертие. — Комсомольская правда. 23.02.1968, с. 2.
3. КИРСАНОВ В.И. По зову Родины (Добровольческие формирования Красной армии в период Великой Отечественной войны). М. 1974, с. 145. До 1919 г. территория Песоченского района (с 1936 г. — Кировского) находилась в составе Калужской губернии. Затем была передана в состав Смоленской области.
4. Герой Советского Союза гвардии рядовой Александр Матросов. М. 1943, с. 2.
5. ЖУРБА П. Александр Матросов. М. 1950; ЕГО ЖЕ. Александр Матросов. Повесть. М. 1953, с. 8.
6. ЛЕГОСТАЕВ И.Т. Бросок в бессмертие. Таллин. 1978, с. 59; в книгах А.И. Царёва «Здесь жил Александр Матросов» (1971, 1975); «Детство и юность Александра Матросова» (1984); «Возмужание: (исторический очерк)» (1988) в основном повествуется об

ивановском периоде жизни. Непосредственно вопрос о месте рождения Матросова не затрагивается.

7. В качестве военного корреспондента И.И. Шкадаревич был автором первого очерка о подвиге А.М. Матросова, опубликованного в газетах «За Родину» Северо-западного фронта и «Вперед, за Родину» 22-й армии Калининского фронта.
8. ШКАДАРЕВИЧ И.И. Бессмертный подвиг Александра Матросова. М. 1967, с. 18; ЕГО ЖЕ. Бессмертный подвиг Александра Матросова. М. 1968, с. 18; ЕГО ЖЕ. Бессмертный подвиг Александра Матросова. М. 1973, с. 7. Его первая монография о Матросове вышла в свет в 1961 г.: ШКАДАРЕВИЧ И.И. Подвиг Матросова. М. 1961. В ней не ставился вопрос о месте рождения героя, автор ограничился кратким повествованием о годах пребывания Матросова в Ивановке и Уфе.
9. Макаренко П.И. — директор Ивановского детского дома с 1932 по февраль 1940 года. Письмо П.И. Макаренко П.К. Ковальчуку от 27.11.1968 г. Личный архив П.К. Ковальчука — В.В. Емельянова. Как следует из текста письма, Зарубин показал Макаренко несколько документов: две копии судебных решений в отношении Матросова, вынесенных в Саратове и Сызрани за нарушение паспортного режима и бродяжничество; копии допросов, из которых следует, что мальчик бродяжничал в поисках матери, которая якобы работала в 1935 г. в Саратове кондуктором трамвая, и был пойман за попытку карманной кражи. Кроме того, Зарубин сообщил, что у него есть и другие «секретные материалы», но не стал их показывать Макаренко.
10. ШКАДАРЕВИЧ И.И. Бессмертный подвиг..., 1973, с. 7, 14.
11. ТОЛЧКОВ А. Где родился герой. — Звезда. 10.09.1968, с. 2, 4.
12. Характеристика на воспитанника трудовой колонии для несовершеннолетних НКВД БАССР Матросова Александра Матвеевича. Копия. Коллекция Мемориального музея им. А.М. Матросова в Ивановском детском доме; Похоронное уведомление о смерти красноармейца А.М. Матросова. Копия. Там же; Наградной лист А.М. Матросова. Копия. № 30—233. Там же; Герой Советского Союза гвардии рядовой Александр Матросов. Там же, с. 5.
13. П.К. Ковальчук с 1952 по 1961 г. работал в школе с. Новая Малыкла. Затем стал учителем в школе № 21 г. Ульяновска. О нем, как неутомимом исследователе, кропотливо собиравшем факты о Матросове и точно установившем время пребывания мальчика в Ивановском детдоме, упоминается в кн.: НОВИКОВ Н.С. Имени Александра Матросова: Музей боевой комсомольской славы в городе Великие Луки. Л. 1974, с. 39.
14. Письмо секретарю ОК КПСС т. В.Н. Сверкалову. Личный архив П.К. Ковальчука — В.В. Емельянова; Письмо секретарю ЦК КПСС т. П.Н. Демичеву. Там же.
15. Письмо секретарю ЦК ВЛКСМ. Там же.
16. Письмо В.В. Петрушина. Там же.
17. Письмо Секретарю ЦК КПСС т. П.Н. Демичеву. Там же; Письмо секретарю ЦК ВЛКСМ т. Е.И. Тяжелникову. Там же; КОВАЛЬЧУК П.К. Годы в Ивановке. Находки в ульяновских архивах. — Ульяновская правда. 22.02.1968, с. 3. Чуть позже статья была перепечатана вместе с фотографией в «Учительской газете».
18. ДУБОВИК Н.А. Все равно буду человеком. Ульяновск. 2017, с. 112.
19. Письмо П.И. Макаренко и П.П. Федорченко. Личный архив П.К. Ковальчука — В.В. Емельянова.
20. ЦАРЁВ А.И. Здесь жил Александр Матросов. Саратов. 1975, с. 12; Письмо П.И. Макаренко и П.П. Федорченко. Личный архив П.К. Ковальчука — В.В. Емельянова; Воспоминание Е. Лавровой. Машинописный текст. Там же; Воспоминание В.М. Хохриной (в девичестве Лавровой, сестры Е. Лавровой). Там же.
21. Письмо В.В. Петрушина от 15.11.1968 г. П.К. Ковальчуку. Личный архив П.К. Ковальчука — В.В. Емельянова; Письмо В.В. Петрушина П.К. Ковальчуку. Там же.
22. РЕЗИН П.П. Я помню его подростком. — Путь к коммунизму. 5.05.1967. с. 2; Воспоминание бывшего воспитанника детского дома Синягина Ивана Михайловича. Машинописный текст. Личный архив П.К. Ковальчука — В.В. Емельянова.
23. КОЧНЕВ В.Я. Друг Матросова — Аблуков. Саратов. 1988, с. 48; МИХАЙЛОВА Т. Доброе имя героя. — Учительская газета. 11.04.1967; РЕЗИН П.П. Ук. соч., с. 2.
24. ЦАРЁВ А.И. Возмужание..., с. 123.
25. КОЛЬЧЕВА Н. Полвека под солнцем Родины. — Родина Ильича. 16.08.1969, с. 2.

26. ШКАДАРЕВИЧ И. И. Бессмертный подвиг..., 1967, с. 8; 1973, с. 8.
27. Версия В. В. Емельянова от 21.07.2015 г. Личный архив П. К. Ковальчука — В. В. Емельянова; Версия В. В. Емельянова на март 2016 г. Там же; Предположение В. В. Емельянова. Рукописный текст. Без даты. Там же.
28. Государственный архив Ульяновской области (ГА УО), ф. 195, оп. 1, д. 9, л. 3; Справка Управления МВД РФ по Ульяновской области от 1.06.2015 г. «О движении беспризорных Ульяновского детского приемника НКВД за 1937—1940 гг.» за подписью Старшего инспектора ЦВСНП. Личный архив П. К. Ковальчука — В. В. Емельянова.
29. О первой судимости А. Матросова в июле 1940 г. мы узнаем из копии письма заместителя генпрокурора историку И. И. Шкадаревичу. Письмо датировано 29.03.1968 г., копия заверена секретариатом правления всесоюзного общества «Знание». В настоящее время документ хранится в краеведческом музее г. Великие Луки. В письме говорится, что в Куйбышеве Александр был осужден по статьям 19 и 162 п. «в» и второй раз в Саратове по ст. 192-а, ч. 2 УК РСФСР 1926 года.
30. КАНАВЩИКОВ А. Б. Александр Матросов: подвиг и судьба. М. 2012, с. 168.
31. КОЛЬЧЕВА Н. Ук. соч., с. 2.
32. ДУБОВИК Н. А. Ук. соч., с. 109—111; НАСЫРОВ Р. Х. Откуда ты родом, Александр Матросов? Уфа. 1994, с. 134—138.
33. Письмо В. В. Петрушина П. К. Ковальчуку. Личный архив П. К. Ковальчука — В. В. Емельянова; Тетрадь записей В. В. Емельянова. Без даты. Там же; Письмо В. Раскопова в архиве не выявлено. В тетради приводится один небольшой его фрагмент.
34. Письмо П. И. Макаренко от 22.03.1966 г. совету дружины детдома им. Матросова. Рукописный текст. Личный архив П. К. Ковальчука — В. В. Емельянова.
35. Письмо П. И. Макаренко директору краеведческого музея г. Димитровграда Н. И. Маркову от 18.12.1973 г. Машинописный текст. Коллекция Димитровградского краеведческого музея.
36. МИХАЙЛОВА Т. Ук. соч.; ПУХОВ Г. Героями не рождаются. — Учительская газета. 17.06.1967; МЕДВЕДЕВ А. Писательское воображение. — Там же; КОВАЛЬЧУК П. Они хорошо знали Сашу. — Там же.
37. ЖУРБА П. Александр Матросов. Внук бандуриста. Л. 1965; БИКЧЕНТАЕВ А. Орел умирает на лету. Уфа. 1966.
38. ОВЧИННИКОВ П., ЦЫГАНКОВ В. Против искажения образа героя. — Ульяновская правда. 30.04.1968, с. 3.
39. ШКАДАРЕВИЧ И. И. Бессмертный подвиг..., 1973; ЦАРЁВ А. И. Возмужание...; ЕГО ЖЕ. У истоков подвига. — Родина Ильича. 30.07.1968, с. 3.
40. 4 июня 1968 г. Куйбышевский областной суд и Верховный суд РСФСР уведомили об этом П. К. Ковальчука. Письменный ответ заместителя председателя Верховного суда РСФСР А. Орлова от 4.06.1968 г. на запрос П. К. Ковальчука. Личный архив П. К. Ковальчука — В. В. Емельянова; Письменный ответ председателя Куйбышевского областного суда Бузанова от 4.06.1968 г. на запрос П. К. Ковальчука. Там же. Все, что осталось от саратовского дела, — фотография Матросова, которая в прошлом хранилась в архиве ЦК ВЛКСМ, а в настоящее время находится в фондах РГАСПИ.
41. Кроме того, в беседе с В. В. Емельяновым, она рассказала, что к ней приходили родственники А. Матросова, то ли племянники, то ли двоюродные братья — уроженцы Ульяновской области. Письмо В. В. Емельянова А. Г. Толчкову от 2.06.2009 г. Личный архив П. К. Ковальчука — В. В. Емельянова.
42. НАСЫРОВ Р. Х. Ук. соч., с. 118; ДУБОВИК Н. А. Ук. соч., с. 14
43. ДУБОВИК Н. А. Ук. соч., с. 36, 95, 97—98; НАСЫРОВ Р. Х. Ук. соч., с. 105.
44. НАСЫРОВ Р. Х. Ук. соч., с. 29, 121.
45. Мелекесский детдом № 25 им. Н. К. Крупской (в документах этот детдом фигурирует под № 2) располагался по ул. М. Прониной (ныне ул. Гагарина, здание краеведческого музея), детдом № 26 им. В. И. Ленина — по ул. Энгельса (позже детдом № 1).
46. ШКАДАРЕВИЧ И. И. Бессмертный подвиг..., 1973, с. 39; НОВИКОВ Н. С. Ук. соч., с. 43; ЛЕГОСТАЕВ И. Т. Ук. соч.; Наградной лист А. М. Матросова. Копия. № 30—233. Коллекция Мемориального музея им. А. М. Матросова в Ивановском детском доме; Бросок в вечность.
47. Бросок в вечность.

48. ЛЕГОСТАЕВ И. Т. Ук. соч., с. 46—47.
49. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ), ф. 1902, оп. 1, д. 2, л. 18; ЛЕГОСТАЕВ И. Т. Ук. соч., с. 41. Помимо русских в личный состав бригады входили татары (139 чел.), башкиры (126 чел.), узбеки (62 чел.).
50. НАСЫРОВ Р. Х. Ук. соч., 1994; ЕГО ЖЕ. Матросов: Поиск истины. Документально-художественная повесть. Уфа. 2007. Рауф Хаевич Насыров (1935 г.р.) ушел из жизни в 2014 г. в возрасте 78 лет.
51. ЕГОРЫЧЕВА И. Легендарный герой Матросов дважды бывал в Мелекесе. — Местное время. Димитровград. 7.06.2002, с. 6; ЕЕ ЖЕ. Загадал нам загадку земляк. — Там же. 19.02.2003, с. 6; ЕЕ ЖЕ. Матросов — он же Мухамедьянов. — Площадь Советов. 21.07.2007; СИРЫК В. Подвиг Матросова известен. А имя? — Парламентская газета. 11.05.2002; КОРОЛЁВ А. Тайны Александра Матросова. — Симбирский Курьер. 22.02.2003, с. 4; МОЙСЕЕНКО Ю. Подвиг под псевдонимом. Как башкирский беспризорник Шакирьян Мухамедьянов стал героем Александром Матросовым. — Совершенно секретно. Расследования. 24.02—3.03.2015, с. 16—17; Татарский энциклопедический словарь. Казань. 1999, с. 347; Татары Симбирского-Ульяновского края: Энциклопедический справочник. Ульяновск. 2016, с. 87—88; Башкортостан. Краткая энциклопедия. Уфа. 1996, с. 386; Историко-культурный энциклопедический атлас Республики Башкортостан. М.-Уфа. 2007, с. 331.
52. НАСЫРОВ Р. Х. Откуда ты родом..., с. 9—12, 44—60, 120.
53. В монографии Р. Х. Насырова (1994) на с. 106 и 108 размещены две фотографии А. Матросова в составе струнного оркестра. Из авторского текста не ясно, какая именно фотография была направлена на экспертизу.
54. Там же, с. 42, 71, 136—137, 163.
55. Там же, с. 142—143.
56. В 2000 г. состоялась первая встреча В. В. Емельянова и Р. Х. Насырова, вторая — в 2006 году. По взаимной договоренности 23 сентября Емельянов временно передал Насырову материалы, относящиеся к биографии А. М. Матросова — воспоминания В. А. Раскопова (11 с.), В. В. Петрушина (8 с.), П. И. Макаренко (11 с.). В письменной расписке от 23.09.2000 г. Насыров обязался вернуть их до конца 2000 г., но так этого и не сделал.
57. НАСЫРОВ Р. Х. Матросов..., с. 223.
58. АНТОНОВА И. Правда об Александре Матросове. — Аргументы и факты в Ульяновске. 13.10.2004, с. 11.
59. См., напр.: Сталинское знамя. 2 сент. 1951 г., № 26, с. 4 (Орган Мелекесского городского и районного комитета ВКП(б)). В заметке содержится неожиданное заявление о главной причине вопиющей неграмотности учащихся нерусских школ: «сами учителя слабо владеют письменной и разговорной русской речью».
60. ШИЛОВ А. О недостатках обучения в национальных школах. — Ульяновская правда. 21.04.1951, с. 3. В заметке говорилось: «Знания учащихся по русскому языку плохие. Дети неудовлетворительно читают, не умеют по-русски пересказать даже небольшого отрывка прочитанной статьи, безграмотно пишут... Большинство учителей национальных школ не знают русского языка и не изучают его».
61. ГА УО, ф. 390, оп. 2, ед. хр. 35, л. 19об. По данным на 8 октября 1928 г., из 40 воспитанников было 33 татарина, шестеро евреев и один русский.
62. КАНАВЩИКОВ А. Ук. соч., с. 329—333.
63. КОСТИЦЫН А., КОСТИЦЫН Е. Доморощенные башкирские эксперты 30 лет пытаются лишить Александра Матросова памяти. — Московский комсомолец, 17.05.2017, <https://ufa.mk.ru/articles/2017/05/17/domoroshhennye-bashkirskie-eksperty-30-let-pyutayutsya-lishit-aleksandra-matrosova-pamyati.html>.
64. Там же.
65. КАНАВЩИКОВ А. Ук. соч., с. 329—333.
66. ИОГАНСЕН Н. Сласти рядового Матросова. 20.02.2013, <http://portal-kultura.ru/articles/best/2895-spasti-ryadovogo-matrosova>.
67. НАСЫРОВ Р. Х. Откуда ты родом..., с. 11—12.
68. Там же, с. 51, 60.
69. Там же, с. 38.

70. Там же, с. 120.
71. Там же, с. 9—10.
72. Там же, с. 35, 51—52, 121.
73. Там же, с. 121
74. Там же, с. 135.
75. Там же, с. 9—11, 21—22, 28—29, 120, 161, 163.
76. Воспоминание П. И. Макаренко. Машинописный текст. Личный архив П. К. Ковальчука — В. В. Емельянова; Воспоминание Е. Лавровой. Машинописный текст с примечаниями. Там же.
77. ГА УО, ф. 195, оп. 2, д. 7, л. 1, 3. Справка Управления МВД РФ по Ульяновской области от 1.06.2015 г. «О движении беспризорных Ульяновского детского приемника НКВД за 1937—1940 гг.» за подписью Старшего инспектора ЦВСНП. Личный архив П. К. Ковальчука — В. В. Емельянова.
78. По 162 ст. п. «в» УК РСФСР осуждались лица за неоднократные кражи на вокзалах, пристанях, пароходах, в вагонах и гостиницах, совершенные с применением технических средств или по предварительному сговору с другими лицами, либо без указанных условий. Мера пресечения — лишение свободы на срок до одного года.
79. Письмо В. В. Петрушина — П. К. Ковальчуку от 15.02.1968 г. Личный архив П. К. Ковальчука — В. В. Емельянова. Скорее всего, Петрушин ошибается в определении точного времени появления Матросова в Ивановке. Это была не зима, а начало осени 1940 г., так как уже 8 октября 1940 г. было вынесено судебное решение по делу Матросова о нарушении паспортного режима.
80. Характеристика на воспитанника трудовой колонии для несовершеннолетних НКВД БАССР Матросова Александра Матвеевича. Копия. Коллекция Мемориального музея им. А. М. Матросова в Ивановском детском доме.
81. НАСЫРОВ Р. Х. Откуда ты родом..., с. 9—11.
82. Там же, с. 80—81.
83. Там же, с. 7.
84. Похоронка 30 лет пролежала в Харабалинском военкомате и только в 1973 г. была передана в фонд Мемориального музея им. А. М. Матросова в Ивановском детском доме. Там же хранится и фотография К. Грибцовой. Ей так и не удалось получить похоронку, она умерла в том же 1943 году. Впервые это извещение было опубликовано в кн.: ЛЕГОСТАЕВ И. Т. Ук. соч., с. 87—88.
85. И. Т. Легостаев пишет: «Фронтовики хорошо знают и помнят, что на фронте красноармейцам и командирам выдавались специальные медальоны, в которые вкладывалась небольшая анкета с подробными сведениями о владельце. В ней указывались фамилия, имя, отчество, год и место рождения и другие сведения, в том числе адрес семьи и близких родственников, а если таковых нет, то друзей. Очевидно после гибели Саши товарищи нашли в его кармане этот документ, где самим Матросовым указывался адрес близкого ему человека». ЛЕГОСТАЕВ И. Т. Ук. соч., с. 89.
86. НАСЫРОВ Р. Х. Матросов..., 2007, с. 221.
87. Эта фотография впервые была опубликована на страницах газеты «Комсомольская правда» 23 февраля 1968 г.
88. НАСЫРОВ Р. Х. Откуда ты родом..., с. 119. Фотография из уголовного дела 1940 г. использовалась впоследствии в Советском Союзе для создания самых различных вариантов портретов героя, многократно перерисовывалась и исправлялась. См.: КОСТИЦЫН Е., КОСТИЦЫН А. Ук. соч.
89. НАСЫРОВ Р. Х. Откуда ты родом..., с. 42, 71, 136—137.
90. Там же, с. 71.
91. Там же, с. 106; ЕГО ЖЕ. Матросов..., с. 138.
92. Фотография струнного оркестра в Ивановском детском доме № 27. 1937 г. Коллекция Мемориального музея им. А. М. Матросова в Ивановском детском доме. На оборотной стороне фотографии надпись: «А. Матросов, сзади, крайний справа, Это подтверждает П. Ризин (он во втором ряду, второй слева)».
93. НАСЫРОВ Р. Х., Откуда ты родом..., с. 11, 17—29, 36, 42.
94. Там же, с. 42.
95. Там же, с. 33—34, 49, 79—80, 136, 138, 140—141.

96. Там же, с. 136, 138. Из авторского текста до конца не ясно, что конкретно имела в виду Сатышева: то ли внешний облик Матросова, то ли его поведение в детдоме.
97. ЦАРЁВ А.И. Здесь жил..., 1975, с. 12.
98. ШКАДАРЕВИЧ И.И. Бессмертный подвиг..., 1973, с. 11. В его же книге 1967 г. издания на с. 74 Матросов описывается Синягиным как «черноволосый весельчак».
99. ЦАРЁВ А.И. Возмужание..., с. 117.
100. ДУБОВИК Н.А. Ук. соч., с. 179.
101. ЛЕГОСТАЕВ И.Т. Ук. соч., 1978, с. 31.
102. ДУБОВИК Н.А. Ук. соч., с. 169.
103. НАСЫРОВ Р.Х. Матросов..., 2007, с. 225.
104. ЕГО ЖЕ. Откуда ты родом..., с. 65—66, 73—75.
105. Музей Александра Матросова в Уфе. Уфа. 1985, с. 55; ШКАДАРЕВИЧ И.И. Бессмертный подвиг..., 1967, с. 79.
106. ЦАРЁВ А.И. Возмужание..., с. 7, 25—26, 46, 49, 93; КОЧНЕВ В.Я. Ук. соч., с. 45.
107. НАСЫРОВ Р.Х. Откуда ты родом..., с. 11, 28.
108. Письмо А.П. Зверева от 20.12.1982 г. Коллекция Мемориального музея им. А.М. Матросова в Ивановском детском доме; Письмо В.В. Петрушина от 23.02.1967 г. Личный архив П.К. Ковальчука — В.В. Емельянова; ЦАРЁВ А.И. Возмужание..., с. 13; ДУБОВИК Н.А. Ук. соч., с. 72.
109. НАСЫРОВ Р.Х. Откуда ты родом..., с. 28, 45—46, 163—164.
110. Там же, с. 10.
111. Письмо П.И. Макаренко директору краеведческого музея г. Димитровграда Н.И. Маркову от 18.12.1973 г. Машинописный текст. Коллекция Димитровградского краеведческого музея.
112. НАСЫРОВ Р.Х. Откуда ты родом..., с. 46.
113. Там же, с. 9—10.
114. Там же, с. 123—124.
115. ПОТЁМКИНА М.Н., КУЗНЕЦОВА В.И. Паспортизация городского населения СССР в 1930-х гг. — Проблемы истории, филологии и культуры, 2014, № 4, с. 168.
116. НАСЫРОВ Р.Х. Откуда ты родом..., с. 135.
117. Там же, с. 23, 120.
118. Там же, с. 138—139.
119. Там же, с. 139.
120. Там же, с. 48—49.
121. Там же, с. 152; ЛЕГОСТАЕВ И.Т. Ук. соч., с. 41. 91-я Сталинская стрелковая бригада добровольцев-сибиряков была сформирована осенью 1942 г. по инициативе Алтайского крайкома и Новосибирского обкома ВКП(б) в Новосибирской области из «передовых людей Сибири и Алтая, моряков-добровольцев Тихоокеанского флота».
122. ШКАДАРЕВИЧ И.И. Бессмертный подвиг..., 1973, с. 23; ЦАМО РФ, ф. 1902, оп. 1, ед. хр. 2, л. 1, 18, 26—27.
123. НАСЫРОВ Р.Х. Откуда ты родом..., с. 152.
124. ЦАМО РФ, ф. 1902, оп. 1, ед. хр. 2, л. 1—18.
125. ШКАДАРЕВИЧ И.И. Бессмертный подвиг..., 1973, с. 23.
126. ГРЕБЕНСКОВА Л. Криминальная фотография. — Симбирский курьер. 26.11.1994, с. 13.
127. ДУБОВИК Н.А. Ук. соч., с. 21. В настоящее время ведется работа по передаче историко-краеведческих материалов, собранных П.К. Ковальчуком и В.В. Емельяновым, в архив Ульяновской области. Емельянов (1927—2018) скончался в Москве в возрасте 91 года.
128. А.Г. Толчков ушел из жизни 12 июля 2015 года.
129. ДУБОВИК Н.А. Ук. соч., с. 40—45.
130. Там же, с. 15—16, 46—47; ТОЛЧКОВ А.Г. Ук. соч., с. 2, 4. Упомянутый в статье Илья Николаевич был двоюродным братом Александра Матросова, а его дети — Мария, Владимир и Николай на самом деле приходились ему двоюродными племянниками.

131. Список населенных мест Самарской губернии. Самара. 1910, с. 62—63. При этом селе был хутор Занькин (Зинькин) Враг В.П. Виноградовой. После того, как хутор прекратил свое существование, его жители переселись в Высокий Колок.
132. ГА УО, ф. 134, оп. 29, д. 6, л. 357об. —358.
133. ДУБОВИК Н.А. Ук. соч., с. 105—107.
134. Там же, с. 39—40, 44.
135. Там же, с. 98—99.
136. Форма фиксации полевых материалов — письменные расписки опрашиваемых в подтверждение своих слов. Тексты расписок воспроизведены без изменений в монографии на с. 49—52, 59. Повторная поездка в Высокий Колок состоялась в марте 2016 года.
137. ДУБОВИК Н.А. Ук. соч., с. 40—46, 55.
138. Там же, с. 49—52.
139. Там же, с. 58—60, 98—100.
140. Летом-осенью 2016 г. сотрудники НИИ истории и культуры им. Н.М. Карамзина (А.В. Кобзев и С.А. Прокопенко) совместно с Н.А. Дубовик провели дополнительные изыскания. 29 сентября 2016 г. была совершена поездка в Высокий Колок, в ходе которой опрошено девять человек, среди них — как очевидцы событий 1967 г., так и ровесники А. Матросова, которые помнили его семью, и предполагаемые родственники. Интервью были записано на видео- и аудионосители. Они не дали новых фактических данных к тому, что уже было выявлено и обнародовано в монографии Дубовик, но подтвердило эти фактические данные.
141. Воспоминание Е. Лавровой. Машинописный текст с примечаниями. Личный архив П.К. Ковальчука — В.В. Емельянова. В тексте брат упоминается под двумя разными именами — Василий и Павел.
142. Воспоминания П.И. Макаренко. Машинописный текст. Личный архив П.К. Ковальчука — В.В. Емельянова.
143. Воспоминание Ф. Хасанова. Машинописный текст. Там же.
144. Воспоминание Е.М. Лавровой. Машинописный текст. Там же.
145. Письмо В.В. Петрушина от 15.11.1968 П.К. Ковальчуку. Рукописный текст. Там же; ДУБОВИК Н.А. Ук. соч., с. 160—161.
146. Достоверная дата гибели А. Матросова (27.02.1943 г.) была указана еще в начале 1990-х гг. в следующих работах: Зачислен навечно. М. 1990; БОРИСОВ Н.В. Побратимы Матросова. — Военно-исторический журнал. 1992, № 6, с. 22—23. В обоих изданиях авторы ссылаются на политдонесение, хранящееся в ЦАМО ВС (ф. 1902, оп. 1, д. 2, л. 29—30).

Кадровая политика Калмыцкого обкома коммунистической партии через призму документов высших и местных органов партийной власти

К. Н. Максимов

Аннотация. На основе документов ЦК ВКП(б) — ЦК КПСС, Нижне-Волжского крайкома и Калмыцкого обкома партии в публикации раскрывается кадровая политика коммунистической партии, известная как номенклатурная. После монопольного захвата государственного управления ЦК ВКП(б) подробно регламентировал порядок назначения и перемещения кадров, работы с ними. В результате сформировалась слаженная номенклатурная вертикаль, приведшая к узурпации власти не только на верхних этажах партийно-государственных органов, но и на местных.

Ключевые слова: ЦК ВКП(б) — ЦК КПСС, Нижне-Волжский крайком, Калмыцкий обком партии, кадровая политика, номенклатура должностей.

Abstract. The publication reveals the cadre policy of the Communist Party, known as the nomenclative. Based on documents of CC CPSU(b) — The Central Committee of the CPSU, Lower Volga and Kalmyk regional party committee. The Central Committee of the CPSU(b) gained possession of government control, has detailed the order of appointment, movement of personnel and the way to work with them. As a result, a well-organized hierarchy nomenclature was made, which led to the power usurpation, not only on the upper levels of the party-authorities, but also in local ones.

Key words: The Central Committee of the CPSU (Bolsheviks), Lower Volga Party Committee, Kalmyk Party Committee, personnel policy, key administrative posts.

Большевики, взяв в октябре 1917 г. государственную власть в России, приступили к построению социалистической модели государственного аппарата, конструированию органов партийной власти, призванных

Максимов Константин Николаевич — доктор исторических наук, профессор Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова. E-mail: tsagadam@mail.ru.

Maksimov Konstantin N. — doctor of historical sciences, professor of the Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov. E-mail: tsagadam@mail.ru.

выступить основой политической системы советского общества. При формировании органов государственной власти демократический принцип их разделения на самостоятельные ветви был отвергнут, а в основу функционирования заложили бюрократический централизм. Конституция РСФСР 1918 г. создала «легитимные» условия для возможностей узурпации власти одной партией, группой лиц. В ней (гл. 4, п. 7) устанавливалось, что «в момент решительной борьбы пролетариата с его эксплуататорами, эксплуататорам не может быть места ни в одном из органов власти. Власть должна принадлежать целиком и исключительно трудящимся массам».

Однако понимая, что культурно-образовательный уровень трудящихся масс еще недостаточен для эффективного участия в управлении, большевики признавали, что «советы, будучи по своей программе органами управления через трудящихся, на самом деле являются органами управления для трудящихся через передовой слой пролетариата, но не через трудящиеся массы»¹. Поэтому, в соответствии с конституционным положением о компартии, как о передовом отряде и руководящем ядре политической системы, основным условием формирования состава и подбора руководителей во всех звеньях государственного аппарата стал принцип рекомендации и назначения на должности партией большевиков. При этом главным источником кадров на руководящие посты являлась сама партия².

Большевики, исходя из поставленной цели упрочения диктатуры пролетариата, положили в основу комплектования государственного аппарата классовый принцип, предусматривающий возможность привлечения на высокие посты и беспартийных рабочих и крестьян. При этом цель оставалась неизменной — увеличить партийную прослойку в управлении.

И.В. Сталин, утвердившись в 1922—1923 гг. на посту Генерального секретаря ЦК партии большевиков, «сосредоточил в своих руках, — как писал В.И. Ленин, — необъятную власть», которую надо было не только удержать и укрепить в интересах строительства социализма, но и использовать в личных целях. Занявшись партийными делами, Сталин уделил особое внимание партийному строительству, основанному на принципах бюрократического централизма, привлечении кадров с учетом социального происхождения (однородных по образу), политической ориентации, которая могла служить консолидирующим фактором при подборе единомышленников. С.М. Будённый вспоминал о первой встрече в июле 1918 г. на Царицынском фронте со Сталиным — наркомом по делам национальностей, членом Реввоенсовета 10-й армии — следующее: «Сталин подозвал меня к себе и стал расспрашивать: кто я по социальному происхождению, какой частью или подразделением командую, какое имею образование. Когда я ответил на эти вопросы, Сталин попросил меня рассказать о том, что я делал после Февральской революции. Я доложил все, что его интересовало». А в декабре 1919 г. Сталин, осведомившись о партийности Будённого, заметил: «Да, нехорошо быть командарму беспартийным»³.

Мысли Сталина о кадровой политике партии получили закрепление в резолюции XII съезда РКП(б), состоявшегося в апреле 1923 г., в разделе отчетного доклад «О партийно-организационной работе и подборе

работников». Там, в частности, ставилась задача усиления партийного руководства руководящими кадрами государственных, хозяйственных и общественных организаций. Необходимо было организовать систему учета, подбора кадров на руководящие и ответственные посты во всех структурах управления ⁴. Тем самым резолюция съезда стала фактически директивной установкой номенклатурного принципа в кадровой политике партии.

В том же году Учетно-распределительный отдел ЦК РКП(б), созданный еще в 1920 г., подготовил и разослал парткомам союзных республик, краев и областей инструкцию с приложенной схемой изучения социального состава, деловых, морально-политических качеств работников, имеющих стаж работы на ответственной должности не менее 6 месяцев. В соответствии с практическим опытом деятельности, стажем, социальным происхождением и способностями коммунисты, ответственные работники подлежали делению на группы с целью взятия на учет, создания резервов и использования в последующем в определенных органах управления.

Изучению с помощью подобной классификации подверглись руководители, ответственные работники не только республик, краев, областей, но и районного, городского масштаба. В частности, учетно-статистический подотдел учетно-распорядительного отдела Калмыцкого обкома партии, известив каждого коммуниста, ответственного работника о проведенной аттестации и прикреплении их к определенной группе, направил подробный отчет в Учетно-распределительный отдел ЦК РКП(б). Взятые на учет ответственные работники областных и улусных учреждений Калмыкии были поделены на основные и резервные группы. Всего были взяты на учет 66 чел., работавших в партийных и советских учреждениях. По социальному происхождению они принадлежали к бедноте, 61 чел. являлся членом партии ⁵.

ЦК РКП(б), давая поручение местным парткомам проанализировать свои кадры и определить основные группы для дальнейшего их использования, рекомендовал составить и утвердить списки должностей, которые не могут быть заняты без санкции партийного органа. На V партийной конференции Калмыцкого обкома РКП(б), состоявшейся в апреле 1924 г., в отчетном докладе ответственный секретарь Т. К. Борисов отмечал, что, в соответствии с директивой ЦК РКП(б), обком составляет перечень должностей учреждений областного масштаба, на которые будут назначаться люди только из обкомом партии, а также подготовил улусным парткомам циркуляр о постановке учета и назначении ответственных работников ⁶.

Вскоре ЦК РКП(б), учитывая низкую квалификацию и грамотность новых административных и политических деятелей, принял решение о политической подготовке кадров, особенно для низового звена партийных и государственных органов. ЦК РКП(б) 8 июля 1924 г. направил ЦК компартий союзных республик, областным, губернским РКП(б) письмо «О приеме на курсы уездных работников» за подписью секретаря ЦК РКП(б) А. А. Андреева. Предлагалось направлять на курсы только рабочих и крестьян в возрасте от 20 до 35 лет с партийным стажем не менее трех лет. Командируемые должны были обладать «опытом партийной работы в уездном, окружном масштабе, соответствующим политическим

развитием, элементарной грамотностью в объеме умения бегло читать и писать, знания четырех правил арифметики». По разнарядке ЦК РКП(б) Калмыцкий обком партии направил на эти курсы трех человек. А в созданной местной советско-партийной школе в 1924 г. по программе партийно-политического просвещения учились 80 человек ⁷.

Одновременно ЦК РКП(б) стал ориентировать местные партийные органы на «пересмотр личного состава государственного аппарата, оздоровление и удаление из него чуждого советской власти и преступного элемента, доставшегося нам в наследство от бюрократическо-царской России». В письме ЦК РКП(б) № 67 «Всем областным бюро ЦК, ЦК компартий, крайкомам, обкомам, губкомам и окружкомам РКП(б) и всем контрольным комиссиям» от 17 декабря 1924 г., подписанном секретарем ЦК РКП(б) В. М. Молотовым и секретарем ЦК РКП(б) С. Гусевым, указывалось, что «необходимо отличать чистку партии от чистки советского государственного аппарата. Компартия, являющаяся партией диктатуры пролетариата, постоянно стремится к однородности своего состава, к росту и укреплению пролетарской части ее и ограждению от проникновения в нее мелкобуржуазных влияний и чуждых рабочему классу мировоззрений. Поэтому партия нуждается в систематической чистке.

Государственный аппарат же в своей деятельности вынужден пользоваться силами не только партийных работников, количество которых в советских учреждениях незначительно, и не только вовлекать все большее количество беспартийных рабочих и крестьян, но также в значительном количестве силы, так называемые интеллигенцией, и элементами, принадлежащими к другим классам, а нередко чуждым нам, но без которых государственный аппарат в настоящее время еще обойтись не может» ⁸.

Вслед за этим письмом 15 апреля 1925 г. в ЦК компартий союзных республик, крайкомы, обкомы, губкомы и окружкомы РКП(б) последовал циркуляр ЦК РКП(б) «О кампании по приему в вузы» за подписью Андреева. В нем указывалось, что в вузы РСФСР в 1925 г. определено принять 18 000 студентов. Предлагалось всем парткомам строго придерживаться количественной разверстки, утвержденной ЦК ВКП(б), и «направлять в вузы подлинную рабоче-крестьянскую молодежь, работающую на производстве, но в крайнем случае, детей рабочих. Наркомпрос забронировал за крестьянством определенное количество мест в вузах. На эти места крестьяне будут приниматься вне разверстки» ⁹.

ЦК РКП(б), вырабатывая политику построения и функционирования государственного аппарата, исходил из того, что партийное руководство является основой его деятельности. Поэтому все вопросы кадровой политики партии в ЦК РКП(б) сосредотачивались в одном структурном подразделении — Орграспредотделе (заведующий Л. М. Каганович). Он был сформирован в 1924 г. на базе Учраспределительного и Оргинструкторского отделов ЦК. Затем, в соответствии с положением «О порядке подбора и назначения работников», принятым Оргбюро ЦК РКП(б) 16 ноября 1925 г., были определены основные критерии подконтрольных партии должностей во всей системе государственного, хозяйственного, партийного и общественного управления. В том же году в Орграспредотделе были взяты на учет 3500 должностей, кандидаты на которые назначались только через Секретариат ЦК РКП(б), и около 1500 должностей, при на-

значении на которые требовалось получить согласие в Орграспредотделе ЦК РКП(б). При этом ЦК РКП(б) напоминал, что основным критерием пребывания в номенклатурной должности является партийность. В письме секретаря ЦК Молотова парткомам от 17 мая 1924 г. отмечалось, что «исключение из партии, безусловно, ведет к снятию с ответственной работы, по существу своему связанной с партийным и политическим руководством учреждения»¹⁰.

Должности в партийных, государственных, общественных, хозяйственных организациях, назначение (утверждение) на которые осуществлялось партийными органами в соответствии с определенными критериями, получили название «номенклатурные» и подразделялись на основные и учетно-контрольные. Основная номенклатура — должности, включенные в перечень партийного органа, на которые назначение (утверждение, рекомендация) или освобождение производилось им же. Учетно-контрольная номенклатура — должности, входившие в список партийного органа. На назначение кандидатур давалось согласие (после ознакомления с личным делом и собеседованием в соответствующем отделе). Должность ответственного (первого) секретаря Калмыцкого обкома партии до конца 1923 г. не входила в номенклатуру. В феврале 1924 г. Оргтбюро ЦК РКП(б) рекомендовало на эту должность Т.К. Борисова, а после избрания на Калмыцкой партийной конференции утвердило его ответственным секретарем. Так эта должность была включена в основную номенклатуру Оргтбюро, а вскоре — Секретариата ЦК РКП(б). Можно привести типичный пример номенклатурных перемещений. Так Политбюро ЦК ВКП(б) 24 января 1938 г. (протокол № 57 от 9 февраля 1938 г.) приняло постановление: «1). Освободить тов. Косиора С.В. от обязанностей первого секретаря ЦК КП(б)У ввиду перехода его на другую работу. 2). Рекомендовать тов. Хрущёва Н.С. первым секретарем ЦК КП(б)У, освободив его от обязанностей первого секретаря МК и МГК ВКП(б). 3). Рекомендовать тов. Бурмистенко М.А. вторым секретарем ЦК КП(б)У, освободив его от обязанностей заместителя заведующего ОРПО ЦК ВКП(б)»¹¹.

С окончательным переходом к номенклатурному принципу в кадровой политике, в соответствии с резолюцией XVI конференции ВКП(б) (апрель 1929 г.) «О чистке и проверке членов и кандидатов в члены ВКП(б)», ЦК ВКП(б) в 1929—1930 гг. провел тотальную чистку в парторганизациях. В результате из партии было исключено 99 610 чел., или 7,8% от общего числа проверенных. В Нижне-Волжской краевой парторганизации, куда с мая 1928 г. входила Калмыцкая областная парторганизация, был исключен из партии 7271 (13,1%) чел., из Калмыцкой — 346 (16,5%) человек. Кроме того, по итогам чистки 374 коммуниста Калмыкии получили различные партийные взыскания¹², серьезно отразившиеся на их карьере и даже судьбе, поскольку это означало исключение их из номенклатуры.

Советская бюрократия окончательно оформилась к концу 1920-х гг. вопреки утверждению авторов некоторых работ о том, что это произошло лишь к концу 1930-х годов¹³. Кстати, к концу 1920-х гг., как известно, в СССР сошли с политической сцены все иные политические партии, утвердилось монопольное господство большевистской партии, в основном

сложилась административно-командная система управления. С завершением новой экономической политики, взятием курса на форсированное строительство социализма компартия перешла к тотальному контролю за происходившим в стране. К концу 1930-х гг. номенклатурная бюрократия уже достигла апогея, охватив почти все должности во всех отраслях государственного, хозяйственного и общественного управления, оформилась слаженная номенклатурная вертикаль.

Номенклатура — не изобретение Сталина. Он просто довел ее при господстве однопартийной системы и узурпации власти до «совершенства». Принципы классовой и сословной однородности кадровой политики были заложены еще Петром I в «Табеле о рангах», которые получили развитие в высочайше утвержденном «Положении о порядке производства в чины по гражданской службе» (25 июня 1834 г.). В нем устанавливалось, что «порядок вступления в гражданскую службу по всем ведомствам и производство в ней чинам определяется законами по различию происхождения лиц... и пожалование в оные зависит единственно от Высочайшего усмотрения»¹⁴.

С завладением монополии в государственном управлении ЦК ВКП(б) подробно регламентировал порядок работы с кадрами. В соответствии с инструкцией Орграспредотдела «О формах согласования назначений и перемещений руководящих работников местных учреждений», Учетно-распределительный отдел Нижне-Волжского крайбюро ВКП(б) рекомендовал Калмыцкому обкому партии разработать, в соответствии с номенклатурой ЦК ВКП(б) и Нижне-Волжского крайбюро и с учетом местных условий, свои номенклатуры должностей, по которым назначение, перемещение работников должны производиться: а) постановлением пленума обкома — номенклатура № 1, или бюро обкома партии — номенклатура № 2; б) улусными парткомами после предварительного согласования с обкомом — улусная номенклатура¹⁵.

В соответствии с указанием Нижне-Волжского крайкома ВКП(б), Калмыцкий обком подготовил и представил в 1928 г. проект учетно-контрольной номенклатуры № 1 (краевого масштаба на штатные и выборные должности) по Калмыкии. В ней количество высших штатных и выборных должностей органов партийной и государственной власти Калмыцкой автономной области увеличивалось с 27 до 53. Туда были включены, помимо первого секретаря, секретари, заведующие структурными подразделениями обкома партии и обкома ВЛКСМ, председатель, заместители председателя, заведующие отделами облисполкома, вплоть до председателя и членов «Животноводсоюза». Все кандидаты на эти должности должны были рекомендоваться крайкомом лишь после собеседования в крайкоме и Орграспредотделе ЦК ВКП(б), назначаться или избираться соответствующими органами в области. После этих процедур они подлежали утверждению в должности постановлениями бюро крайкома¹⁶.

В основную номенклатуру № 2 (областного масштаба) были включены 77 штатных должностей, в том числе указанные 53 и 24 ответственных работника аппаратов Калмобкома ВКП(б) и обкома ВЛКСМ, облпрофсоюза, облисполкома и его отделов. Учетно-контрольную номенклатуру № 2 составили высшие выборные и штатные должности улусных партийных и советских органов¹⁷.

К началу форсированного строительства социализма номенклатурный принцип, позволивший партии держать ключевые позиции во всех сферах управления, полностью утвердился в советской кадровой политике. В мае 1930 г. в учетно-контрольные списки номенклатуры ЦК ВКП(б) и Нижне-Волжского крайкома ВКП(б) были включены еще 37 должностей только партийных и государственных органов власти Калмыкии. В основную и учетно-контрольную номенклатуры Калмыцкого обкома ВКП(б) входило от 144 до 152 должностей (82 в номенклатуру № 1, включая вышеназванные 37 должностей, остальные в номенклатуру № 2), начиная от ответственных секретарей улусных комитетов ВКП(б), заместителей заведующих отделами Калмобкома партии, членов партийной коллегии и партийного следователя Контрольной комиссии при обкоме ВКП(б), ответственных секретарей улусных комитетов ВЛКСМ, председателей улусных исполкомов, завершая заместителем заведующего торговым отделом, старшими экономистами, инспекторами торгового отдела Калмоблисполкома. В улусные номенклатуры были включены 69 должностей: от секретарей, заведующих отделами улусных комитетов ВКП(б), председателей и заведующих отделами улусных исполкомов, председателей колхозов, директоров совхозов, председателей исполкомов сельских советов, директоров предприятий до заведующих механическими мастерскими хозяйств¹⁸.

В 1934 г., согласно основной и учетно-контрольной номенклатурам должностей Сталинградского крайкома ВКП(б) по Калмыцкой автономной области, утверждение на должности в крайкоме партии проходили уже 98 ответственных работников области. В этот перечень входили следующие должности: секретарь, заведующий отделом, заместитель заведующего отделом, инструктор, заведующий сектором обкома ВКП(б), секретарь горкома, секретарь улускома партии, секретарь обкома ВЛКСМ, редактор газеты; председатель, заместитель председателя, заведующий отделом, секретарь Калмыцкого облисполкома, председатель горисполкома, председатель улусного исполкома; председатель облпрофсовета; прокурор, председатель областного суда, начальник областного управления милиции, начальник областного управления НКВД и т. д.¹⁹

В том же году перечень основных и учетно-контрольных номенклатурных должностей областного и улусного масштаба был существенно увеличен. В него вошли 185 должностей в Калмыцком обкоме ВКП(б), начиная от секретарей, заведующих отделами обкома, горкома и улускомов партии, председателя и его заместителей, заведующих отделами облисполкома, председателей горисполкома и улусных исполкомов, заведующих отделами исполкомов, руководителей совхозов, колхозов, МТС, предприятий, Калмыцкого педтехникума, директоров средних школ и т. д. В номенклатуры улусных парткомов входили 135 должностей, назначение на которые происходило лишь по решению улускома ВКП(б)²⁰.

Номенклатурный принцип комплектования кадров высшего звена управления позволил ЦК ВКП(б) и Калмыцкому обкому партии сформировать и стабилизировать к началу 1930-х гг. когорту управленцев Калмыцкой автономной области из числа коммунистов. Утверждение претендентов на занятие должностей в партийных, государственных ор-

ганах осуществлялось до середины 1930-х гг. открытым голосованием по спискам кандидатур, предложенных пленуму бюро обкома, партийной фракцией съезда советов, сессии облисполкома. Тайные голосования по каждой кандидатуре, выдвинутой в состав партийных и государственных органов, на ту или иную должность стали проводиться на партийных конференциях лишь с середины 1930-х годов. Так, в мае 1937 г. на XIV областной партийной конференции члены пленума обкома ВКП(б) впервые были избраны в результате тайного голосования по каждой кандидатуре. Из 68 кандидатов в члены пленума необходимое количество голосов получил лишь 51 чел., из 22 предложенных кандидатур кандидатами в члены пленума были избраны 11 человек. В результате количественный состав Калмыцкого обкома оказался значительно меньше предыдущего (87 членов пленума и 20 кандидатов), избранного XIII областной партийной конференцией²¹. Конечно, внешне все это выглядело демократично, но персональный состав в основном остался прежним. Незначительное обновление произошло за счет рабочих и колхозников, а также женщин. Номенклатурщики-делегаты дружно «прокатили» трех колхозниц, 11 колхозников и рабочих совхозов²².

К этому времени, до «большого террора», важную роль в жизни области продолжали играть принадлежавшие к номенклатуре деятели с солидным партийным стажем, организаторы советской власти в Калмыкии. Однако со второй половины 1920-х гг. в управление начали выдвигаться молодые коммунисты, которые закреплялись в номенклатурной «обойме» и с начала 1930-х гг. уже стали занимать высокие номенклатурные должности в области. У молодых людей, как отмечалось в статье «Новые кадры партийных работников» в газете «Правда», чувствуется в работе политическая острота и идейная насыщенность. Новые, молодые работники оказываются сильнее старых, особенно там, где последние продолжают работать по старинке²³.

Этот номенклатурный состав управленцев Калмыкии на протяжении 1930-х гг. был в основном стабильным, за исключением претендентов на должность основной номенклатуры Секретариата ЦК ВКП(б) — первого секретаря Калмыцкого обкома ВКП(б) (Степанов-Марбуш И.Р., Борисов Т.К., Глухов И.К., Карпов И.Н., Лаврентьев П.В., Ликомидов А.Ф.). Что интересно, первые трое были присланы ЦК РКП(б) в начальные годы существования автономной области с целью укрепления и развития ее партийной организации, а трое последних — в предвоенный период для проведения репрессий и ликвидации республики. Таким образом, группа партийных руководителей (основная номенклатура), присылаемых в Калмыкию, действовала в интересах Политбюро ЦК ВКП(б), а не местного населения.

Особенностью первой и второй групп руководящего состава Калмыцкой автономной области 1920-х и начала 1930-х гг. является то, что представители первой, хотя и не имели опыта управленческой деятельности, обладали большими организаторскими способностями, были убежденными борцами за советскую власть. Представители новой группы руководителей, ускоренно передвигаемые Калмыцким обкомом партии по иерархической лестнице, представляли собой генерацию советских управленцев возраста не старше 30 лет, не обладавших достаточным

опытом для занятия высоких постов, но обязательно прошедших ступени комсомольской и партийной работы и получивших политическое образование. Можно согласиться с мнением Т. П. Коржихиной и Ю. Ю. Фигатнера о том, что характерной особенностью сталинской номенклатуры были частые перемещения с одной должности на другую²⁴ в зависимости от доверия партии.

Все лица, занимавшие номенклатурные выборные должности ЦК ВКП(б), Нижне-Волжского крайкома и Калмыцкого обкома ВКП(б), являлись членами обкома партии и областного исполкома. Кроме того, руководители Калмыцкого исполкома входили в состав бюро Калмыцкого обкома ВКП(б), а секретари обкома — в состав президиума Калмыцкого исполкома. Таким образом, в соответствие не с законодательным, а с негласным порядком, установленном ЦК ВКП(б), формировался узкий круг лиц, наделенных партийными и государственными властными полномочиями. Помимо этого в составе органов государственной власти и управления (съездов советов, областном, улусных исполкомах) создавались партийные фракции, которые полностью руководили их работой. Они фактически формировали их составы кандидатами, рекомендованными обкомом и согласованными в соответствующих отделах ЦК ВКП(б). Все это привело к организационному сращиванию партийной и государственной власти, к созданию партийно-государственного аппарата, основанного на принципах бюрократического централизма.

Подобную практику упрощенного формирования кадрового состава в краях, областях, национальных республиках можно проиллюстрировать на примере Калмыкии. В докладной записке Калмыцкого обкома партии, направленной в начале апреля 1937 г. в ЦК ВКП(б) и Сталинградский крайком ВКП(б), отмечалось: «Большое распространение в практике работы Калмыцкой парторганизации имели место такие порочные явления, как подмена выборности кооптацией, нарушение сроков выборов, фактическое назначение секретарей партийных организаций, опрошенные решения о назначении на выборную партийную работу, обсуждение кандидатур списками, фактическое предрешение выборов советами старейшин, собраниями делегаций, фракциями и т. п., превращение на деле демократического централизма в бюрократический централизм». Далее указывалось, что в результате этого в составе пленума обкома ВКП(б) количество кооптированных членов доходит до 11,4%, пленумов улусных парткомов — от 28,5 до 45%, бюро Калмобкома — 36,3%, бюро улускомов — от 42 до 87,5%²⁵.

Подписавший эту докладную первый секретарь Калмыцкого обкома ВКП(б) Карпов по рекомендации ЦК ВКП(б) 29 ноября 1935 г. сам был кооптирован в состав пленума обкома партии, а избран лишь на XIV областной партийной конференции, состоявшейся 27 мая 1937 года. Он же в 1936 г. подписал решение бюро обкома ВКП(б) о назначении на руководящие должности по учетной номенклатуре: в партийные органы — 43 чел., советские — 12, председателями колхозов и директорами совхозов — 16 чел. опросным путем. На заседании бюро Калмыцкого обкома ВКП(б) 2 января 1937 г. под его же председательством было принято решение: «Кооптировать 11 человек в состав Западного улусного комитета ВКП(б), поскольку из 13 членов осталось всего 2»²⁶.

Кооптация, принятие решений опросным путем при назначении на номенклатурные должности получили распространение с подачи ЦК ВКП(б), и эта нелегитимная практика приобрела на местах характер обычной процедуры в работе парткомов. Вот как происходило назначение на основные номенклатурные должности Политбюро ЦК ВКП(б). На шифровку секретаря ЦК ВКП(б) Андреева от 2 октября 1937 г. о положении с кадрами в Таджикистане Сталин ответил: «Санкционируем первым секретарем Протопопова, вторым — Искандерова, пред. СНК — Курбанова, пред. ЦИКа — Шигодаева. Ашурова и Фролова придется арестовать. Вам придется выехать на пленум ЦК ВКП(б) в расчете быть в Москве 10 октября. Бельский пусть выедет через несколько дней в Туркмению для очистки. Инструкцию получит от Ежова. Сталин».

На следующий день, 3 октября 1937 г., Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О секретарях ЦК КП(б) Таджикистана», в котором говорилось: «1) Снять Ашурова У. с работы первого секретаря ЦК КП(б) Таджикистана и Фролова А.И. с работы второго секретаря ЦК КП(б) Таджикистана. 2) Утвердить исполняющим обязанности первого секретаря КП(б) Таджикистана тов. Протопопова Д.З., освободив его от работы Уполномоченного КПК при ЦК ВКП(б) по Таджикистану. 3) Утвердить вторым секретарем ЦК КП(б) Таджикистана тов. Искандерова»²⁷.

По мере тотального охвата государственного и общественного управления в стране, ЦК ВКП(б), конституционно (статья 126 Конституции СССР 1936 г.) закрепив особое положение компартии в политической системе советского общества, поскольку она представляет «руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных», монополизировал кадровую политику и централизовал ее в своем аппарате. В соответствии с резолюцией XVIII съезда ВКП(б) (10—21 марта 1939 г.) Отдел руководящих парторганов ЦК ВКП(б), занимавшийся партийно-организационными вопросами, подготовкой и подбором кадров, был реорганизован в Управление кадров ЦК ВКП(б). В апреле того же года в обкомах, крайкомах, ЦК нацкомпартий, райкомах и горкомах ЦК ВКП(б) были созданы отделы кадров и учреждены должности секретарей по кадрам²⁸.

В Калмыцком обкоме ВКП(б) Отдел кадров состоял из 13 секторов, созданных по отраслевому и функциональному признакам. В июле 1940 г. они за счет объединения были сокращены до 6 (партийно-комсомольских кадров; советско-торговых; промышленных и транспортных; сельскохозяйственных; судебно-прокурорских и органов НКГБ и НКВД; единого партбилета)²⁹.

С образованием отделов по кадрам и реорганизацией структуры аппарата партийных органов в 1939 г. значительно увеличились штаты ответственных работников обкомов, крайкомов, горкомов и райкомов ВКП(б). В штате Калмыцкого обкома партии, по сравнению с предыдущим годом, в 1939 г. количество руководящих и ответственных работников увеличилось с 37 до 80, Элистинского горкома — с 7 до 25, улусного комитета — с 6—7 до 17—19 человек. В партийных органах республики численность штатных единиц (должностей), входивших в основную и учетно-контрольную номенклатуры должностей Секретариата и Отде-

ла руководящих парторганов ЦК ВКП(б) и Калмобкома партии, выросло со 140 до 359 человек ³⁰.

С созданием отделов кадров и введением должности секретаря по кадрам (он же заведующий отделом), увеличением штатов областного, городского и улусных парткомов Отдел кадров Калмыцкого обкома ВКП(б) подготовил проекты основной и учетно-контрольной номенклатуры должностей обкома, горкома и улускомов партии, которые были утверждены на заседании бюро обкома в мае 1939 года. По состоянию на 1 января 1940 г. количество номенклатурных должностей по Калмыцкой АССР, включенных в номенклатуры ЦК ВКП(б), Калмыцкого обкома, городского и улусных комитетов партии, составило 4400, в том числе в учетной номенклатуре ЦК ВКП(б) — 296, Калмыцкого обкома ВКП(б) — 975, горкома и улускомов партии — 3129 ³¹.

Однако секретарь обкома по кадрам А.И. Архипов, выступая на XVII (10—12 марта 1940 г.) областной партийной конференции, отмечал, что сейчас по обкомовской номенклатуре числятся 975 работников, но ЦК ВКП(б) поставил вопрос о том, чтобы мы расширили круг людей, которых бы знали и контролировали. Поэтому обком партии расширяет свою номенклатуру до 1245, а улусные комитеты — до 3162 человек. Далее он говорил, что номенклатура позволяет не только контролировать кадры, но и их расставлять, ссылаясь при этом на факт рекомендации бюро обкома (основная номенклатура) кандидатур на должность первых секретарей улусных комитетов ВКП(б), «которые полностью прошли на улусных партконференциях, ни одного кандидата не провалили» ³².

Действительно, номенклатура должностных работников улусных комитетов и Элистинского горкома ВКП(б) была расширена к концу 1940 г. с 3129 до 4097 (в том числе партийно-комсомольских кадров — 785, советско-хозяйственных — 3189, общественных и профсоюзных организаций — 123). Таким образом, в конце 1940 — начале 1941 г. в Калмыцкой АССР во все категории номенклатуры входили 5689 должностей: ЦК ВКП(б) — 305, обкома партии — 1287, улускомов и горкома ВКП(б) — 4097 (в среднем на улус и горком — 292 должности). Номенклатурный принцип подбора и назначения чиновников всех уровней в партийном, государственном, хозяйственном и общественном управлении в кадровой политике ЦК ВКП(б) представлял отработанную четкую систему, действовавшую по вертикали от райкомов до самого ЦК ВКП(б). Несмотря на отсутствие нормативной регламентации номенклатур, по должностному и количественному составам краевые, областные, районные номенклатуры должностей представляли часть единой классификации. Это можно проиллюстрировать, сравнивая с данными Калмыцкой АССР показатели обкомов, райкомов Таджикской союзной республики. В 1944 г. номенклатура ее ЦК КП(б) состояла из 4170 должностей, обкомов партии — из 5677 (один обком — 1136), райкомов партии — из 20350 (один райком — 287) ³³.

С введением номенклатур партийные органы активно занимались перетасовкой кадров. В республике, согласно докладу Калмыцкого обкома ВКП(б) и СНК в ЦК ВКП(б) Сталину и Молотову от 29 марта 1940 г., «за один только 1939 г. выдвинуты на партийную, советскую, комсомольскую и хозяйственную работу 1758 человек в масштабе района и республики».

А затем в течение полугода (декабрь 1939 — май 1940 г.) парткомы улусов и города освободили от занимаемых номенклатурных должностей 224 чел., вновь выдвинув еще 688. В числе 3574 чел., утвержденных ими в номенклатурных должностях, коммунистов за этот период было 1965 (55%), членов ВЛКСМ — 510 (14,3%), беспартийных — 1099 (30,7%). На номенклатурные должности в улусах и городе было выдвинуто 374 женщины (10,5%)³⁴.

Образовательный уровень кадров, занимавших номенклатурные должности в улусах и городе, был весьма низким: 77% имели низшее образование, что соответствовало их социальному положению. Поэтому особенно улускомам ВКП(б) приходилось назначать на ответственные должности выдвиженцев, не имевших ни специального, ни даже среднего образования, но являвшихся членами партии и выходцами из бедняков. Так, по рекомендации (основная номенклатура) Приютненского улускома ВКП(б), улусный исполком в марте 1940 г. назначил заведующим отделом здравоохранения исполкома Фисенону М. П., члена партии с 1939 г., работавшую техническим секретарем в аппарате Приютненского укома партии, имевшую низшее образование. По рекомендации Западного укома ВКП(б), улусный исполком в 1940 г. назначил заместителем председателя улусного исполкома члена партии с 1939 г. Хоптогинова П. Т., работавшего пастухом, награжденного орденом «Трудового Красного Знамени», имевшего низшее образование³⁵.

Расширение номенклатурных должностей привело к значительному увеличению объема работы партийных комитетов с кадрами, перегрузке их заседаний второстепенными вопросами. Об этом красноречиво свидетельствует письмо первого секретаря Калмыцкого обкома партии П. В. Лаврентьева от 2 декабря 1939 г. секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову. Лаврентьев писал: «В связи с увеличением номенклатуры обкома ВКП(б) сильно увеличился объем работы бюро обкома. На каждом его заседании приходится ставить 15—30 вопросов по утверждению кадров. Во-вторых, много набирается других вопросов... В результате заседания бюро длятся по 8—12 часов. Мы сейчас практикуем, кроме очередных бюро, еще и по 3—4 заседания в месяц специально по утверждению кадров...

Исходя из сказанного выше, я прошу разрешить следующие мероприятия: 1) Ряд мелких вопросов, как-то: разрешение отпусков, переездов, санкции на совещания, конференции, выдачи характеристик и другие второстепенные вопросы на заседании бюро не ставить, а разрешать опросом. 2) Утверждение кадров второстепенного характера (зав. отделами наркоматов, вторых работников улусных исполкомов и т. д.) проводить также опросом, или на заседании секретарей обкома с последующим утверждением опросом. Эти мероприятия, если вы их разрешите, разгрузят повестку дня бюро обкома, дадут возможность внимательнее и плодотворнее обсуждать основные вопросы, поставленные на бюро»³⁶. Однако из ЦК ВКП(б) реакции на это письмо не последовало. Калмыцкий обком продолжал работать в том же ритме.

Следует отметить и те особенности, которые выделяли номенклатурных работников тех лет. Должностные лица, особенно руководители высокого ранга, входившие в номенклатуру, одевались почти до конца

1950-х гг. в «сталинку» — что-то среднее между гимнастеркой и френчем — и сшитую по особому образцу фуражку. Это был своеобразный гражданский мундир партийно-советской номенклатуры. Ответственные работники и члены их семей пользовались определенными льготами: бесплатным санаторно-курортным лечением, спецторговым и медицинским обслуживанием, снабжались продовольствием, товарами и т. д. Даже во время войны эта практика не была прервана. Совнарком СССР постановлением № 757—224с от 12 июля 1943 г. «О снабжении руководящих работников партийных, комсомольских, советских, хозяйственных и профсоюзных организаций» установил с 16 июля 1943 г. снабжение трех групп указанного контингента. В первую группу входили руководители республиканских, краевых, областных, окружных и городских партийных, комсомольских, советских, профсоюзных организаций; секретари райкомов ВКП(б) и заместители председателей райисполкомов городов Москвы и Ленинграда; руководители важнейших хозяйственных организаций; первые секретари райкомов и председатели райисполкомов. Всем им полагалось выдавать продовольственные карточки по группе рабочих предприятий особого списка, отпускать литерные обеды по нормам, утвержденным постановлением СНК СССР от 27 февраля 1943 г. 216—75с, и сухие пайки. Таких руководителей в Калмыцкой республике числилось 165 человек. Ко второй и третьей группам особого снабжения были отнесены руководители рангом ниже, которых в республике числилось соответственно 200 и 350 человек. Им же были выделены лимиты второго горячего питания на 500 человек. Кроме того, правительство СССР этим же постановлением установило лимиты снабжения промтоварами указанных руководителей двух групп: для 1-й группы в размере 1000 руб. на работника, 2-й группы — 750 рублей³⁷.

Номенклатурный принцип в кадровой политике партии породил такое негативное явление, как усиление карьеризма. Еще в феврале 1921 г. Н. Островская, член партии с дореволюционным стажем, писала Ленину: «Все обостряющийся за последнее время (начиная приблизительно с 1919 г.) карьеризм, выражающийся в неслыханных в нашей среде формах борьбы за места — что это такое? Борьба идет за места во ВЦИК... за места по всей партийной и советской “лестнице” в провинции. В этот водоворот борьбы коммунистов-большевиков и коммунистов-карьеристов вступают новые, молодые работники по мере вращивания в организацию и втягивания в “воронку” постов разлагаются, заражают организацию и работу этим духом карьеризма»³⁸.

Действительно, «ржавчина» карьеризма подточила саму партию, способствовала в годы репрессий уничтожению людей, преданных идее советской власти, деловых, компетентных руководителей. А. Ч. Чапчаев и Н. О. Очиров, крупные деятели Калмыкии, еще в 1920-е гг. писали о появлении признаков карьеризма в области. Чапчаев в декабре 1936 г. на следствии откровенно говорил, что в Калмыкии велась и ведется беспринципная групповая борьба за положение и влияние в республике, по сути дела, борьба за портфели. Старых партийцев, руководителей, в борьбе за карьеру изгоняют, выживают из республики, отстраняют от руководства. Старых, опытных работников противопоставляют молодым, т. е. тем, кто в годы гражданской войны не боролся за советскую власть³⁹.

Не зная об оценке Чапчаевым политической ситуации в Калмыкии, директор Калмживсовхоза А. Герасимов, выступая в прениях 27 мая 1937 г. на XIV областной партийной конференции, говорил: «Зря наговариваете на Анджура Пюрбеевича Пюрбеева (председатель Совнаркома). Вам не нужен Пюрбеев, нужна его должность, так и скажите прямо, что деретесь за власть, за портфель». Характеризуя обстановку тех лет в Калмыкии, А.Г. Маслов, член партии с 1918 г., первый военком, председатель Калмыцкого ЦИК (1924—1925 гг.), в 1958—1959 гг. писал: «Такова была тогдашняя обстановка и положение в Калмыкии, которое сейчас кажется маловероятным и странным, но, к сожалению, было так»⁴⁰.

Обострению карьеризма в значительной степени способствовали «чистки» в партии, репрессии в стране и доноительство, возведенное в ранг гражданской, партийной ответственности, долга. Оно практически стало своеобразным способом статусного продвижения по службе, доказательством своей лояльности властям, ее политике. Первыми из номенклатурных работников Калмыкии в 1930-х гг. были репрессированы активные организаторы советской власти, государственного и партийного строительства, восстановления и развития экономики, культуры. Кульминацией стал «большой террор», уничтоживший в республике интеллигенцию и руководителей.

В Калмыцкой АССР необоснованному обвинению в «буржуазном национализме» подверглась правящая, духовная элита. Сотрудники НКВД республики во главе с наркомом П.Г. Озеркиным в 1936—1938 гг. сфабриковали дело о существовании с 1920 г. контрреволюционной «буржуазно-националистической организации» во главе с Чапчаевым, А. Амур-Сананом, А. Пюрбеевым и другими, ставившей «цель реставрации буржуазного строя, оторвать социалистическую Калмыкию от единой семьи страны Советов и превратить ее в колонию империалистов, в первую очередь японо-германских фашистов». Только по этому абсурдному обвинению были репрессированы около 400 чел., из них 136 руководящих работников государственных и партийных органов власти, комсомола. В течение трех с половиной лет (1934 — июнь 1937 г.) в Калмыцкой АССР репрессиям подверглись 1058 номенклатурных работников⁴¹. Это, не считая членов их семей, родственников. Например, органы НКВД, арестовав председателя правительства Пюрбеева, подвергли репрессиям его жену, троих детей и пятерых родственников.

Это происходило повсеместно в стране. Органы НКВД СССР, репрессируя высших номенклатурных работников национальных республик, действовали по шаблону, отработанной схеме, обвинения составлялись по трафаретному тексту. Так, в 1937 г. руководителям Марийской АССР, Хакасии, Ойротии и Горной Шории инкриминировалось создание «контрреволюционных буржуазно-националистических организаций». Аналогичные обвинения были предъявлены в 1937 г. секретарям Башкирского обкома ВКП(б) Я.Б. Быкину и Исанчурину, а также, по данным, содержащимся в «Записке уполномоченного КПК при ЦК ВКП(б) по Северо-Кавказскому краю М.И. Кахиани И.В. Сталину» от 9 апреля 1937 г., руководителям автономных республик и областей Северного Кавказа, принадлежавшим к коренным национальностям.

В «Отчете о работе КПК при ЦК КПСС за период с XX по XXII съезд КПСС (1956—1961 гг.)» отмечалось, что большой урон был нанесен в 1937—1938 гг. кадрам партийных и советских работников национальных республик, где в результате массовых репрессий были уничтожены многие честные и преданные делу партии руководящие работники из числа коренной национальности ⁴².

В результате репрессий в Калмыкии, как и во всей стране, произошел «государственный переворот», то есть практически полностью обновился кадровый состав номенклатурных должностей всех уровней. Качественный состав номенклатурных работников при этом существенно снизился. В 1940 г. в Калмыцкой областной партийной организации коммунистов с низшим образованием, малограмотных и неграмотных было 82% ⁴³. Остальные в большинстве своем имели лишь политическое образование, которое получали на краткосрочных курсах, в партийных школах ускоренного обучения.

Крайне низким качественным уровнем характеризовался и состав руководителей улусных парткомов, входивших в номенклатуру должностей Калмобкома ВКП(б). Из 362 секретарей парткомов и первичных парторганизаций, избранных в апреле 1941 г., 286 (79%) имели низшее образование ⁴⁴. Аналогичная ситуация наблюдалась повсеместно в стране. По данным Г.М. Маленкова, секретаря ЦК ВКП(б) по кадрам, в 1937 г. среди секретарей обкомов высшее образование имели всего 15,7%, низшее — 70,4%, среди секретарей окружкомов соответственно — 16,1 и 77,4, секретарей горкомов — 9,7 и 60,6%. Можно согласиться с мнением историка О.В. Хлевнюка о том, что, не обладая должными знаниями и культурой, многие руководители брали политической «сноровкой» и изворотливостью. В Башкирской парторганизации, по данным заместителя заведующего отделом культпросветработы ЦК ВКП(б) А. Ангарова, в 1937 г. насчитывалось около 880 коммунистов азбучно неграмотных. По данным Ф. Шабловского, заместителя заведующего этим же отделом, в Татарской парторганизации в 1937 г. числилось: неграмотных — 102, малограмотных — 1364 человека ⁴⁵.

Начавшаяся Великая Отечественная война не внесла существенных изменений в номенклатурный принцип кадровой политики коммунистической партии, за исключением сокращения к 1943 г. номенклатурных должностей ЦК ВКП(б) по Калмыцкой АССР с 305 до 181, а парткомов улусов и горкома — с 292 до 232. Одновременно номенклатура должностей Калмыцкого обкома ВКП(б) была увеличена — с 1287 до 1365 ⁴⁶.

Упразднение в конце 1943 г. Калмыцкой АССР, депортация ее автохтонного населения привели к ликвидации системы партийных и государственных органов власти республики. А с ее восстановлением органы власти по-прежнему формировались по номенклатурному принципу. Должности секретарей Калмыцкого обкома КПСС, председателя правительства и его заместителей были включены в основную номенклатуру Бюро ЦК КПСС по РСФСР, которая затем была дополнена должностью председателя Президиума Верховного Совета республики. На эти выборные должности, за исключением нового первого секретаря обкома партии, Бюро ЦК КПСС по РСФСР рекомендовало прежних номенклатурных работников и после избрания утвердило их кандидатуры.

К началу 1959 г., в связи с уточнением номенклатурных должностей по Калмыцкой АССР, в основной номенклатуре Секретариата ЦК КПСС были оставлены должности только первого секретаря обкома партии, председателей Президиума Верховного Совета и правительства республики. В учетно-контрольную номенклатуру орготдела ЦК КПСС были включены 67 выборных и штатных должностей Калмыцкого обкома КПСС, обкома ВЛКСМ, горкома и райкомов КПСС, заместителей председателя правительства, министров и председателей комитетов, председателей гор- и райисполкомов и др.⁴⁷

Калмыцкий обком КПСС сформировал и утвердил свою номенклатуру должностей и должностей горкома и райкомов партии. В основную и учетно-контрольную номенклатуры обкома КПСС были включены 540 должностей: руководящих и ответственных работников обкома, горкома и райкомов партии — 138 и ВЛКСМ — 18; Президиума Верховного Совета, правительства, министерств, комитетов, управлений, городского и районных исполкомов — 152, прокуратуры и суда — 31; директоров совхозов и председателей колхозов — 64, руководителей хозяйственных и торговых организаций — 26 и т.д. В номенклатуры райкомов партии были включены от 100 до 120 должностей, начиная от помощника первого секретаря вплоть до управляющего фермой совхоза, колхоза⁴⁸.

Номенклатурный принцип в кадровой политике КПСС в последующие годы оставался стабильным, за исключением количества должностей, включаемых в номенклатуры областного, городского и районного партийных комитетов, в зависимости от развития отраслей народного хозяйства и культуры, реорганизации органов управления, изменения в административно-территориальном делении. В начале 1960-х гг. состав руководящих и ответственных работников республики, входивших в номенклатуру Калмобкома КПСС, был уточнен. К основной номенклатуре были отнесены 440 выборных и штатных должностей. В учетно-контрольный состав номенклатуры Калмыцкого обкома партии входило 280 должностей.

Номенклатурный принцип в кадровой политике большевиков, зародившись в начале 1920-х гг., оказался на протяжении длительного времени эффективным методом, обеспечивавшим КПСС «руководящую и направляющую роль в советском обществе, его политической системе». Лишь в 1970-х гг., с вступлением страны в стагнацию и осознанием необходимости перестройки всей сферы общественно-государственной жизни, перед партией встал вопрос об изменении кадровой политики. На январском пленуме (1987 г.) М. С. Горбачёв отмечал: «... мы обязаны серьезно обновить кадровую политику». Однако далее в докладе на пленуме он подчеркнул, что в партии должен оставаться неизменным уставной принцип, в том числе и решения по кадровым вопросам. При этом в качестве важнейших критериев при подборе кадров должны учитываться «целеустремленность в проведении в жизнь линии партии», политическая и теоретическая подготовка⁴⁹.

Только с отменой конституционного положения о руководящей роли партии (статья 6 Конституции СССР 1977 г.) Секретариату ЦК КПСС пришлось в октябре упразднить учетно-контрольную, а 22 августа 1990 г. — вообще номенклатурную систему, оставив себе только утверждение

кадров партийных органов, органов печати, научных учреждений и учебных заведений, подведомственных ЦК КПСС. С изменением общественно-политического строя, утверждением многопартийности номенклатурный принцип в кадровой политике исчез как явно противоречащий демократическим процессам в стране. Первыми признаками фактической утраты коммунистической партией номенклатурного принципа подбора и расстановки кадров стали выборы народных депутатов СССР и РСФСР в 1989—1990 гг. на альтернативной основе и без «разнорядки» ЦК КПСС, крайкомов и обкомов партии.

Примечания

1. ЛЕНИН В.И. ПСС. Т. 38. М. 1963, с. 170.
2. ИРОШНИКОВ М.П. Председатель Совета Народных Комиссаров Вл. Ульянов (Ленин). Очерки государственной деятельности в 1917—1918 гг. Л. 1974, с. 84—85.
3. БУДЁННЫЙ С.М. Первая Конная армия. М. 2017, с. 81, 340.
4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. 1917—1924. М. 1970, с. 453—454.
5. Национальный архив республики Калмыкия (НА РК), ф. П-1, оп. 1, д. 40, л. 464; д. 48, л. 18—19.
6. Там же, д. 48, л. 21, 22.
7. Там же, д. 60, л. 56—57, 96об.; д. 48, л. 20.
8. Там же, д. 87, л. 3.
9. Там же, л. 28.
10. ВОСЛЕНСКИЙ М. Номенклатура. М. 2005, с. 88—89; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М. 1970, с. 447—448; Т. 3. 1924—1927. М. 1970, с. 14, 37, 56; История КПСС. Т. 4. Кн. 1. М. 1970, с. 318; Известия ЦК КПСС. 1990, № 5, с. 107; НА РК, ф. П-1, оп. 1, д. 51, л. 45, 57; д. 337, л. 20об.
11. Политическое руководство Украины. 1938—1939. М. 2006, с. 33.
12. Известия ЦК КПСС. 1990, № 5, с. 108; НА РК, ф. П-1, оп. 1, д. 330, л. 138—139; д. 348, л. 15, 122; оп. 2, д. 38, л. 40.
13. Государственная служба (комплексный подход): Уч. пособие. М. 2000, с. 91.
14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. IX. Отделение первое. 1834. № 6685—7379. СПб. 1835, № 7224, с. 656—657.
15. НА РК, ф. П-1, оп. 1, д. 293, л. 7, 15, 23, 28, 68, 74.
16. Там же, л. 21—22.
17. Там же, д. 290, л. 55—56; д. 339, л. 16—18.
18. Там же, д. 339, л. 20—26, 50—58, 60—61, 72—74.
19. Там же, оп. 2, д. 155, л. 2—3
20. Там же, оп. 3, д. 3, л. 63, 64; д. 66, л. 2; д. 67, л. 23—28, 104.
21. Там же, оп. 2, д. 124, л. 1; оп. 3, д. 2, л. 8—9.
22. Там же, оп. 3, д. 2, л. 3—7.
23. Правда. № 214 (7180), 5 августа 1937 г.
24. КОРЖИХИНА Т.П., ФИГАТНЕР Ю.Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия. — Вопросы истории. 1993, № 7, с. 29.
25. НА РК, ф. П-1, оп. 3, д. 48, л. 1—2.
26. Там же, оп. 2, д. 218, л. 7; оп. 3, д. 2, л. 3—7; д. 48, л. 59; д. 18, л. 8.
27. ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933—1945. М. 2009, с. 294—295.
28. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 5 (1931—1941). М. 1971, с. 372—373.
29. НА РК, ф. П-1, оп. 3, д. 336, л. 1; д. 504, л. 1; д. 839, л. 35.
30. Там же, д. 336, л. 3—4.
31. Там же, л. 21, 45, 56.
32. Там же, д. 340, л. 64—66.

33. Там же, д. 336, л. 44—45, 52—56; д. 839, л. 36—37, 105—106; д. 915, л. 28—36; ЦК ВКП(б) и национальный вопрос, с. 911.
34. ЦК ВКП(б) и национальный вопрос, с. 537; НА РК, ф. П-1, оп. 3, д. 504, л. 30.
35. НА РК, ф. П-1, оп. 3, д. 345, л. 26, 32.
36. Там же, д. 286, л. 71—72.
37. Там же, д. 27, л. 37—40.
38. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 5446, оп. 17, д. 353, л. 24—30.
39. Там же, ф. 1318, оп. 21, д. 397, л. 257, 276, 285; НА РК, ф. П-1, оп. 5, д. 964, л. 6—9; КО-ВАЕВА Н. Х. Анджур Пюрбеев. Жизнь и деятельность. Элиста. 1991.
40. НА РК, ф. П-1, оп. 5, д. 559, л. 133—133об.
41. Там же, оп. 3, д. 499.
42. ПОЛЯНСКИЙ А. И. Ежов: История «железного» наркома. М. 2003, с. 369; Родина. 2013, № 4, с. 87; ЦК ВКП(б) и национальный вопрос, с. 242—245; Реабилитация: политические процессы 30—50-х годов. М. 1991, с. 84.
43. НА РК, ф. П- 966, оп. 1, д. 49 б, л. 1, 13.
44. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 88, д. 57, л. 11.
45. ЦК ВКП(б) и национальный вопрос, с. 252, 277; ХЛЕВНЮК О.В. 1937-й: Сталин, НКВД, советское общество. М. 1992, с. 78—79.
46. НА РК, ф. П-1, оп. 3, д. 734, л. 17, 18; д. 839, л. 3—36, 87—88.
47. Там же, оп. 4, д. 4, л. 8—11; д. 8, л. 1—3; д. 302, л. 1, 15, 35.
48. Там же, д. 337, л. 2—23; д. 339, л. 1—22; д. 372; д. 300, л. 52—53; ф. П-7, оп. 1, д. 118, л. 3—5.
49. ГОРБАЧЁВ М.С. Избранные речи и статьи. Т. 4. М. 1987, с. 332—338.

Прометейство, советская власть и ученые: из истории дискуссий 1920—1930-х гг.

Н. С. Цинцадзе

Аннотация. Публикация подготовлена в рамках современного, динамично развивающегося междисциплинарного научного направления — экологическая история. Цель исследования — изучить специфику отражения социоприродных проблем советской довоенной деревни на страницах ряда научных периодических изданий. Проанализированы содержание нескольких десятков статей в ведущих специализированных журналах 1920—1930-х гг., приведены некоторые архивные данные. Отмечается, что с конца 1920-х гг. в массовом общественном сознании государством насаждалась убежденность в приоритете человека над природой, поощрялось стремление покорить ее. На смену эволюционному типу взаимоотношений природы и общества приходило революционное природопользование. Ученые должны были обеспечить его обоснование и успешную реализацию.

Ключевые слова: позднее аграрное общество, РСФСР, природные ресурсы, экологическая история России, периодическая печать, советская власть.

Abstract. The publication is prepared in the context of a modern, dynamically developing interdisciplinary scientific direction — Environmental History. The purpose of research is to study the specifics of socio-natural reflection of the problems of the Soviet pre-war village on the pages of some scientific periodicals. The content of several dozen articles in the leading specialized journals of the 1920—1930s, as well as some archival data has been analyzed. Since the late 1920s in the mass public consciousness Soviet state implanted belief in human priority over nature, encouraged by the desire to conquer it. The evolutionary type of relationship between nature and society was replaced by revolutionary nature management. Scientists had to provide justification and successful implementation.

Key words: later agrarian society, RSFSR, natural resources, Environmental History of Russia, periodicals, Soviet power.

Экологические проблемы современности актуализировали изучение их исторических корней. Ввиду синкретизма их генеза, ответы на текущие и перспективные вопросы гармонизации жизни общества и окружающей его природной среды лежат в плоскости междисциплинарных исследований. Одним из таких направлений является экологическая исто-

---

Цинцадзе Нина Сергеевна — кандидат исторических наук, доцент Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина. E-mail: ninatsintsadze2010@ya.ru.

Tsintsadze Nina S. — PhD (History), associate professor at the Derzhavin Tambov State University. E-mail: ninatsintsadze2010@ya.ru.

рия (Environmental History), институализировавшаяся в 1960—1970-е гг. в США и Западной Европе, в центре внимания которой находятся закономерности взаимодействия природы и общества в различные исторические периоды¹. В последнее десятилетие фокус мирового исследовательского внимания стал смещаться от констатации негативных экопроцессов и явлений к их социальной рефлексии².

Представленное исследование подготовлено в обозначенном актуальном научном направлении и соседствует с аграрной, экономической, социальной историей России, крестьяноведением, историей науки и т.д. Его цель — изучение специфики отражения экопроблем советской довоенной деревни на страницах аутентичных научных периодических изданий, поскольку известно, что самыми внимательными наблюдателями прошлого были его современники.

Период 1920—1930-х гг. выбран по нескольким причинам. Во-первых, после завершения гражданской войны и перехода к нэпу насущной задачей для страны стало восстановление экономики, в том числе разрушенного сельского хозяйства. Развернулось широкое обсуждение способов оживления сельскохозяйственного производства, перевода его на новые политико-экономические рельсы, решения накопившихся проблем. Немаловажным поводом для этого стали засухи и голод 1921 и 1924 гг., которые воочию продемонстрировали слабую продуктивность сельского хозяйства, его зависимость от природных условий. Во-вторых, этот период, особенно 1920-е гг., был насыщен вариативными предложениями по различным вопросам развития страны³. К дискуссии, как тогда говорили, о «путях реконструкции народного хозяйства», были приглашены видные и опытные научные кадры, практики сельского хозяйства, партийные чиновники разного уровня. Инициатором этих обсуждений выступила центральная власть — Наркомзем и Госплан. Богатый материал о содержании дискуссий того периода отражен в специализированных журналах, курируемых этими и иными профильными ведомствами.

Район европейской части РСФСР был выбран в силу его типичности, а также наибольшей остроты экопроблем позднего аграрного общества для этого региона, что, в свою очередь, вызвано высокой плотностью населения, ранним периодом хозяйственного освоения территории и катастрофической истощенностью природных ресурсов.

Данное исследование, опираясь на богатую историографическую традицию, до известной степени обладает научной новизной, так как в качестве самостоятельного сюжета затронутая им тема в рамках экологической истории рассмотрена впервые. Тематически и концептуально близким к нему можно считать предпринятый С.Б. Филимоновым анализ научно-популярных журналов «Краеведение», издававшихся в 1920-х гг. Центральным бюро краеведения⁴.

Основные дискуссионные и источники исследования. Мы проанализировали статьи из пяти специализированных периодических изданий, таких, как ежемесячный журнал «Сельское и лесное хозяйство», издававшийся в 1921—1924 гг. Наркомземом. В 1925—1929 гг. он получил название «Пути сельского хозяйства» и выходил под патронажем Наркомзема и Сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева. В 1930—1938 гг. журнал был переименован в «Социалистическую реконструкцию

сельского хозяйства». Кроме того было изучено содержание выпускавшегося в 1920-е гг. журнала «Плановое хозяйство» — ежемесячного политико-экономического издания Госплана. Весьма информативными оказались ежемесячный журнал «На аграрном фронте», издаваемый в период с 1925 по 1935 г. Аграрным институтом Коммунистической академии, и «Хозяйство ЦЧО» — ежемесячный политико-экономический журнал Облплана Воронежской области, выходивший в 1928—1930 годах. Интересные аналитические статьи были выявлены в ежемесячном журнале «Научное слово», который издавался в 1928—1931 годах. Наиболее фактологически насыщенными оказались журналы «Пути сельского хозяйства», «Хозяйство ЦЧО» и «Плановое хозяйство».

Данная выборка журналов является вполне репрезентативной, учитывая, что в фокусе внимания находятся экологические аспекты развития позднего аграрного общества, которые и тогда редко обсуждались как самостоятельные. Разумеется, перечень анализируемых изданий и количество приведенных примеров могут быть дополнены. Однако для нас важным было выявить основные тенденции в изучаемой дискуссии, поэтому наше внимание привлекли в первую очередь «аграрные» журналы, ведь то, что называется «социоприродные аспекты развития села» в те времена были составной частью вопроса об аграрном развитии страны. При этом их вкрапление в аграрную проблематику позволяет выделить экосюжеты в отдельную группу и проанализировать их под интересующим нас углом зрения: По большому счету, мы изучаем организованную государством дискуссию как в профессиональной среде ученых, так и между учеными и властью. Журнальный формат этого обсуждения интересен оперативностью, публичностью и концентрированностью высказываний участников и оппонентов.

Авторами многих статей выступали дореволюционные агрономы, статистики, экономисты, некоторые партийные деятели и отраслевые руководители. Материалы публикаций отразили внутреннюю сторону дискуссий того периода, различные мнения о развитии сельского хозяйства, допускавшиеся до начала 1930-х годов. Немаловажным фактом является то, что часть авторов исследованных статей была репрессирована в 1930-е гг., когда, по меткому в своей страшной правдивости выражению А. А. Никонова, происходил «отстрел» ученых⁵. Имея в виду научную перспективность изучения альтернатив исторического развития, в рамках данного исследования большую ценность имеет выявление продуцированных учеными в 1920-е гг. различных, в том числе нереализованных, способов восстановления сельского хозяйства РСФСР, по сути, являвшихся потенциальными альтернативами в аграрной политике власти.

Борьба «олимпийских богов» и «героев» (результаты исследования). Условно участников научных дискуссий изучаемого времени можно разделить на два лагеря: тех, кто задумывался о сохранении природного баланса, пытался удержать власть и общество от истощения природных ресурсов (мы назвали их «олимпийские боги»), и тех, кто готов был жертвовать природой ради достижения амбициозных целей социалистического переустройства (это «герои», сторонники прометейства⁶). Выявленные в журналах социоприродные проблемы аграрного общества европейской части РСФСР сгруппированы по следующим направлениям: восстанов-

ление сельского хозяйства и повышение урожайности; землеустройство, мелиорация, борьба с засухой; проблемы лесного хозяйства и водопользования. Обозначенные направления дискуссий коррелируются с социальными проблемами села, обсуждаемыми партийно-политическим руководством страны и выдвинутыми им в качестве «ударных».

Первейшими из всех были проблемы восстановления сельского хозяйства и повышения урожайности. Последнее воспринималось современниками не только хозяйственной, но и важнейшей политической задачей. Особое внимание было уделено Центрально-Черноземной области (ЦЧО). Неурожаи 1920-х гг. усугубили кризисные явления в развитии сельского хозяйства региона, поэтому ставка была сделана на его интенсификацию: рост пропашных и технических культур, травосеяния, переход к многопольным севооборотам. На пятилетний период восстановления сельского хозяйства ЦЧО Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 21 сентября 1925 г. «О мерах восстановления центральных черноземных губерний в хозяйственном и культурном отношении» было выделено 25 млн. рублей. Однако на практике все оказалось иначе: во-первых, широкий план восстановительных работ ограничился скромными мероприятиями, во-вторых, ассигнование было сокращено. Между тем, как замечал партийный функционер А. Г. Ремейко, ЦЧО была самой отсталой областью в хозяйственном и социально-культурном отношении. По-прежнему на ее территории остро стояла проблема перенаселения (2 млн. чел. или 40,5% населения ЦЧО были «лишними»). Он предлагал направить усилия на самые проблемные направления: повышение урожайности за счет массового распространения достижений опытных станций, широкого применения минеральных удобрений, засева полей чистосортными семенами⁷. Основной целью этих усилий должно было стать получение большего количества товарного хлеба.

К концу 1920-х гг. научная общественность по заданию власти стала широко обсуждать итоги и перспективы восстановления сельского хозяйства ЦЧО. Так, агроном Н. А. Меркулов отмечал, что, в связи с интенсификацией сельского хозяйства, в особенности ЦЧО, появилась проблема дефицита зерновых культур. Госплан видел решение проблемы не только в расширении их посевов, но и в их периодическом чередовании, повышении урожайности. Вытеснение зерновых культур техническими и пропашными Меркулов объяснял не только естественно-хозяйственными, но и экономическими условиями: более трудоемкие культуры сахарной свеклы поглощали избыточные сельские трудовые ресурсы (1 дес. ржи или овса в переводе на мужские рабочие дни требовала 20—26 дней обработки, а 1 дес. сахарной свекловицы — 104—110 дней), поэтому в 1920-е гг. Госплан заявлял, что лучшим способом борьбы с аграрным перенаселением являлось повышение трудоемкости, производительности и доходности сельского хозяйства при помощи расширения площади технических культур. Меркулов прогнозировал дальнейший рост этих культур за счет сокращения паров и утеснения зерновых. При этом урожай последних должен был увеличиваться⁸. О том, что перенаселение было серьезной для власти и социума проблемой в 1920-е гг., можно судить, например, по данным В. Б. Жиромской — современного специалиста в области демографической истории. Она отмечает, что во второй половине 1920-х гг.

в стране наступил процесс «демографической компенсации», характеризовавшийся высоким показателем рождаемости. Общий ее коэффициент в европейской части РСФСР был на уровне 44,7‰⁹.

Партийный деятель А. А. Андреев обращал внимание на достижение как положительных результатов (рост посевных площадей, урожайности и др.), так и на сохранение нерешенных проблем: аграрное перенаселение, безлошадность и т. д. В основе неудач, по его мнению, лежали невыполнение годовых планов, а также задержки и неполнота финансирования восстановительных мероприятий в ЦЧО. Кроме того, негативное влияние оказывало то, что землеустроительные работы не были согласованы с мелиоративными, не хватало денежных средств на водную мелиорацию, отсутствовали зернохранилища и резервные семенные фонды, недостаточно было минеральных удобрений и др. Несмотря на эти «искривления», Андреев считал, что мероприятия по восстановлению ЦЧО себя оправдали, и их было необходимо продлить еще на 5 лет¹⁰. Решение проблем сельского хозяйства ЦЧО Андреев видел также в расширении посевных площадей в течение 1928—1932 гг. за счет паров, залежей и сенокосных угодий, но не более чем на 15%. По его мнению, необходимо было применять самые простейшие агрокультурные мероприятия: зяблевую вспашку, ранние пары, зерноочистку и др., сохранять баланс между зерновыми и техническими посевами, не допуская дефицита злаковых культур. Параллельно следовало укреплять и расширять сеть опытных станций, увеличивать агрономический персонал. В силу того, что мелиоративные работы требовали больших финансовых затрат, которые в 1928 г. были сокращены из-за недостатка денежных средств, важно было заменить соху плугом, чаще применять минеральные удобрения и т. д.¹¹

Агроном В. Н. Сергеев отмечал, что, несмотря на повышенное финансирование сельского хозяйства ЦЧО, успехи его восстановления за 1925—1928 гг. были весьма скромными. По ряду показателей (урожайность, применение агрокультурных мер, обеспеченность лошадьми и др.) область отставала от иных районов РСФСР. Одну из причин продолжавшегося кризиса сельского хозяйства ЦЧО Сергеев видел в росте оврагов. Он считал, что необходимо продолжить восстановление ЦЧО, устранив, помимо прочего, и организационные недочеты¹². Высказанные наблюдения были подтверждены исследованием специально организованной экспедиции под руководством экономиста А. Н. Челинцева. Она была проведена летом 1928 г. с целью определения промежуточных итогов восстановления сельского хозяйства ЦЧО. В результате были отмечены определенные успехи (реконструкция сельского хозяйства, переход к многопольным севооборотам и др.) и ряд недостатков: несогласованность многих агрокультурных мероприятий, слабый учет местных особенностей, неграмотное проведение землеустройства, частые крестьянские переделы земель, недостаток и даже отсутствие агрономов, текучесть кадров¹³.

Самостоятельной темой дискуссий 1920-х гг. стала проблема «поднятия урожайности», которая отдельно обсуждалась на совещании в Наркомземе 16—18 июля 1928 года. В обсуждении по просьбе наркомата приняли участие видные агрономы, почвоведы, энтомологи и другие

специалисты, приславшие в ведомство свои предложения. Во вступительном слове заместитель наркома земледелия И.Е. Клименко обратил внимание, что власть делала упор на расширении посевных площадей, увеличении посевов товарных культур, в то время как следовало повышать рационализацию сельского хозяйства. (В 1937 г. Клименко был расстрелян.) Заместитель председателя Госплана, экономист Э.И. Квиринг, также репрессированный в 1937 г., выступал за широкое применение в сельском хозяйстве минеральных удобрений, развитие сети агрономической помощи населению. «Придворный» агроном В.Р. Вильямс в противовес этому защищал травопольные севообороты как основу земледелия и повышения урожайности.

Научные сотрудники Государственного института опытной агрономии представили свои рассуждения. Так, Н.И. Вавилов обратил внимание на проблему большой засоренности злаковых культур сорняками. Ученый считал, что по качеству наши семена зерновых культур были выше канадских и американских, но были сорными. Для решения проблемы необходимо было вводить смену сортов пшеницы на чистосортные виды, увеличить разнообразие засеваемых культур, запасы семян кормовых трав, выводить засухоустойчивые сорта. Л.И. Прасолов сообщал, что почвы в России богаты по запасам питательных веществ. Эти запасы были велики, но не безграничны, предостерегал агроном. Необходимо было бережно относиться к природным ресурсам. К.И. Дебу предлагал развивать сельскохозяйственное машиностроение. А.Т. Кирсанов считал необходимым применять агрокультурные меры хозяйствования, приблизить науку к практике. А.А. Ячевский рекомендовал вести борьбу с болезнями растений, от которых погибало до трети урожаев и больше. И.Н. Филиппев считал важной работу энтомологов в выборе севооборотов, селекции, способов обработки почв и др. Агроном и агрохимик А.Н. Лебединцев самым «мощным средством» повышения урожайности сельского хозяйства считал минеральные удобрения¹⁴.

Зоотехник Е.Ф. Лискун размышлял о необходимости активного развития животноводства, без которого невозможно было успешное развитие сельского хозяйства¹⁵. Экономист М.Е. Шефлер, репрессированный в 1938 г., писал об увеличении продуктивности сельского хозяйства путем повышения уровня сельскохозяйственной грамотности населения и специального профессионального образования, пресечения борьбы ведомств и учреждений, выработки и планомерного осуществления единой аграрной политики, учитывая местные особенности и проблемы¹⁶. Зоолог Н.М. Кулагин рекомендовал энергичнее бороться с сельскохозяйственными вредителями, для чего необходимо было увеличить число станций защиты растений, обеспечить слаженную работу энтомологов и агрономов, согласование севооборотов, использование чистосортных семян, удобрение почв и проч.¹⁷

К 1929 г. дискуссия о способах повышения урожайности набрала обороты. Экономист Н.П. Макаров усматривал причину низких урожаев в социально-экономических условиях того времени — в неправильной политике советской власти. Агротехник Н. Самарин сомневался в экономической рентабельности и агрокультурном эффекте полевого травосеяния. Он считал возможным выборочное распространение практики

травосеяния. Агроном Х. Эренбург подчеркивал, что основу повышения урожайности должны были составить травосеяние и развитие животноводства¹⁸. Агрохимик Д.Н. Прянишников интенсификацию сельского хозяйства не мыслил без широкой практики применения минеральных удобрений¹⁹. В этом его поддерживал А. Сивогринов, который приводил убедительные примеры повышения урожайности на основе применения минеральных удобрений в зарубежных странах. Он призывал руководителей сельского хозяйства страны развивать отечественную химическую промышленность и сокращать импорт минеральных удобрений²⁰. Травосеяние критиковал и Н. Самарин²¹.

Последовательным противником учения Вильямса о травосеянии как способе повышения плодородия почв, был агроном Н.М. Тулайков. Он смело опровергал подходы своего учителя, отмечая, что травосеяние не являлось универсальным для всех типов почв, не решало проблемы засух, увлажнения почвенного покрова засушливого Юго-Востока страны. Эффективнее, по его мнению, было бы применение паров, севооборотов с пропашными и бобовыми культурами, механизация сельскохозяйственного производства²².

Э.И. Квириг указывал на то, что повышению урожайности мешали неумелые организационные методы работы на местах, нехватка агрономического персонала и др.²³ Были среди ученых и сторонники активной механизации и тракторизации сельского хозяйства, господства человека над силами природы²⁴. При этом их оппоненты из Почвенного института им. В.В. Докучаева указывали на негативные природные последствия применения колесных тракторов, которые слишком утрамбовывали почвенный покров²⁵.

Вопросы землеустройства, мелиорации, борьбы с засухой также были самыми обсуждаемыми в печати того времени. Инженер-землеустроитель Ф.Г. Некрасов поднял проблему землеустройства степного Юга, где особо остро стоял вопрос дальнего земледелия, требовавший расселения крестьян. В свою очередь последнее вызывало необходимость обводнения новых поселков²⁶. К.Н. Сазонов, специалист Наркомзема по землеустройству, профессор Воронежского сельскохозяйственного института, писал о том, что «перестройка сельского хозяйства немыслима без рационального землеустройства», под которым он понимал устранение чересполосности, дальнего земледелия и иных недостатков землепользования, интенсификацию сельскохозяйственного производства, широкое применение агрокультурных мероприятий, а также укрупнение крестьянских хозяйств²⁷. (В 1931 г. ученый был репрессирован).

Начальник Главного управления землеустройства Наркомзема, доктор сельскохозяйственных наук И.Д. Шулейкин указывал на нерешенные вопросы колхозного землеустройства. Он упрекал власть за невнимание к проблеме уничтожения чересполосности, мелко- и дальнего земледелия и др. Ученый сетовал на то, что земли зачастую отводились совхозам и колхозам «кабинетно», без учета требований правильного землеустройства, которое было пущено «на самотек». Это, как он полагал, во многом являлось следствием прекращения научно-исследовательской работы по землеустройству, закрытия землеустроительных вузов и техникумов, переквалификации 4 тыс. землеустроителей. Он прямо указывал на безгра-

мотность руководителей сельского хозяйства, ведь до 1933 г. Наркомзем вообще не занимался землеустройством. Шулейкин критиковал существовавший тогда подход к землеустройству, сводившийся к убеждению в том, что тракторизация и коллективизация решат все проблемы.

Ученый перечислял и иные допущенные ошибки в организации сельского хозяйства страны: например, севообороты вводились «наскоком», только для пашенной земли, без учета других угодий, особенно кормовых; в процессе создания хозяйств не учитывались местные естественно-природные условия, рельеф; не создавалась сеть водных источников для решения мелиорационных и ирригационных проблем. Ученый предлагал уделять повышенное внимание рациональному землеустройству, его научным основам, развивать сельскохозяйственную картографию, объединить почвенные, геоботанические, мелиоративные и дорожные обследования. Землеустройство нужно было перестроить и организационно: объединить его с водоснабжением в едином государственном учреждении, расширить и укрепить районные землеустроительные организации, обеспечить их инженерно-техническими и научными кадрами ²⁸. (В 1938 г. Иван Дмитриевич был расстрелян).

Основоположник отечественной мелиоративной науки А.Н. Костяков в защиту советской власти привел данные за 1917—1927 гг., согласно которым советское правительство потратило в 3—3,5 раза больше денежных средств на мелиоративное дело, чем дореволюционное. Под влиянием засух и по инициативе Костякова был создан специальный мелиоративный фонд в размере 77 млн. рублей. Несмотря на эти достижения, он тоже считал важным усилить связь мелиорации с научными исследованиями местных условий, чтобы мелиоративные мероприятия согласовывались с ними ²⁹.

После неурожая 1924 г. вновь актуализировался вопрос борьбы с засухой. Для Вильямса и его сторонников универсальным средством решения всех сельскохозяйственных проблем было травополье ³⁰. Лесо-мелиоратор Н.И. Сус предлагал задерживать влагу в почве посредством высадки лесных защитных снегоборных полос, особенно на песчаных участках ³¹.

Проблемы лесного хозяйства и водопользования лишь изредка обсуждались в научной печати. Лесовод Н.П. Кобранов призывал обратить внимание на ценность лесов как элемента ландшафта. Он отмечал, что в густонаселенной ЦЧО лесистость к середине 1920-х гг. едва достигала 6%. Ученый объяснял это климатическими и почвенными условиями, мешавшими распространению лесов, а также их интенсивной расчисткой под пашни. Последствиями лесоистребления были рост оврагов, песков, ухудшение условий для земледелия и проч. Подобное отношение к лесу, по убеждению специалиста, необходимо было остановить, введя рациональные основы лесопользования. Лесовод писал о важности изучения экологических (термин Кобранова) свойств лесов, знания о которых должны быть положены в основу рационального хозяйственного использования лесных ресурсов ³².

Лесовод М.Е. Ткаченко обращал внимание на то, что «наши леса в период войны и революции в районах интенсивного хозяйства испытали чрезмерные вырубки вблизи путей транспорта». Он призывал провести

обследование лесов, выявить их наличные масштабы, состав, качество. Лесоустроительные работы следовало проводить с участием почвоведов, лесных энтомологов и иных специалистов. Ткаченко рекомендовал облесить пустыри и вырубki, прививать крестьянам бережное отношение к лесам, ведь истребление лесов особенно усиленно происходило в крестьянских лесах. «Без лесоразведения пошатнется и сельское хозяйство» — заключал он. Рубки леса следовало продумывать так, чтобы не ухудшить водный баланс крупных водных артерий страны — рек Волги и Днепра — напутствовал ученый.

Ткаченко отмечал рост площади оврагов и песков, причиной чего, по его мнению, было малое финансирование лесоустройства: до первой мировой войны на лесное хозяйство тратилось 46% валового лесного дохода, а в 1925 г. — всего 15%. Пагубно сказывались незначительные затраты на лесное опытное дело: в 1927 г. на него было отпущено всего 150 тыс. руб. при 120-миллионном доходе от продажи древесины. Лесничие были завалены канцелярской работой так, что у них не оставалось времени чаще бывать в лесах, их зарплата и денежное довольствие их помощников были не высоки, квалификация оставляла желать лучшего³³.

В 1927 г. СНК СССР поручил Госплану провести работу по уточнению схемы ирригации страны. Для этой цели была создана особая комиссия под председательством сотрудника водной секции Госплана, гидроэнергетика, профессора А. В. Чаплыгина. Он выдвинул идею о возможности при помощи волжской воды оросить около 4 млн. га посевных территорий Заволжья, часто страдавших от засухи. Проект «Большая Волга» предусматривал возведение гидротехнических сооружений, которые комплексно обсуживали бы интересы транспорта, энергетики и ирригации. Ученый предлагал устроить систему электродождевания для борьбы с засухой и суховеями. Беда Заволжья, как полагал Чаплыгин, заключалась не в почвенной засухе, а в атмосферной, в сухих ветрах, шедших из Средней Азии. Смягчить и увлажнить сухой климат Поволжья необходимо было посредством защитных лесонасаждений³⁴. Однако этот проект до начала Великой Отечественной войны не был реализован: Куйбышевская ГЭС была сдана в эксплуатацию лишь в 1958 году.

В 1928 г. обсуждался перспективный план развития водного хозяйства страны. По мнению П. В. Цейдлера, сложность состояла в отсутствии единого органа управления водным хозяйством страны. В РСФСР планировалось осушение 1 млн. га, орошение 435 тыс. га и проведение обводнительных мероприятий в 60 тыс. пунктах³⁵. На ирригацию Заволжья требовалось 100 млн. рублей. В декабре 1929 г. для разработки и осуществления водохозяйственных мероприятий Наркомзем создал Всесоюзный комитет водного хозяйства.

Заключение, или почему в СССР победило прометейство? Итак, проанализированный материал рельефно отразил как внутренние научно-теоретические споры в науке, так и трансформацию государственной политики в сфере природопользования, диалектику смены приоритетов и роль ученой общественности в ней. Из приведенных наиболее типичных примеров очевидно, что лесопользование и водопользование занимали скромное место в научной периодической печати, выходя на передний план лишь в связи с обсуждением последствий частых засух и недородов.

Ведущее место среди дискутируемых проблем занимали вопросы землепользования, что объяснимо интересами позднего аграрного общества, для которого земля была ценнейшим экономическим ресурсом. По инициативе власти, основное внимание ученых было приковано к проблеме повышения урожайности, которая рассматривалась как приоритетная хозяйственно-политическая задача. Для изученной тематической дискуссии характерна общая тенденция спада обсуждений к концу 1920-х гг. после перехода к коллективизации.

В силу нехватки денежных средств, которые шли на укрепление обороноспособности и индустриализацию, от ученых власть ждала таких рецептов, которые, с одной стороны, привели бы к быстрому и стойкому росту урожайности, с другой, — не потребовали бы существенных финансовых затрат. В связи с этой «установкой» предложения ряда ученых и партийных деятелей об активном применении минеральных удобрений, производство которых в стране еще не было доведено до промышленных объемов, и большую часть которых приходилось закупать за границей, были явно непопулярны. Приоритетным стало учение Вильямса о травосеянии, повсеместно положенное в основу системы земледелия без учета местных естественно-природных условий. Критика ряда ученых аграрной политики власти, в том числе практики травосеяния, признание ее причиной низких урожаев и отсталости сельского хозяйства, указание на организационные недочеты, недостаток квалифицированных кадров, несогласованность землеустроительных и мелиоративных работ и проч. пресекалась репрессиями. При этом упреки (вариативные альтернативы) были справедливыми. Например, тотальное травосеяние явно не оправдало себя: в стране с разнообразными природными и почвенными условиями оно было неэффективным способом восстановления и поддержания плодородия земли³⁶.

Некоторые предложения ученых все же были восприняты властью. Например, Постановлением XII Всероссийского съезда Советов от 11 мая 1925 г. ставились задачи улучшения техники полевого хозяйства (ранние пары, зяблевая вспашка и проч.), снабжения крестьян чистосортным семенным материалом, увеличения количества агрономических участков в волостях³⁷. В Постановлении СНК СССР от 31 июля 1931 г. «Об организации лесного хозяйства» закреплялись беспрецедентные меры борьбы с вырубкой лесов, обмелением Волги, Днепра и Дона, укрепления оврагов и песков в засушливых районах, лесовозобновления, улучшения водного режима рек и др.³⁸

При этом у власти присутствовало стойкое представление о почти неиссякаемых запасах природных ресурсов в стране, которое резонировало с предостережениями ряда ученых об их исчерпаемости, необходимости бережного к ним отношения. С конца 1920-х гг. в массовом общественном сознании государством насаждалось прометейство — убежденность в приоритете человека над природой, стремление покорить ее. Позиция советской власти в этом вопросе может быть выражена словами писателя А.С. Яковлева, высказанными им применительно к грандиозным планам Волгостроя начала 1930-х гг.: «Между человеком и Волгой будет борьба, невиданная в веках и тысячелетиях. Человек, конечно, победит, и это будет одна из самых прекрасных и гордых побед человека над природой,

побед, возможных только в Стране социализма». Государство тогда бредило мыслями о «смелой переделке природы, решительном наступлении на стихию, подчинении ее на благо всего человечества». Как заявлял писатель: «Мы не хотим больше зависеть от природы, приспособливаться к ней: наоборот, мы стремимся подчинить ее себе, приспособить ее к нуждам нашего социалистического общества»³⁹. Эволюционный тип взаимоотношений природы и общества сменялся революционным природопользованием. Прометейство стало его сердцевинной.

Примечания

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17—78—10032).

1. См., напр.: Человек и природа: экологическая история. СПб. 2008; A Companion to Global Environmental History. Malden. 2012; ДУРНОВЦЕВ В.И. «Environmental History» как «экологическая история» (историографические заметки). — Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017, № 6, с. 10—19.
2. МУН Д. Российская и советская экологическая история в современной западной науке. В кн.: Российская провинция как социокультурное поле формирования гражданской и национальной идентичности: сб. научных статей. Елабуга. 2017, с. 14—21.
3. НИКОНОВ А.А. Взгляды на аграрный вопрос в двадцатые годы. — Социологические исследования. 1993, № 3, с. 66—79.
4. ФИЛИМОНОВ С.Б. Вопросы источниковедения истории взаимодействия природы и общества в трудах краеведов России 1920-х гг. В кн.: Человек и природа: История взаимодействия, источники и информационные ресурсы, визуальные образы и исследовательские практики. М. 2017, с. 220—223.
5. НИКОНОВ А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII—XX вв.). М. 1995.
6. Прометейство — используемый в западной науке термин для обозначения превосходства человека над природой, стремления преобразить ее для нужд общества.
7. РЕМЕЙКО А.Г. На путях восстановления хозяйства ЦЧО. — Хозяйство ЦЧО. 1928, № 2, с. 3—13.
8. МЕРКУЛОВ Н.А. Перспективы посевных площадей зерновых, пропашных и технических культур в ЦЧО. — Там же, № 1, с. 35—45.
9. ЖИРОМСКАЯ В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М. 2012, с. 13.
10. АНДРЕЕВ А.А. Сельское хозяйство ЦЧО и итоги мероприятий по восстановлению. — Хозяйство ЦЧО. 1928, № 2, с. 25—35.
11. ЕГО ЖЕ. Узловые проблемы земельной работы Области. — Там же, № 3, с. 6—17.
12. СЕРГЕЕВ В.Н. Восстановление и реконструкция сельского хозяйства ЦЧО. — Пути сельского хозяйства. 1929, № 5, с. 116—124.
13. Впечатление экспедиции по эффективности мероприятий в сельском хозяйстве ЦЧО. — Там же. 1928, № 11, с. 135—147.
14. КВИРИНГ Э.И. Пути и методы повышения урожайности. — Там же, № 7, с. 3—45; ВИЛЬЯМС В.Р. Пути повышения урожайности и реконструкция сельского хозяйства. — Там же, с. 46—71; ВАВИЛОВ Н.И. Проблема подъема урожайности в СССР под углом зрения растениевода-селекционера. — Там же, с. 72—79; ПРАСОЛОВ Л.И. Зависит ли низкая урожайность хлебов от почв. — Там же, с. 80—81; ДЕБУ К.И. Ответ отдела машинноведения на запрос РКИ о поднятии урожая при помощи машин. — Там же, с. 82—87; КИРСАНОВ А.Т. Что желать, что и как делать в области земледелия. — Там же, с. 88—92; ЯЧЕВСКИЙ А.А. К вопросу о поднятии урожайности с точки зрения фитопатологии. — Там же, с. 93—103; ФИЛИПЬЕВ И.Н. Значение энтомологии в поднятии урожайности. — Там же, с. 104—107; ЛЕБЕДЯНЦЕВ А.Н. О системе мероприятий, необходимых для усиления темпа роста урожайности. — Там же, с. 108—114.

15. ЛИСКУН Е. Ф. Проблемы повышения урожайности и животноводство. — Там же, № 8, с. 69—81.
16. ШЕФЛЕР М. Е. Борьба за удвоение урожая. — Там же, с. 82—88.
17. КУЛАГИН Н. М. Культурно-хозяйственные мероприятия для поднятия урожая и борьбы с вредителями растений. — Научное слово. 1930, № 5, с. 66—75.
18. ЭРЕНБУРГ Х. К дискуссии по вопросам урожайности. — Пути сельского хозяйства. 1929, № 5, с. 45—53.
19. ПРЯНИШНИКОВ Д. Н. Минеральные удобрения и развитие сельского хозяйства. — Там же. 1927, № 10, с. 144—156.
20. СИВОГРИВОВ А. Проблема минеральных удобрений в связи с реконструкцией сельского хозяйства. — Там же, № 11, с. 24—41.
21. ПАНИН Л. Н. Апологеты трехполки. — Там же. 1929, № 8, с. 57—66.
22. Доклад Н. М. Тулайкова «Система земледелия в хозяйстве Зернотреста» 17 октября 1929 г. — Исторический архив. 1962, № 3, с. 116—118.
23. КВИРИНГ Э. И. Предварительные итоги по осуществлению декрета об урожайности. — Пути сельского хозяйства. 1929, № 6, с. 3—16.
24. МАТЮХИН В. В. К вопросу о социалистической реконструкции сельского хозяйства и производственной смычки пролетариата с крестьянством. — Там же, № 7, с. 3—16; № 8, с. 38—56.
25. Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 401, оп. 2, д. 160, л. 103—105.
26. НЕКРАСОВ Ф. Г. К вопросу о землеустройстве на степном юге. — Пути сельского хозяйства. 1926, № 1, с. 149—151.
27. САЗОНОВ К. Н. Основные вехи советского землеустройства. — Хозяйство ЦЧО. 1928, № 3, с. 31—33.
28. ШУЛЕЙКИН И. Д. О землеустройстве. — На аграрном фронте. 1933, № 5, с. 40—63.
29. КОСТЯКОВ А. Н. Мелиоративные итоги десятилетия. — Пути сельского хозяйства. 1927, № 10, с. 191—200.
30. ВИЛЬЯМС В. Р. К постановке вопроса о борьбе с засухой. — Там же. 1925, № 1—2, с. 27—36.
31. СУС Н. И. Полосные лесные посадки в деле борьбы с засухами и неурожаями. — Там же. 1926, № 2, с. 165—182.
32. КОБРАНОВ Н. П. Леса центрально-черноземной области и их исследование. — Там же. 1925, № 1—2, с. 145—161.
33. ТКАЧЕНКО М. Е. Наше лесное хозяйство. Там же. 1927, № 9, с. 70—85.
34. ЧАПЛЫГИН А. В. Проблема реконструкции Волги. — Плановое хозяйство. 1932, № 2, с. 178—186.
35. ЦЕЙДЛЕР П. В. Перспективный план по водному хозяйству СССР. — Там же. 1928, № 1, с. 71—84.
36. ИЛЬИНЫХ В. А. Звезда и смерть сибирского травосеяния. — Крестьяноведение. 2016, № 1, с. 93—121.
37. Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. В 6 томах. Т. 1. 1917—1927 гг. М.-Л. 1949, с. 206—209.
38. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: в 5 томах. Т. 2. 1929—1940 гг. М. 1967, с. 346—349.
39. ЯКОВЛЕВ А. Большая Волга. — Колхозник. 1935, № 1, с. 90, 101.

Состояние здоровья ответственных партийных работников РКП(б) во время революции 1917 г., гражданской войны и нэпа (по материалам Вятской губернии)

Ю. Н. Тимкин

Аннотация. В настоящей публикации на основе уникальных архивных материалов анализируется региональный аспект кризиса общественного здоровья в России в революционное время. Особое внимание уделяется вопросу взаимосвязи состояния здоровья и политической деятельности ответственных работников. Выяснилось, что условия работы оказывали прямое влияние на принятие политических и управленческих решений. Автор приходит к выводу, что большинство ответственных партийных работников страдали различными психофизическими заболеваниями.

Ключевые слова: здоровье, ответственные работники партии, РКП(б), Вятская губерния.

Abstract. In this publication on the basis of unique archival materials the regional aspect of the crisis of public health in Russia in the revolutionary time is analyzed. Particular attention is paid to the relationship between health and political activities of responsible employees. It turned out that the working conditions had a direct impact on political and managerial decision-making. The author comes to the conclusion that the majority of responsible party workers suffered from various psychophysical diseases.

Key words: health, responsible party workers, RCP(b), Vyatka province.

По мере развития революции 1917 г. состояние здоровья ответственных партийных работников Вятской губернии заметно ухудшалось. Сказались как последствия кризиса общественного здоровья населения страны, так и специфические болезни революционеров-подпольщиков. В первые годы нэпа симптомы кризиса заметно обострились, и руководство губкома партии пыталось принять необходимые меры.

Тимкин Юрий Николаевич — кандидат исторических наук, доцент Вятского государственного университета. Киров. E-mail: timkin43@mail.ru.

Timkin Yuriy N. — candidate of historical sciences, associate professor at the Vyatka State University. Kirov. E-mail: timkin43@mail.ru.

Целью исследования является анализ болезненного состояния здоровья ответственных работников РКП(б) Вятской губернии и его влияния на их политическую деятельность. Публикации по данной теме впервые появились в 1920-е годы ¹. По словам А. Залкинда, во время перехода к нэпу «потребовалась резкая перемена в методах работы», что ухудшило состояние здоровья «истощенных и переутомленных товарищей». В итоге — «расстройство ритма и глубины сна, нарушение аппетита и общего пищеварения, сердечно-сосудистые неврозы, умственная утомляемость, колебания настроения» ². Начиная с 1930-х гг., данной теме не уделялось внимания, но определенный фактический материал накапливался ³. Перестройка, а затем и распад СССР вызвали значительный интерес к большевизму, партийным и советским руководителям, состоянию их здоровья, возникла возможность взглянуть на проблему более свободно. Так, по мнению Ф. Н. Ильсова, большевизм представлял собой «политическое движение, принявшее форму коллективного психического заболевания» ⁴. Особый интерес вызвали публикации о здоровье и болезни В. И. Ленина ⁵.

В конце XX в. В. Л. Дьячков указал на «психосексуальные особенности и отклонения в детстве и юношестве и их проявление в личной жизни взрослых революционеров»: ранняя смерть или уход отца из семьи, смерть любимого старшего брата, огромная роль матери в воспитании, сознание собственной ущербности и ущемленности ⁶. Архивный материал по Вятской губернии содержит несколько ярких иллюстраций, вполне подтверждающих наблюдения Дьяčkова.

И. С. Ратьковский провел «медицинский анализ биографии организатора ВЧК Ф. Э. Дзержинского», рассмотрев «все известные случаи болезни (туберкулез и больное сердце) Дзержинского и организацию его лечения». В статье «всесторонне изучено влияние жизненных испытаний и напряженной работы на состояние его здоровья» ⁷.

Обширна «алкогольная» тема первых лет советской истории ⁸. О специфической российской проблеме влияния алкогольной интоксикации на психическое состояние и действия людей в годы русской революции 1917 г. писала исследователь Т. А. Павлова. По ее мнению, потребление спиртного «растормаживало низшие инстинкты, страсти и влечения, отнимало способность критически оценивать свое поведение и объективную ситуацию, рождало импульсивность и неуправляемость». В свою очередь состояние похмельного синдрома «множило чувства гнева, раздражения, озлобленности, стремление выместить на беззащитных людях любого класса и социального статуса свою неконтролируемую агрессию» ⁹.

И. В. Синова, проведя гендерный анализ девиантного поведения подростков на рубеже XIX—XX вв., пришла к весьма красноречивому выводу: модернизация в начале XX в. обусловила «отклонения в процессе социализации, массовую детскую безнадзорность и заброшенность...» Следствием этого являлось «серьезное ослабление либо отсутствие нормативных стандартов поведения и убеждений» ¹⁰.

По словам Б. Б. Прохорова и И. В. Горшковой, «практически почти весь период с 1914 г. по настоящее время в России, то затухая, то вновь разгораясь, продолжается «кризис общественного здоровья» на

фоне «кризиса здоровья общества»¹¹. Первый такой кризис датируется 1914—1923 гг. и связывается с первой мировой войной и революцией 1917 года. Все кризисные явления в общественном здоровье наступают «вследствие социально-экономических или военных катастроф. Они сопровождаются высокой инфекционной заболеваемостью, эмоциональными стрессами, увеличением частоты сердечно-сосудистых болезней, повышенной смертностью, увеличением доли насильственных смертей»¹². Большевики как до, так и во время революции 1917 г. в полной мере ощущали на себе последствия кризиса общественного здоровья. В тот период состоянием здоровья партийцев заниматься было некому, да и некогда. Идея жертвенности, ставшая популярной среди революционеров, выступила мощным регулятором поведения в чрезвычайных условиях. «Пламенным» революционерам не к лицу было жаловаться на симптомы болезни. Смертельно больной Дзержинский во время одного из выступлений прижимал обе руки к сердцу, что было «сознательным жестом сильного человека, который всю свою жизнь считал слабость позором и который перед самой смертью не хотел, пока он не закончит свою последнюю речь, показать, что он физически страдает, не хотел казаться слабым»¹³.

В ментальности большевиков причудливо переплелись традиционный коллективизм, культивируемая веками православная соборность и идеи органицизма: партия представлялась как «живой организм», в котором партиец был «солдатом партии». Об этом писали Г. Е. Зиновьев¹⁴ и И. В. Сталин¹⁵. Человек становился функцией партии, и его просто «перебрасывали» с одного места работы на другое. Так, в начале 1923 г. бюро Вятского губкома решило перевести председателя Котельничского уездного исполкома и члена укома партии Г. П. Ванеева в Омутнинск, но он «медлил» с переездом, говоря, что выехать в Омутнинск не может «по семейным обстоятельствам». 27 марта поведение Георгия Ванеева обсуждалось на заседании губкома, где Ванеев сообщил, что в Котельниче у него свое хозяйство, на его иждивении жена и родители. За последние годы «я не мог оказывать поддержку своему хозяйству и переброска в Омутнинск приведет к его окончательному разрушению». Партийные товарищи расценили его подход как «некоммунистический». Губком, подтвердив решение бюро, предложил Ванееву «немедленно выехать в Омутнинск» и предупредил все парторганизации «впредь подобных проступков не совершать»¹⁶. Ванеев был вынужден подчиниться. Что стало с его семьей и хозяйством, узнать не удалось. В Омутнинске он проработал около года и уже в 1924 г. его отправили в Вятку.

В воспоминания некоторых партийцев можно усмотреть давние и глубокие истоки их болезненного состояния, обусловленные особенностями культурной среды, в которой они выросли. Так, в годы гражданской войны заведующим отделом управления Вятским уездом состоял участник революционных событий 1905—1907 и 1917—1918 гг. М. К. Любвилов (1887—1974). В своей автобиографии он отмечал, что жизненные условия в детстве были «очень тяжелыми, да и в последующие годы ничуть не лучше... Заработок у отца — чрезвычайно мал, да к тому же он сильно пил. Семья же у него — 8 чел... Наше воспитание было предоставлено улице». Михаил устроился работать учеником

слесаря, но проработав год, был уволен «за грубость». С лета 1904 г. (с 17 лет. — *Ю.Т.*) он уже состоял членом социал-демократического кружка. В 1927 г. он покинул должность директора спичечной фабрики «Чепца» из-за «сильного нервного расстройства»¹⁷.

Порой катализатором отклонений в поведении служил конфликт поколений, осложненный, вероятно, какими-то межконфессиональными отношениями. Так, в августе 1921 г. начальником секретно-оперативного отдела и членом коллегии губернской ЧК стал Николай Штирнер, родом из г. Усолье Пермской губернии. Он вырос в семье лютеранского аптекаря, которого «ненавидел как собственника. Это окончательно атрофировало всякие родственные чувства к родным и родственникам». Николаю были «чужды какие бы то ни было националистические тенденции, а также патриотические настроения. Был всегда застрахован и свободен от обывательских настроений и шатаний». Для него не существовало «ни родственных, ни других(!?) отношений и, если бы нужно было расстрелять родного отца, то я, не задумываясь, сделал бы это». По словам Штирнера, идеи РКП(б) «глубоко и крепко запали в душу, дороже их для меня ничего нет...»¹⁸. В 1922 г. за организацию «пьяного дебоша» губернская КК объявила ему строгий выговор¹⁹.

Иногда психологические комплексы формировались под влиянием амбиций, которые не могли быть удовлетворены. Секретарь агитпропа губкома в 1922—1923 гг. С. А. Алыпов (1898—1950) во время пребывания на новогоднем празднике в детском доме вспоминал: «... Тяжело становится, когда вспомнишь, как мы росли. Мы в глухих деревнях до 10 лет не видели ни бумаги, ни карандаша, дальше своего приходского села никуда не бывали и кроме церкви ничего не видели. Нас окружала некультурная обстановка, мы росли в собственнической атмосфере. Только попав на военную службу, мы увидели город, да и то жили в казарме, были дикими и робкими. Наш кругозор был чрезвычайно узок, наша духовная жизнь была крайне бедна, мы не умели ни думать, ни говорить. Мы были замкнуты и как дикие звери чуждались людей»²⁰. Вначале карьера Степана Алыпина складывалась довольно удачно: в сентябре 1923 г. его перевели на работу в ЦК партии, затем он учился в институте красной профессуры и руководил кафедрой в Высшей пограничной школе. В августе 1930 г. его направили на работу в оргбюро ЦК партии по Восточно-Сибирскому краю. Но в 1937 г. он был арестован, а в 1950 г. погиб в лагере, не дождавшись освобождения²¹.

Активные участники революционного движения со времени начала своей деятельности жили в условиях невероятного напряжения и постоянного стресса: нелегальное положение, погони, арест, суд, тюрьма, ссылка, побег, переход через границу и т. д. Во время революции 1917 г. и гражданской войны, а также в начале нэпа вчерашние подпольщики, а ныне ответственные партийные работники часто находились на грани жизни и смерти. Чрезвычайное напряжение в годы гражданской войны вынуждало переходить к мобилизационной экономике и чрезвычайщины. Стремясь вникнуть в суть управления всеми сферами жизни огромной страны, они обрекали себя на чрезвычайную загруженность. В то же время стремление к идейной чистоте партийных рядов приводило к новому стрессу. Член ЦКК партии Матвей Шкирятов (1883—1954),

отчитываясь о деятельности Центральной контрольной комиссии на XII партийном съезде, предлагал ограничивать срок пребывания в контрольных комиссиях РКП(б) 1 годом: «... Эта работа требует невероятного нервного напряжения... и может привести людей к инвалидности и оторванности от масс»²². Сходная ситуация складывалась в работе местных советских органов, в деятельности чрезвычайных комиссий.

Огромные нагрузки не могли не вызвать различные заболевания, а медицинское обслуживание находилось в невероятно запущенном состоянии. Первая мировая война, революция 1917 г. и гражданская война не способствовали развитию земской медицины. В начале XX в. «появилась потребность в объединении сил государства и земств в противоэпидемической работе. Но это не стало системой и вызвало в дальнейшем огромную заболеваемость и смертность от холеры и тифа во время гражданской войны»²³.

Часто единственным средством, которое могло хотя бы как-то снять болевой синдром, становились спиртные напитки. Серией актов (конец 1919—1923 г.) советская власть отменила «сухой закон», что еще больше подстегнуло волну алкоголизма в стране: ни один русский праздник не обходится без спиртного. По словам Н.Б. Лебиной, «в российской ментальности на протяжении многих веков неизменно присутствует отрицательное отношение к пьянице, настороженность — к абсолютному трезвеннику и позитивная оценка умеренно пьющего»²⁴.

Пьянство, издавна распространенное среди различных социальных слоев вятского общества, особенно усилилось в конце XIX — начале XX века²⁵. Распад большой патриархальной семьи, возросшая социальная мобильность населения, разрушительное влияние первой мировой войны — все это приводило к маргинализации значительной части населения, что, в свою очередь, способствовало росту алкоголизма и преступности.

Показательна в этой связи картина, представленная в сводке губернского отдела ОГПУ (весна 1925 г.). На Песковском заводе «пьянство царит всюду. Особенно резко это выделилось в Пасхальную неделю. Почти все рабочие, старые и молодые, всю неделю были под влиянием самогона, днем и ночью учиняли ужасные драки между собой. По улицам заводского поселка нельзя было днем пройти трезвому человеку, особенно в первые три дня пасхи. Люди кидались драться без разбора. Драки носили воинственный характер, каждый вооружался, чем попало... Такое явление в Песковке наблюдается каждый большой праздник... Подобное пьянство царило и в других заводских районах Слободского уезда»²⁶.

Здоровье «дедушки» вятских большевиков И.И. Деришева (1870—1951), прибывшего по мандату Ленина устанавливать в Вятке советскую власть, уже в 1918 г. вызывало беспокойство партийцев. Иван Ипатович часто злоупотреблял спиртными напитками. Весной 1918 г. он проходил по делу членов Слободского уисполкома, которые обвинялись в преступлениях по должности, в незаконной конфискации спиртного. Деришев, оправдываясь тем, что весьма болен, а нужных медикаментов нет, представил медицинское свидетельство о своем болезненном состоянии: «сильное малокровие, общая слабость, эмфизема легких и начинаю-

щийся катар желудка»²⁷. Вятский ревтрибунал, учитывая, что Деришев является «старым и поныне активным партийным работником», а его поступки «не представляют никакой угрозы революции», постановлением от 12 ноября 1918 г. освободил его от ответственности.

25 ноября 1919 г. председатель Яранского уисполкома информировал уком партии о том, что ответственные партработники стремятся «получить себе более или менее продолжительный отпуск по болезни». Председатель просил «принять соответствующие меры к недопущению подобных явлений...»²⁸ Вероятно, в партийных рядах еще не осознавалась необходимость профилактических мер. Как заявил в январе 1920 г. член Советской уездной парторганизации Чертищев, обвиненный в пьянстве, «из больницы получить какие-либо медикаменты не представлялось возможным из-за их отсутствия. Поэтому почти единственным средством, несколько восстанавливающим силы, было вино». Кстати, обвинение с Чертищева после «продолжительных и горячих прений» с участием местного доктора было снято²⁹.

В первые годы нэпа стали очевидными «повышенная утомляемость от быстрой и радикальной замены фронтовых методов методами мирного времени, невроты на почве идейных конфликтов...»³⁰. Допуск рыночных отношений стал крутым переломом для многих партийцев, он переживался очень тяжело. Архивный материал свидетельствует, что ряд уездных парторганизаций «заболел» алкоголизмом. Так, в июне 1922 г. среди членов Нолинской уездной парторганизации пьянство развилось «до невероятности»³¹. В июле 1922 г. по этой причине пришлось распустить Малмыжскую уездную парторганизацию³². В августе 1922 г. стали известны многочисленные факты пьянства и разложения среди ответственных партработников Слободской парторганизации³³. В октябре 1922 г. в совершенно секретной информации ответственного секретаря Орловского укома Пересторонина сообщалось: «... замечается болезненный нарост — пьянство и взятки некоторых членов партии». Уком принимает меры, но они особенного эффекта не дают. Пьяницы «почти насильно спаивают других партийцев самогонкой, натравливают одного члена партии на другого»³⁴.

В августе 1922 г. после проверки Омутнинской парторганизации выяснилось, что там развилось «систематическое пьянство»³⁵. В январе 1923 г. оно вновь проявилось в «сильнейшей форме»³⁶. В результате принятых радикальных мер многие уездные советские органы Омутнинска «остались без работников». Омутнинск как место ссылки провинившихся партработников губернии продолжал беспокоить губком партии: в 1924 г. в коммуне ответственных партработников был обнаружен самогонный аппарат!

Еще осенью 1922 г. секретариат Советского уездного комитета партии указал на «развернувшееся пьянство коммунистов, особенно среди сотрудников ГПУ». Если «и в дальнейшем подобное явление будет продолжаться, то возможен развал всей партийной организации»³⁷. Выступавший с докладом Родыгин не смог предложить выход, так как понимал, что «если будет принято решение отсечь от организации всех зараженных пьянством, то мы увидим малочисленную организацию, которая будет не в состоянии руководить уездом»³⁸.

В июне 1923 г. в Советске произошел скандал, потрясший и уездный город, и губернскую Вятку. В течение трех дней ответственные партийные и советские работники злоупотребляли спиртным, устраивали драки и другие беспорядки. Все началось с того, что заведующим мельницей и механическими мастерскими был назначен балтийский матрос, уроженец Яранска Сергей Черепанов. С приездом в Советск Черепанов встретил там ответственных партийных и советских работников, с которыми установил самые тесные отношения. Среди них отметим инспектора охраны труда В. А. Тарабарина, уездного военного комиссара И. Г. Безденежных, начальника уездной советской милиции Ф. М. Бахмутова, служащего вятского промторга А. М. Пирогова, зам. председателя уисполкома М. С. Злобина, уполномоченного ОГПУ Е. Я. Попова, заместителя зав. отделом управления уезда В. А. Ведерникова.

16 июня на мельнице, принадлежавшей ранее Н. Анциферову, состоялась «попойка». При этом было «много шума, дошедшего до скандала, во время которого Черепанов бил Злобина и Наумова (беспартийного. — Ю. Т.)». Когда Черепанов вытолкнул Анциферова, тот пошел в местный угрозыск. Известие о скандале мгновенно разнеслось по городу. На следующий день на квартире Черепанова собрались Злобин и Попов. После выпивки Злобин уехал в Вятку, а чекист Попов «пьяный ходил по городу». Зайдя в пивную, он встретил там Тарабарина, Пирогова, Бахмутова и борца Домбразина, приехавшего на гастроли. Во время выпивки Бахмутов и Домбразин договорились вечером померяться силами в городском театре. Судить вызвались Черепанов и Попов. Вечером горожане устремились в театр на необычное зрелище. «Поединок» возобновлялся несколько раз, и было неясно, кто победит. Пристрастность судей возмущала публику, и атмосфера накалялась. В итоге «представление» завершилось скандалом, во время которого Попов заявил, что в его руках вся власть и поэтому «может всех разогнать и арестовать». В ответ со стороны публики раздались «выкрики в адрес коммунистов и Советской власти»³⁹.

18 июня «друзья» вновь собрались на мельнице у Черепанова. И на сей раз, по свидетельству местного фельдшера, они злоупотребляли спиртными напитками. Часть собравшихся удалось арестовать, а Черепанов, Попов, Домбразин уехали «куда-то вместе с какой-то барышней» и двумя милиционерами. 19 июня в уездном здравотделе при участии военкома Безденежных пьянка возобновилась с новой силой. Вечером Безденежных пришел на пристань и стал угрожать пассажирам расстрелом. Бывшие с ним участники пьянки пытались его увести домой, но он «вырвался и убежал в помещение военкомата». Оттуда долго раздавались истеричные крики о помощи. Между другими участниками пьянки возник конфликт, во время которого «Попов назвал Пирогова шпионом, а Черепанов кидал их обоих». В местное отделение ОГПУ сообщили, что Тарабарин «проверял ночью документы в одной квартире и пристаивал там к девушке».

На состоявшемся на следующий день заседании секретариата Советского укома РКП(б) описанные выше события были квалифицированы как «почти поголовное пьянство ответственных работников, которые, изрядно выпив, в заключении передрались». На том же заседании

были приведены и некоторые любопытные факты из жизни участников рассматриваемых событий. Так, отец Сергея Черепанова до революции владел мельницей, кузницей и 50 десятинами земли, то есть был зажиточным. Он «работал, не щадя себя, и преждевременно умер». И семья распалась: два брата Сергея «не ужились», покинув отчий дом, третий брат пил, «ленился, хозяйство вел неумело, и оно пошло на убыль». Тот же брат «под палкой выдал замуж сестру». Дед Сергея этого не выдержал и покончил с собой. Сергей «плюнул на все и уехал из дому»⁴⁰. Он скитался по Прикамью, работал на Урале, затем служил на флоте, а когда свергли царя, в мае 1917 г. вступил в партию большевиков.

Сергей Черепанов «положил много трудов на пользу революции»: боролся с контрреволюцией, устанавливал новую власть, сражался с Колчаком, трудился на хозяйственном фронте, проявляя лучшие свои качества. Имея в своем распоряжении отряд матросов из 15 чел., он смог организовать новую власть в Яранске. Зимой 1918 г. был момент, когда судьба нового строя всецело зависела от его личного мужества: «... я часто ложился спать голодным. Не было и одежды. Имел одно пальто, сшитое из матросской шинели. Чтобы рассеять ложные слухи (о советской власти. — Ю.Т.) и связаться с крестьянством, я поехал по волостям». Но с началом нэпа все это было в прошлом. Перед Сергеем встал вопрос: за что боролся?

Чем-то близок Сергею военком Иван Безденежных, уроженец Котельничского уезда: выходец из крестьянской семьи, воевал в гражданскую войну, член партии с октября 1918 года. Отдавая всего себя революции, он страдал от переутомления, появились признаки неврастения. В начале нэпа злоупотреблял спиртными напитками, брал взятки. 19 июня он был уже явно не в своем уме.

Уроженец Яранского уезда чекист Ефим Попов, имевший начальное образование, в Красной армии не служил, вступил в партию в августе 1919 г., когда военные действия на территории края уже завершились. Он, вероятно, был «алкоголиком со стажем», но знал революционное дело. К тому же, обладал «пролетарской психологией», что, в конечном счете, и спасло его.

Несколько особняком стоит Василий Ведерников, который, по словам ответственного секретаря укома партии Обухова, «частично участвовал в пьянке». У него было две вины: «выпивка и женитьба на представительнице буржуазного класса» и три беды: «туберкулез, хронический бронхит и хроническое воспаление почек». Последнее, по всей видимости, и не позволяло ему в полной мере участвовать в «спайке». В целом, Ведерников имеет «широкий кругозор, сам любит почистить партию, любит официальность».

В роли судьи на заседании выступил ответственный секретарь укома Иван Обухов. После событий 16—19 июня ему недолго оставалось руководить уездной парторганизацией: в уезде побывала комиссия губкома партии во главе с Н. Агалаковым, составившая весьма интересный отчет о своей деятельности. Давая политическую оценку событиям в Советске, Агалаков заявил: «Замысел врагов... в отношении разложения нашей партии удался». По его словам, «деятельность уисполкома и экономического совещания носила бессистемный, хаотический ха-

раक्टर, отсутствовал всякий план в работе», функции советских и партийных органов не разграничены. Фактически дело шло к тому, что в Советске «не будет не укома, не уисполкома, а только Иван Иванович Обухов». Происходило «хозяйственное обрастание» партработников: «совершенно незаконно давались ответственным работникам и сотрудникам коровы, костюмы, рожь... Финансовые и материальные средства расходовались легально и нелегально». Работа укома «носит какой-то семейный характер, почти совсем изъято из обращения слово товарищ, а практикуется “отец”, “дядя”, “Гришенька”, “Сергунька” и т.д.» Так Обухов называл всех ответственных работников ⁴¹.

4 августа 1923 г., обсудив сообщение Агалакова, Вятский губком постановил: Обухова снять с партийной работы и использовать на советской в г. Вятке; а Злобина и Тарабарина исключить из партии и предать суду. В отношении других участников июньских событий были вынесены достаточно суровые приговоры. Распад партийной и советской работы в Советске был настолько глубок, что исправить положение не смогла переброска туда более стойких функционеров К.А. Альдова и В.Ф. Свалова. К лету 1924 г. Советский уезд пришлось ликвидировать.

Пьянство развилось и среди чекистов. Так, в апреле 1922 г. бюро губкома партии обсуждало «пьянство среди сотрудников губернского отдела ГПУ». В октябре 1922 г. на бюро губкома партии констатировалось положение в Котельническом отделении ОГПУ: бывший ранее там уполномоченный ОГПУ Семёнов «спился и убран», а назначенный вновь Попов «пьет до бесчувствия» ⁴². Серьезным испытанием для всех партийцев и чекистов губернии было состояние здоровья председателя губернского отдела ОГПУ А.И. Ремишевского. Его пьянство приобрело «систематический характер и безобразные формы: стрельба по прохожим на улице, беспробудное пьянство в дни траура в связи со смертью Ленина, появление в невменяемом состоянии на заседании губкома» ⁴³. В 1924 г. его перевели из Вятки и сняли с руководящей работы.

В «Обзоре политико-экономического состояния СССР за ноябрь 1924 г.», составленном ОГПУ, отмечалось, что «пьянство низового советского аппарата отмечается по всем районам Союза» ⁴⁴.

Массовое злоупотребление спиртными напитками удалось преодолеть к 1925 г., используя разнообразные методы: исключение из партии, наложение партийных взысканий, переброску из одной организации в другую, роспуск целых организаций, усиление работы агитпропа и контрольных органов.

Впервые о состоянии здоровья партийных работников в губкоме партии задумались зимой 1923 г., когда укомы стали направлять в губком больных, прежде всего туберкулезом, с просьбой о помощи. Ввиду того, что в Вятке «нет никаких специальных лечебных курортов и санаториев для членов партии, кроме предоставляемых в Крыму 5 мест для самых ответственных работников, губком категорически предлагает не направлять в его распоряжение больных» ⁴⁵. Несмотря на это требование, поток больных не прекращался. 9 февраля 1923 г. губком был вынужден принять меры. Заслушав секретный доклад И.А. Тер-Даниеляна «О специфических заболеваниях членов партии», было решено

организовать комиссию при губернском отделе здравоохранения по обследованию состояния здоровья членов партии под председательством Тер-Даниэльяна, в составе терапевта, невропатолога и психиатра. Тогда же решили выборочно обследовать 25 ответственных партработников, 25 «средняков» и 25 рядовых членов городской парторганизации Вятки⁴⁶.

С февраля по апрель 1923 г. комиссия провела освидетельствование 84 партработников городской организации. Результаты показали, что большинство товарищей «больны туберкулезом легких, на втором месте — неврастения и другие виды нервных заболеваний»⁴⁷. Вывод был ясен — «партия физически нездорова и ее надо лечить».

4 мая 1923 г. Вятский губком партии, заслушав доклад заведующего губернским здравотделом Тер-Даниэльяна, постановил: «организовать специальный санаторий в пределах губернии на 40 коек, предоставив 50% мест Вятской городской организации, 50% — уездным товарищам». Санаторий планировалось открыть к 1 июня. Укомам и уездным здравотделам предлагалось «немедленно отобрать по 2 товарища, больных туберкулезом и нуждавшихся в санаторном лечении. Срок лечения — 6 недель, а лечение — за счет государства». Недалеко от Слободского, где открылся санаторий, в течение лета и осени 1923 г. около 60 чел. получили санаторное лечение и отдых.

Однако наличие санатория не изменило ситуации. В начале 1925 г. по предложению губернского комитета партии при губернском здравотделе вновь была создана специальная медкомиссия для освидетельствования партактива г. Вятки. Перед ней была поставлена задача выяснить: «чем болен партактив, какие причины вызывают эти заболевания, как восстановить их здоровье и какие профилактические меры следует принять». Комиссия в течение 35 дней проверила состояние здоровья 197 чел.: 84 работников губернских партийных органов и 113 — уездных.

Результаты оказались, по словам того же Тер-Даниэльяна, «прямо угрожающие, если не сказать больше». Продолжительность рабочего дня у 43% губернских и 32,7% уездных функционеров составляла 12 час.; 20,2% партийных руководителей г. Вятки трудились по 14 часов. Средняя продолжительность рабочего дня в Вятке — 13, в уездах — 11 часов⁴⁸.

Еще одна проблема — катастрофическая нехватка квалифицированных партийных и советских работников. Со времени революции 1917 г. в Вятской организации большевиков ощущался постоянный дефицит партийных организаторов и агитаторов. X губернская партийная конференция, проходившая в начале июля 1921 г., констатировала: губком, избранный на предыдущей конференции, «никогда не собирался в полном составе, партийной работой занимался исключительно один человек при очень и очень несовершенном аппарате губкома». Касаясь состояния партийных организаций, ответственный секретарь РКП(б) Павел Костерин отметил: «В организации развились демобилизационные настроения, которые выразились в понижении общего уровня партийной жизни, в развитии пассивности, медленном выполнении заданий, в ослаблении дисциплины... Усталость, издерганность, недостаточное питание — вот причины, порождающие усталость в партийной среде»⁴⁹.

В губернской парторганизации налицо была «крайняя бедность партийными силами»⁵⁰. Работу Яранского укома «вел исключительно один секретариат и даже в последнее время — секретарь. Отделы укома — нежизненны из-за отсутствия работников»⁵¹. Слабость партийных сил пытались компенсировать совмещением должностей. В 1921 г. рабочее время руководителя отдела укома распределялось следующим образом: «С 9 ч. утра до 12 ч. дня — в комитете партии, с 12 до 15 ч. дня — в Совете, с 15 до 19 ч. — на собраниях... 3 партийных лидера занимали 10 должностей, то есть каждый руководит 3—4 отделами уисполкома (!)»⁵²

В начале 1925 г. положение ухудшилось. В результате «... большинство товарищей совмещает от 5 до 12 ответственных должностей и серьезных общественных обязанностей, что создает невыносимые условия для работы. Получается не работа, а рвачка». 75% ответственных работников Вятки и 50,5% уездов жаловались на быструю умственную утомляемость, нервозность и раздражительность. Часты такие заявления партийцев: «... после 2—3 часов я уже устаю, ясности в голове нет», или: «малейший пустяк меня так сильно раздражает, что мне стоит больших усилий, чтобы не закричать или не обругать». Питание также оставляло желать много лучшего. На плохое питание жаловались 35,5% представителей Вятки и 42,4% — уездов.

«Огромная нагрузка, очень продолжительный рабочий день, множество совместительств, недостаточный сон, не всегда вовремя принятая пища, работа без свежего воздуха» — все это привело к тому, что фактически абсолютное большинство обследованных были больны. Наиболее характерные заболевания партработников Вятки (в скобках — уездов): неврозы — 46,4% (35,4), туберкулез — 27,4% (32,7), малокровие — 22,6% (16,8), переутомление — 6% (2,6), прочие — 20,4% (19,6). Здоровыми были признаны только 12 партийцев Вятки, то есть 14,3% и 9 (8%) — уездов⁵³.

Заботу о состоянии здоровья членов партии в годы нэпа следует связывать с утилитарным стремлением сохранить «партийный капитал» и наиболее эффективно его использовать в будущем. На подлинные причины многих заболеваний, в особенности неврозов и психозов, в то время предпочитали не обращать внимание. Далеко не случайно, еще в 1913 г. в письме к Максиму Горькому Ленин советовал ему по серьезным поводам избегать лечения у «врачей-товарищей»⁵⁴.

Таким образом, анализ состояния здоровья ответственных партийных работников Вятской губернии показал, что в годы нэпа большинство из них оказались больными. Вне всякого сомнения это отрицательно сказалось на оценке ими общественно-политической и экономической ситуации в губернии. С таким здоровьем они могли быть, в лучшем случае, исполнителями решений вышестоящих органов, причем весьма плохими. Проведенные губернским комитетом партии мероприятия вряд ли могли улучшить состояние здоровья. Тер-Даниэльян, проявивший инициативу в организации медицинского обслуживания ответственных партийных работников, позднее был направлен на работу в кремлевскую больницу, и дело по сохранению здоровья «капитала партии» в губернии на несколько лет заглохло.

Примечания

1. ЗАЛКИНД А.Б. О язвах РКП (схематическая, частичная попытка социально-биологического анализа отрицательных сторон партии). — Вопросы философии. 1991, № 7, с. 109—114.
2. ЕГО ЖЕ. Очерки культуры революционного времени. М. 1924, с. 111.
3. Так, например, в воспоминаниях А. Гульбиновича рассказывалось о серьезных проблемах со здоровьем у юного Феликса Дзержинского. ГУЛЬБИНОВИЧ А. На заре рабочего движения. В кн.: Рыцарь революции. Воспоминания современников о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. М. 1967, с. 49.
4. ИЛЬЯСОВ Ф.Н. Большевик: норма или отклонение? — Вестник Российской академии наук. 1996, т. 66, № 1, с. 46—62.
5. См. напр.: АРУТЮНОВ А. Досье Ленина без ретуши. Документы. Факты. Свидетельства. М. 1999.
6. ДЬЯЧКОВ В.Л. К вопросу о социокультурном облике российской политической элиты в 1917 г. — Революция и человек: Социально-психологический аспект. М. 1996, с. 161—162.
7. РАТЬКОВСКИЙ И.С. Здоровье «Железного Феликса». URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/zdorovie-zheleznogo-feliksa#ixzz4FURceZ6N>.
8. БЕЗГИН В.Б. Алкоголь в обыденной жизни русского села (конец XIX — начало XX в.). — Социодинамика. 2013, № 3, с. 421—453. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_549.html; ПАНИН С.Е. «Пьяная преступность» в России в 1920-е гг. — Социологический журнал. 2002, № 4, с. 92—102; ТРОШИНА Т.И. Народное пьянство на Европейском Севере России (конец XIX — начало XX века). — Новый исторический вестник. 2011, № 28(2). URL: http://www.nivestnik.ru/2011_2/07_troshina_2.shtml.
9. ПАВЛОВА Т.А. Алкоголь и русская революция. — Вопросы истории. 2000, № 7, с. 172.
10. СИНОВА И.В. Гендерный анализ девиантного поведения подростков на рубеже XIX—XX вв. — Вестник ТвГУ. Серия «История». 2013, № 3, с. 123.
11. ПРОХОРОВ Б.Б., ГОРШКОВА И.В. Кризисы общественного здоровья в России и СССР в XX в. — Мир России. 1999, № 4, с. 125.
12. Там же, с. 125.
13. РАТЬКОВСКИЙ И.С. Здоровье «Железного Феликса». URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/zdorovie-zheleznogo-feliksa#ixzz4FURceZ6N>.
14. История Российской коммунистической партии (большевиков) лекции, прочитанные Г.Е. Зиновьевым в 1923 г. URL: <http://www.agitclub.ru/center/comm/zin/zin1.htm>.
15. СТАЛИН И.В. Сочинения. Т. 10. М. 1949, с. 371.
16. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО), ф. 1, оп. 2, д. 404, л. 54об. — 55.
17. Государственный архив Кировской области (ГА КО), ф. 133, оп. 1, д. 2, л. 5, 6.
18. ГАСПИ КО, ф. 98, оп. 1, д. 16, л. 35об. — 37об.
19. Там же, д. 82, л. 14.
20. Вятская правда. 11.1.1923.
21. Вестник Вятского педагогического университета. Вып. 1. Киров. 1997, с. 10.
22. XII съезд РКП. 17—25 апреля 1923 г. Стенографический отчет. М. 1968, с. 249.
23. ШЕСТОВА Т.Ю. Становление и развитие здравоохранения на Урале в XVIII — начале XX вв. (на материалах Вятской, Пермской и Оренбургской губерний). URL: <http://cheloveknauka.com/stanovlenie-i-razvitie-zdravooxraneniya-na-urale-v-xviii-nachale-xx-vv#ixzz4wQSZnzhM>; ПОЗДНЯКОВА А.С., ВЫЧУГЖАНИНА Е.Ю. Эпидемия сыпного тифа в Вятском исправительном рабочем доме в 1918—1920 гг. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/epidemiya-sypnogo-tifa-v-vyatskom-ispravitelnom-rabochem-dome-v-1918-1920-gg>.
24. ЛЕБИНА Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920—1930 гг. СПб. 1999, с. 22.
25. Вопрос о потреблении спиртного в пореформенной России в наше время вызывает большие споры. См.: МИРОНОВ Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской

- России. XVIII — начало XX века. М. 2010, с. 366; ОСТРОВСКИЙ А. В. Процветала ли Россия накануне Первой мировой войны? СПб. 2015, с. 62—77.
26. ГАСПИ КО, ф. 9, оп. 4, д. 38, л. 82, 83.
  27. ГА КО, ф. р-1322, оп. 1а, д. 133, л. 63.
  28. Там же, ф. р-882, оп. 1, д. 166, л. 102.
  29. ГАСПИ КО, ф. 13, оп. 8, д. 8, л. 2об.
  30. ЗАЛКИНД А. Б. Работа и быт общественного актива. М.-Л. 1928, с. 26.
  31. ГАСПИ КО, ф. 10, оп. 1, д. 257, л. 3; д. 268, л. 67.
  32. Там же, ф. 13, оп. 8, д. 102, л. 214—214об.
  33. Там же, ф. 98, оп. 1, д. 82, л. 49.
  34. Там же, ф. 1, оп. 2, д. 247, л. 217.
  35. Там же, д. 239, л. 84.
  36. Там же, д. 452, л. 1об.
  37. Там же, ф. 13, оп. 4, д. 4, л. 13об. —14.
  38. Там же.
  39. Там же, л. 27об.
  40. ГАКО, ф. 128, оп. 1, д. 885, л. 4.
  41. ГАСПИ КО, ф. 1, оп. 2, д. 404, л. 76—77; ф. 13, оп. 4, д. 4, л. 33об.
  42. Там же, ф. 1, оп. 2, д. 239, л. 121.
  43. Там же, оп. 3, д. 18, л. 112.
  44. Обзор политико-экономического состояния СССР за ноябрь 1924 г. URL: <http://istmat.info/node/24618>.
  45. ГАСПИ КО, ф. 13, оп. 6, д. 1, л. 78.
  46. Там же, ф. 1, оп. 2, д. 408, л. 18об.
  47. Там же, ф. 13, оп. 6, д. 1, л. 100.
  48. Бюллетень Вятского губкома РКП (б). 1925, № 5—6, с. 22.
  49. ГАСПИ КО, ф. 1, оп. 2, д. 399, л. 42.
  50. Там же.
  51. Там же, ф. 13, оп. 4, д. 3, л. 4—4об.
  52. К VIII губернской партийной конференции: сб. отчетов, циркуляров и др. материалов, относящихся к деятельности Вятского губкома РКП и его отделов, за время с 22 марта по 1 дек. 1920 г. Вятка. 1920, с. 69.
  53. Бюллетень Вятского губкома РКП(б). 1925, № 5—6, с. 22.
  54. ЛЕНИН В. И. Полное собрание сочинений. Т. 48. М. 1967, с. 224.

Современные территориальные споры и проблемы аннексии и оккупации: историко-правовые аспекты

А.Г. Ложкин

Аннотация. В работе речь идет о таких ключевых для современных территориальных споров понятиях как «аннексия» и «оккупация». Анализируется их употребление в основных европейских языках, а также различие между публицистическим, свойственным для современных «войн памяти», и юридическим употреблением этих терминов. Подчеркивается значимость их правильного с юридической точки зрения употребления для предотвращения оправдания актов агрессии и захвата территорий.

Ключевые слова: территориальные споры, аннексия, оккупация, «войны памяти».

Abstract. The work deals with such key concepts for modern territorial disputes as “annexation” and “occupation”. The author analyzes their use in the main European languages, as well as the difference between journalistic use, which is common for modern “memory wars”, and legal use of these terms. The importance of the correct legal use of these terms to prevent the justification of acts of aggression and seizure of territories is emphasized.

Key words: territorial disputes, annexation, occupation, “memory wars”.

Количество территориальных споров в мире с течением времени не уменьшается, равно как и дискуссий о суверенитете и статусе тех или иных территорий. В связи с этим в мире сохраняется немало «замороженных» военных конфликтов, которые периодически перерастают в «горячую» фазу. Такие конфликты неизменно сопровождаются информационно-пропагандистскими войнами между их участниками. В этих войнах в качестве ругательных используются слова «оккупация» и «аннексия», зачастую без учета их значения как юридических терминов. Как отмечалось в монографии «Интервенция, аннексия и советизация во внешней политике СССР», в нынешнем веке, как и в прошедшем, «мир сталкивается с явлениями интервенций, аннексии, оккупации, навязыванием тем

Ложкин Анатолий Григорьевич — кандидат исторических наук, доцент Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета. E-mail: ag@lozhkin.pro.

Lozhkin Anatoly G. — candidate of historical sciences, associate professor at the Institute for Social and Humanitarian Education, Moscow Pedagogic State University. E-mail: ag@lozhkin.pro.

или иным странам чужих ценностей и системы управления». При этом между различными историками, политологами и юристами сохраняются разногласия, прежде всего, в использовании и объяснении терминов «оккупация» и «аннексия», которые «тесно взаимосвязаны друг с другом и наиболее политизированы. Согласие есть лишь в чисто военном определении оккупации как временного занятия неприятельской или нейтральной территории в результате военных действий».

В данной публикации будут проанализированы различия в употреблении терминов «оккупация» и «аннексия» в различных национальных традициях и в историческом контексте. Уяснение этих особенностей поможет достичь взаимопонимания между исследователями и затруднит их использование в пропагандистских целях, что позволит лучше уяснить причины и суть соответствующих территориальных споров и конфликтов.

Современное употребление терминов «аннексия» и «оккупация» не отличается однозначностью. Причина этой неоднозначности, в частности, заключается в том, что они по-разному интерпретируются в основных европейских языках и в разные исторические эпохи. Так, слово «аннексия» (*annexation*) в русском, немецком и французском языках еще с XIX в. означает противоправное, насильственное присоединение той или иной территории к другому государству против воли ее населения (или без определения воли ее населения законным, с точки зрения международного права, образом) и всегда имеет негативную коннотацию. В 1890 г. в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона данный термин определялся следующим образом: «Аннексия, аннектирование или аннексация (лат.) — присоединение, присвоение. Этим наименованием обозначается присоединение области или края к другому государству, не основанное на формальном акте отречения прежнего государя. В новейшее время выражение это употребляется преимущественно по отношению к завоеванным Пруссией в 1866 году северогерманским государствам: Ганноверу, курфюршеству Гессенскому, герцогству Нассаускому и вольному городу Франкфурту. Оно применялось также к присвоению Сардинией (от 1860—1861 г.) различных итальянских областей, из которых образовалось Итальянское королевство. Ни в первом, ни во втором случае не существовало отречения со стороны государей названных стран, но существовало согласие их населения на присоединение к ново-образуемым государствам. Еще менее может называться А. присоединение Савойи и Ниццы к Франции (в 1860 г.), так как в этом случае имело место не только заявление, хотя отчасти искусственное, со стороны населения (путем общей подачи голосов), но и формальное отречение со стороны короля и итальянского парламента»¹.

Таким образом, первоначально главным признаком аннексии, то есть противоправного присоединения территории, было отсутствие даже не народного волеизъявления, а согласия на такое присоединение со стороны властей того государства, которому эта территория принадлежала прежде. Вплоть до середины XX в. легальным способом приобретения территории признавался ее захват в ходе войны или военной интервенции без объявления войны с последующим признанием перехода этой территории под суверенитет захватчика либо в рамках завершающего войну

мирного договора, либо в виде специального договора захватчика с прежним владельцем территории о ее уступке. Современное определение аннексии гласит, что это — «насильственное и противоправное присоединение одним государством территории или части территории другого государства, а также пространства, находящегося в общем пользовании международного сообщества (Антарктида, дно Мирового океана за пределами национальной юрисдикции и др.)».

Противозаконность аннексии следует из Устава ООН, который запрещает применение силы или угрозы ее применения против территориальной неприкосновенности, целостности и политической независимости государств. Аннексия выступает частью агрессивной внешней политики государств, берущих на вооружение экстремистскую идеологию (классический пример — «аншлюс» Австрии нацистской Германией) ². Здесь главным признаком агрессии становится не отсутствие народного волеизъявления и согласия властей присоединяемой территории, а использование силы или угрозы ее применения. Не случайно в качестве примера аннексии приводится аншлюс Австрии 1938 г., когда было и согласие австрийских властей, полученное под угрозой применения силы, и плебисцит австрийского населения, проведенный уже в условиях оккупации Австрии германским вермахтом, но, тем не менее, отражавший реальное желание большинства австрийцев присоединиться к Германии.

Однако в английском языке слово *annexation*, в качестве некоторого административного акта, наоборот, может означать, особенно в Америке, присоединение территории к данному государству в полном соответствии с нормами международного и внутреннего права. В США, например, образцовым прецедентом такого присоединения до сих пор остается аннексия Техаса в середине XIX века (*Texas annexation*), включавшая в себя проведение плебисцита и принятие соответствующих решений американскими и техасскими властями ³. Как административный акт, аннексия определяется группой британских авторов следующим образом: «Аннексия отличается от цессии. Это не тот случай, когда государство стремится отказаться от территории. Аннексия происходит, когда приобретающее территорию государство утверждает, что в настоящее время оно владеет этой территорией. Аннексия, как правило, происходит после военной оккупации территории, когда оккупирующая держава решает укрепить свой физический контроль путем утверждения правового титула. Аннексия территории по существу является административным действием, ассоциирующимся с завоеванием. Одного завоевания недостаточно, и государство-победитель должно заявить о своем суверенитете над соответствующей территорией. Например, поражение Германии и Японии в 1945 году привело к их оккупации союзниками в течение ряда лет, но сами государства не были поглощены союзными державами в качестве части их соответствующих территорий. Примеры аннексии в современной практике не распространены и по большей части рассматриваются как незаконные» ⁴.

Германский автор Р. Хофман дает следующее определение аннексии: «Аннексия означает насильственное приобретение территории одного государства за счет другого государства. Это один из основных способов приобретения территории... в отличие от приобретения а) *terra nullius* посредством эффективной оккупации, сопровождаемой намерением при-

своить территорию; б) уступкой в результате договора, заключенного между заинтересованными государствами (договоров), или акта судебного разбирательства, за которыми следует эффективная мирная передача территории; с) посредством предписания, определяемого как легитимизация сомнительного правового титула на территорию с течением времени и предполагаемого молчаливого согласия бывшего суверена; d) путем аккреции (прирастания), представляющей собой физический процесс, посредством которого новая земля образуется вблизи существующей земли, или присоединяется к ней. Согласно нынешнему международному праву аннексия более не является юридически допустимым способом приобретения территории, поскольку она нарушает запрещение угрозы силой или ее применения. Поэтому аннексии не должны признаваться законными»⁵. Здесь также незаконность аннексии выводится из того, что необходимым признаком аннексии считается использование силы или угрозы ее применения. Можно констатировать, что после второй мировой войны значение слова «аннексия» в английском языке приблизилось к тому, которое это слово имеет в континентальной Европе, и приобрело негативную коннотацию, хотя и другой его смысл (Annexation of Texas) тоже сохраняется, но теперь имеет скорее историческое значение.

Некоторая неоднозначность в определении слова «аннексия» в английском языке, которое может относиться как к законному, так и к незаконному присоединению территории, ведет и к неоднозначному употреблению термина «оккупация», начало которому было положено англоязычными авторами. Согласно русским, французским и немецким авторам, этот термин определяет временное занятие территории в ходе военных действий. Например, еще в начале XX в. в том же Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона оккупация определялась как «временное занятие войсками неприятельской территории; кроме военного времени происходит иногда и с целью угрозы (репрессалия), чтобы принудить другое государство к требуемому действию, или по окончании войны для обеспечения выполнения условий мирного договора, например, выплаты контрибуции. По исполнении договора оккупируемая территория должна быть очищена от неприятельских военных сил»⁶.

От этого определения практически не отличается современная трактовка оккупации в «Толковом словаре Ожегова»: «Оккупация — ... 1. Временное отторжение, захват чужой территории военной силой. 2. Период такого захвата и пребывания гражданского населения на захваченной территории (разг.)...»⁷ В современном словаре «Война и мир в терминах и определениях» военная оккупация определяется как «временное занятие вооруженными силами одного государства территории другого государства с принятием на себя функций управления». При этом делается оговорка, что «военная оккупация допускается только в соответствии с конкретным и обязывающим решением Совета Безопасности ООН. В противном случае она становится одной из форм агрессии»⁸.

Таким образом, в трудах российских авторов термин «оккупация» понимается, прежде всего, как военная оккупация какой-либо территории, ее временное занятие в ходе военных действий, которое само по себе не создает оснований для присоединения данной территории к оккупирующему государству. Оккупация же территории без санкции Со-

вета Безопасности ООН рассматривается как форма агрессии. При этом допускается продолжение оккупации после войны для обеспечения выполнения условий мирного договора, а также оккупация без войны для принуждения государства, чья территория оккупирована, к выполнению определенных требований. В последнем случае определение оккупации становится близким к понятиям «мирная оккупация» и «оккупация без военных действий».

Необходимо подчеркнуть, что в публицистике термин «оккупация» используется для осуждения любых действий, связанных с изменением статуса той или иной территории, порой независимо от того, насколько законно оно произошло.

Эстонский юрист Л. Мяликсоо вслед за американским автором М. Дж. Келли определяет оккупацию без военных действий, в противоположность мирной оккупации, как ситуацию, когда «хотя не существовало состояния войны, тем не менее, отсутствовало и согласие» (со стороны государства, подвергшегося оккупации). При мирной же оккупации подразумевается согласие государства на оккупацию⁹. Мяликсоо полагает, что «концепция государственного континуитета в случаях незаконной аннексии свидетельствует о возрастающем нежелании международного сообщества согласиться с принципом полного соответствия действительности и, тем самым, символизирует дальнейший прогресс международного права»¹⁰. Поэтому факт применения силы или угрозы ее применения сам по себе, по нормам современного международного права, делает незаконным присоединение территории, осуществленное таким образом.

Британский автор Питер Стирк так пишет о военной оккупации: «Значение временного характера военной оккупации состоит в том, что она не влечет за собой никаких изменений в лояльности населения. Военное управление остается иностранным управлением, будь то на короткий или длительный срок, хотя длительная оккупация может побудить оккупирующую державу изменить военную оккупацию на что-то другое, а именно аннексию»¹¹. Практически такая длительная оккупация приближается по своему значению к аннексии, и в английском языке часто слово *occupation* употребляется в значении *annexation*, особенно в тех случаях, когда фактически состоявшаяся аннексия данной территории не признается большинством стран мира. Тем более, все юристы согласны, что любой аннексии предшествует военная оккупация данной территории. Такое словоупотребление устраняет неоднозначность термина «аннексия». Как отмечают авторы «Военного доклада 2014 года», к числу военных оккупаций, которые фактически превратились в непризнанные аннексии, часто относят оккупацию Англией Фолклендских (Мальвинских) островов, суверенитет над которыми оспаривает Аргентина, оккупацию Тибета Китаем, оккупацию Гавайских островов США¹². Американский автор Ш. Вейл утверждает: «Хотя основная философия, лежащая в основе права военной оккупации, заключается в том, что это временная ситуация, современные оккупации хорошо продемонстрировали нам, что *rien ne dure comme le provisoire* (ничто не длится так, как временное. — фр.)».

Значительное число оккупаций, случившихся после 1945 г., продолжались более двух десятилетий. К их числу можно отнести оккупацию

Намибии Южной Африкой и Восточного Тимора Индонезией, а также продолжающуюся оккупацию Северного Кипра Турцией и Западной Сахары Марокко. Израильская оккупация палестинских территорий, которая является самой продолжительной, уже вступила в свое пятое десятилетие 13. Такого рода оккупацию, превратившуюся в аннексию, стали называть «преобразующей оккупацией» (*Transformative Military Occupation*)¹⁴. Следует отметить, что в материалах и в приговоре Нюрнбергского процесса 1945—1946 гг. над главными нацистскими военными преступниками термин «оккупация» употребляется по отношению к странам, которые были оккупированы нацистской Германией без войны и ведения боевых действий (Австрия, Чехословакия, Дания) и формально аннексированы ею. Причем одна такая аннексия — аншлюс Австрии — признавалась одним из будущих членов Антигитлеровской коалиции — США до их вступления во вторую мировую войну 15. А в одном из судебных решений, принятых в Америке уже после второй мировой войны, в 1949 г., говорилось, что германские вторжения в Австрию и Чехословакию «были равноценны “объявлению войны” и могут рассматриваться как таковые, что позволяет говорить о военной оккупации этих стран и, соответственно, накладывает определенные обязательства на оккупирующее государство» 16.

Таким образом, можно констатировать, что термин «аннексия» в настоящее время значительно сблизился по своему значению с термином «оккупация», но в ряде случаев между ними сохраняются различия. Когда речь идет о «военной оккупации», то есть о временном занятии территории в ходе войны или иного вооруженного конфликта, «аннексия» принципиально отличается от нее тем, что предполагает намерение постоянного обладания территорией. В то же время, сама по себе военная оккупация не признается противоправной даже в том случае, если она продлевается и на период после окончания боевых действий, когда, например, соответствующие державы капитулировали (Германия и Япония во второй мировой войне). Аннексия же в современном международном праве признается, безусловно, противозаконной вследствие использования для ее осуществления силы или угрозы применения силы, и это слово имеет устойчивую негативную коннотацию. Однако такие понятия как «мирная оккупация» и «преобразующая оккупация» практически совпадают с понятием «аннексия», так как предполагают осуществленное против норм международного права присоединение оккупированной территории к оккупирующему государству или создание на оккупированной территории псевдогосударственного образования, подконтрольного оккупирующему государству. В то же время в ряде работ, особенно исторических и публицистических, слово «оккупация» употребляется как в значении «военная оккупация», так и в значении «мирная оккупация» или «преобразующая оккупация». Однако в этом случае, как правило, удается по контексту определить, в каком именно значении употребляется слово «оккупация».

В целом можно констатировать, что в последние десятилетия излишняя политизация терминов «аннексия» и «оккупация» привела к появлению ряда сопутствующих терминов, таких как «мирная оккупация», «преобразующая оккупация», «интеграция», «инкорпорация» и др., ко-

торые нередко помогают оправдать акты агрессии и захват территорий и широко используются в современных «войнах памяти», которые разворачиваются по всему миру, для оправдания позиций «своей» страны и «своего» правительства. Между тем, переход к строго юридическому употреблению указанных терминов, без пропагандистских коннотаций, поможет погасить страсти и четче уяснить позиции сторон в конкретных территориальных спорах и спорах о суверенитете и статусе тех или иных территорий.

Примечания

1. Аннексия. В кн.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. Т. 1а. СПб. 1890, <https://ru.wikisource.org/wiki/Аннексия>.
2. Аннексия. В кн.: Политология. Словарь. М. 2010, <https://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/11/Аннексия>.
3. См.: Texas From Independence to Annexation 1836—1846. In: Avalon Project at Yale Law School. Lillian Goldman Law Library, 2008, http://avalon.law.yale.edu/subject_menus/texmenu.asp.
4. ROTHWELL D., KAYE S., AKHTARKHAVARI A., DAVIS R. International Law: Cases and Materials with Australian Perspectives. Cambridge University Press. 2014, p. 360. Здесь стоит добавить, что часть территорий Германии и Японии все же присоединили государства победители: СССР — Кёнигсберг с частью Восточной Пруссии, а также Южный Сахалин и Курильские острова; США — Каролинские и Марианские острова, Польша — Силезию, Западную и большую часть Восточной Пруссии и Померании и т. д. Эти присоединения ныне считаются законными с точки зрения международного права.
5. HOFMANN R. “Annexation”. Annexation. Max Planck Encyclopedia of Public International Law. Oxford University Press. 2013, p. i.
6. Оккупация. В кн.: Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 4 т. Т. 2. СПб. 1907—1909, вып. 3 (1909), <https://ru.wikisource.org/wiki/МЭСБЕ/Оккупация>.
7. Толковый словарь русского языка Ожегова, он-лайн версия, <http://www.ozhegov.org/words/20261.shtml>.
8. Военная оккупация. В кн.: Война и мир в терминах и определениях. Военно-политический словарь. М. 2011, <http://www.voina-i-mir.ru/chapter/1>.
9. МЯЛКСОО Л. Советская аннексия и государственный континуитет: международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940—1991 гг. и после 1991 г. Исследование конфликта между нормативностью и силой в международном праве. Тартуский университет. 2005, с. 204.
10. Там же, с. 364.
11. STIRK P. The Politics of Military Occupation. Edinburgh University Press. 2009, p. 44.
12. The War Report: Armed Conflict in 2014. Geneva Academy of International Humanitarian Law and Human Rights. 2015, p. 24.
13. WEILL S. The Role of National Courts in Applying International Humanitarian Law. Oxford University Press. 2014, p. 22.
14. ROBERTS A. Transformative Military Occupation: Applying the Laws of War and Human Rights. — The American Journal of International Law. 2006, vol. 100, p. 580—622.
15. Так, в тексте приговора Международного военного трибунала неоднократно упоминается «оккупация Австрии», «оккупация остальной части Чехословакии», «оккупация Судетской области», «оккупация Дании». См.: Приговор Международного военного трибунала. В кн.: Нюрнбергский процесс. Сб. материалов в 8 томах. Т. 8. М. 1999, с. 561—721.
16. МЯЛКСОО Л. Ук. соч., с. 208.

Мартин Лютер Кинг и борьба за права человека

О.Ю. Гарькавченко, Е.Е. Гришнова, Е.В. Майстрович, Р.М. Мырзалимов

Аннотация. Публикация посвящена личности Мартина Лютера Кинга, его жизни и деятельности. Авторами рассматривается период борьбы за гражданские права чернокожего населения США. Основное внимание уделяется идеям Мартина Лютера Кинга, в основном выраженным в его записанных выступлениях, и его движению за гражданские права в целом.

Ключевые слова: Мартин Лютер Кинг, гражданские права, гражданские права в США, движение за гражданские права, права афроамериканцев.

Abstract. The publication is devoted to the personality of Martin Luther King, his life and work. The authors consider the period of the struggle for the civil rights of the black population of the United States. The focus of the article is on the ideas of Martin Luther King, mainly expressed in his recorded speeches, and his civil rights movement as a whole.

Key words: Martin Luther King, civil rights, civil rights in the USA, civil rights movement, rights of African Americans.

Мартин Лютер Кинг-младший родился 15 января 1929 г. и был средним ребенком в семье Майкла Кинга-старшего и Альберты Уильямс Кинг. Выросший в Атланте, штат Джорджия, Мартин в 5 лет поступил в государственную школу. Он учился в средней школе им. Букера Т. Ва-

---

Гарькавченко Олег Юрьевич — кандидат юридических наук, доцент МИИГУ им. П.А. Столыпина. E-mail: garkavchenko@miigu.ru; *Гришнова Елена Евгеньевна* — доктор политических наук, доцент, профессор МГТУ им. Н.Э. Баумана. E-mail: grishnovaiip@yandex.ru; *Майстрович Елена Витальевна* — старший преподаватель МИИГУ им. П.А. Столыпина, научный сотрудник НОЦ «Правовые исследования» ФГАОУ ВО «Российского университета дружбы народов». E-mail: elena.maystrovich@yandex.ru; *Мырзалимов Руслан Муратбекович* — доктор юридических наук, профессор Кыргызского национального университета им. Жусупа Баласагына. E-mail: ruslanmm@yahoo.com.

Garkavchenko Oleg Yu. — PhD (Law), associate professor of the International Institute of Informatization and Public Administration named after P.A. Stolypin. E-mail: garkavchenko@miigu.ru; *Grishnova Elena Ye.* — doctor of political sciences, associate professor, professor of the Moscow State Technical University named after N.E. Bauman (BMSTU). E-mail: grishnovaiip@yandex.ru; *Maystrovich Elena V.* — senior lecturer of the International Institute of Informatization and Public Administration named after P.A. Stolypin, researcher of the Legal Studies Center of the PFUR University. E-mail: elena.maystrovich@yandex.ru; *Mirzalimov Ruslan M.* — doctor of Law, professor of the Kyrgyz National University named after Zhusup Balasagyn. E-mail: ruslanmm@yahoo.com.

шингтона, а в 1944 г., пропустив девятый и одиннадцатый классы, поступил в колледж Морхаус в Атланте в возрасте 15 лет. В 1948 г. Мартин Лютер получил степень по социологии и начал посещать либеральную теологическую семинарию Крозера в Честере, штат Пенсильвания. Его научная деятельность была успешной, позднее он был избран президентом студенческого совета и получил стипендию для обучения в аспирантуре. Во время своего последнего года в семинарии влияние на духовное развитие Мартина Лютера Кинга оказал Бенджамин Э. Мэйсон, который был активным сторонником расового равенства и призывал рассматривать христианство как потенциальную базу для социальных перемен.

Получив степень в нескольких колледжах, включая Йельский и Эдинбургский в Шотландии, Кинг поступил в Бостонский университет. Во время работы над докторской диссертацией он познакомился с Кореттой Скотт — начинающей певицей и музыкантом. Они поженились в июне 1953 года. У них родилось четверо детей: Иоланда, Мартин Лютер Кинг III, Декстер Скотт и Бернис. В 1954 г., все еще работая над диссертацией, Кинг стал пастором баптистской церкви Декстер-Авеню в Монтгомери, штат Алабама ¹. Он закончил докторскую диссертацию и получил ученую степень в 1955 г., на тот момент ему было всего 25 лет.

Важным событием в жизни Мартина Лютера Кинга в начале его правозащитной деятельности стал бойкот автобусных линий в Монтгомери, штат Алабама, или «Ходьба во имя свободы» — мирная акция протеста чернокожего населения против дискриминации. Согласно действовавшему в 1955 г. закону города, чернокожее население не имело права занимать первые четыре места в автобусах, предназначавшиеся для белых, а также должны были уступать им свои места, если автобусы были переполнены, в противном случае их ожидал штраф. На практике ситуация была еще более жестокой: многие чернокожие подвергались постоянным оскорблениям со стороны водителей, арестам за отказ уступить место, иногда водители заставляли их после оплаты проезда выйти из автобуса и войти еще раз с задней площадки, но уезжали еще до того, как они успевали дойти до дверей.

1 декабря 1955 г. 42-летняя Роза Паркс села на автобус на Кливленд-авеню и отправилась домой после утомительного рабочего дня. Она сидела в первом ряду «цветной» секции в середине автобуса. Постепенно все места в белой секции заполнились, затем еще несколько белых пассажиров вошли в автобус. Водитель потребовал уступить места вошедшим белым мужчинам. Паркс и несколько других афроамериканцев должны были встать со своих мест. Трое пассажиров так и сделали, но Паркс осталась сидеть. Водитель снова попросил ее уступить место, но она отказалась ². В результате Паркс арестовали за нарушение Кодекса города Монтгомери. На суде неделю спустя, после 30-минутного слушания она была признана виновной и оштрафована. В ночь ареста Розы Паркс Эдгар Даниэль Никсон, возглавлявший движение за гражданские права чернокожих в штате Алабама, встретился с Мартином Лютером Кингом и другими местными активистами правозащитной деятельности, чтобы спланировать бойкот автобусов в Монтгомери. Кинга избрали руководителем мероприятия, потому что он был молодым, хорошо

образованным, имел крепкую семью и профессиональный статус, но, кроме того, он был новичком в данной деятельности и не имел большого числа врагов. Всем казалось, что он будет иметь большой авторитет в обществе.

В своем первом выступлении на посту лидера протестного движения Кинг заявил: «У нас нет другого выбора, кроме как протестовать. В течение многих лет мы проявляли удивительное терпение. Мы иногда дарили нашим белым братьям чувство, что нам нравится то, как с нами обращаются»³. Умелая риторика Мартина Лютера Кинга придала новую энергию борьбе за гражданские права в Алабаме. Бойкот автобуса длился 382 дня, в это время чернокожее население добиралось до работы пешком, либо с помощью чернокожих водителей на их автомобилях. Транспортные компании города понесли значительные убытки, так как 70% пассажиров составляли именно афроамериканцы. Лидеры движения Никсон и Кинг критиковались в СМИ и неоднократно подвергались нападениям. В январе 1956 г. в дом Кинга была брошена бомба. После подачи активистами иска в федеральный окружной суд было принято решение о незаконности сегрегации в автобусах. Верховный суд США согласился с решением окружного суда, и 20 декабря 1956 г. закон, предусматривавший наличие сегрегированного общественного транспорта, был отменен.

В январе 1957 г. Мартин Лютер Кинг-младший, Ральф Абернати и 60 служителей и борцов за гражданские права основали Конференцию южного христианского руководства или Конференцию христианских лидеров, чтобы использовать моральный авторитет и организующую власть церквей для чернокожих прихожан. Конференция была необходима для проведения ненасильственных акций протеста в поддержку реформы гражданских прав. В феврале 1958 г. Южная христианская конференция руководства спонсировала более 20 массовых собраний в ключевых южных городах. Кинг встречался с лидерами религиозных и гражданских организаций и читал лекции по всей стране по вопросам расы⁴.

В 1959 г. Мартин Лютер Кинг посетил Индию, а именно — место рождения Ганди, так как интересовался его деятельностью. Эта поездка усилила его приверженность борьбе за гражданские права. Афроамериканский борец за гражданские права Баярд Растин, который изучал учение Ганди, стал одним из соратников Кинга и посоветовал ему посвятить себя принципам ненасилия. Растин оставался наставником и советником Кинга на протяжении всей своей ранней деятельности. В этот период Кинг стал активно развивать идею ненасильственной борьбы и ненасильственных протестов.

В феврале 1960 г. группа афроамериканских студентов начала так называемое сидячее движение в Гринсборо, штат Северная Каролина. Студенты располагались в обеденных зонах за столами, предназначенными для белых, в городских магазинах, а когда их просили уйти или пересечь в «цветную» часть, они оставались на своих местах, подвергаясь словесному, а иногда и физическому давлению. Движение быстро набрало обороты в нескольких других городах. В апреле 1960 г. Конференция провела лекции в штате Северная Каролина, встречи с местными

ми лидерами. Мартин Лютер Кинг призвал студентов продолжать использовать ненасильственные методы во время своих протестов. После этой встречи был создан Координационный комитет по вопросам ненасильственного студенчества, который некоторое время работал в тесном контакте с Конференцией христианских лидеров ⁵. К августу 1960 г. забастовщики добились желаемой цели, и сегрегация в обеденной зоне магазинов в 27 южных городах была отменена.

К 1960 г. Мартин Лютер Кинг-младший приобрел общенациональную известность. Он вернулся в Атланту, чтобы стать сопастором своего отца в баптистской церкви Эбenezер, продолжив правозащитную деятельность. 19 октября 1960 г. он и 75 студентов вошли в местный универмаг. После того, как их отказались обслуживать, они заявили, что не покинут магазин. Кинг и еще 36 человек были арестованы. Понимая, что инцидент повредит репутации города, мэр Атланты заключил перемирие, и обвинения были в конечном итоге сняты. Но вскоре после этого Мартин Лютер попал в тюрьму за нарушение правил дорожного движения, однако после вмешательства президента Кеннеди был освобожден.

Весной 1963 г. Мартин Лютер Кинг-младший организовал демонстрацию в центре Бирмингема, штат Алабама, на которой присутствовали целые семьи. Городская полиция спустила собак на демонстрантов, а также облила их из водометов. Мартин Лютер был заключен в тюрьму вместе с большим количеством сторонников, и это событие привлекло внимание всей страны. Кинг подвергся критике со стороны черного и белого духовенства за то, что рисковал безопасностью детей, присутствовавших на демонстрации. В своем знаменитом письме из Бирмингемской тюрьмы Мартин Лютер красноречиво изложил свою теорию ненасилия: «Ненасильственная прямая акция стремится к созданию такого кризиса и к установлению такой созидательной напряженности, которая заставила бы общество, постоянно отказывавшееся от переговоров, встать лицом к лицу с проблемой. Она стремится так драматизировать проблему, чтобы ее больше нельзя было игнорировать» ⁶.

К концу кампании в Бирмингеме Мартин Лютер Кинг-младший и его сторонники планировали провести массовую демонстрацию в столице страны, чтобы мирным путем потребовать перемен. 28 августа 1963 г. исторический марш на Вашингтоне привлек 200 тыс. человек. Именно здесь Кинг произнес свою знаменитую речь «У меня есть мечта», подчеркивая свою веру в то, что когда-нибудь все люди станут равными: «У меня есть мечта, что мои четверо детей однажды будут жить в стране, где их будут судить не по цвету их кожи, а по содержанию их характера».

Растущая волна агитации за гражданские права оказала сильное влияние на общественное мнение. Многие люди в городах, не испытывавших расовой напряженности, начали подвергать сомнению справедливость национальных законов и отношение к афроамериканским гражданам. Это привело к принятию Закона о гражданских правах 1964 г., разрешившего федеральному правительству обеспечивать десегрегацию общественных помещений и запретившего дискриминацию в государственных учреждениях ⁷.

7 марта 1965 г. марш за гражданские права, который должен был пройти от Сельмы до Монтгомери, столицы Алабамы, был жестоко подавлен с помощью полиции, которая встретила демонстрантов слезоточивым газом и полицейскими дубинками. Кинга не было непосредственно на марше, однако нападение транслировалось по телевидению, показывая серьезно раненых демонстрантов. Семнадцать протестующих были госпитализированы, а день проведения марша назвали «Кровавое воскресенье». Второй марш был запрещен. Кинг позаботился о том, чтобы состоялся третий марш, и сам принял в нем участие. Чтобы не нарушать запрет, Кинг решил провести демонстрацию особым образом. 9 марта 1965 г. процессия из 2500 демонстрантов вновь отправилась через мост Петтус, чтобы встретиться с баррикадами и полицией. Вместо того, чтобы вызвать конфронтацию, Кинг заставил своих последователей встать на колени в молитве, а затем они повернули назад. Губернатор Алабамы Джордж Уоллес продолжал попытки предотвратить новый марш, однако президент Линдон Б. Джонсон пообещал свою поддержку и приказал армии США и Национальной гвардии Алабамы защитить протестующих. 21 марта около 2000 чел. вышли из Сельмы в направлении Монтгомери, к 25 марта число демонстрантов выросло примерно до 25 тыс. чел., все они собрались перед столицей штата, где доктор Кинг выступил с речью. Спустя пять месяцев после исторического мирного протеста президент Джонсон подписал Закон о праве голоса ⁸.

С конца 1965 по 1967 г. Мартин Лютер Кинг-младший вел работу по защите гражданских прав в крупных американских городах, включая Чикаго и Лос-Анджелес. Терпеливый, ненасильственный подход Кинга и обращение к белым гражданам среднего класса оттолкнули многих чернокожих, настроенных более радикально, считавших его методы слишком слабыми и неэффективными ⁹. В это время Кинг начал говорить о связи между дискриминацией и бедностью, а также выступать против войны во Вьетнаме. Он чувствовал, что присутствие США в этом регионе было политически несостоятельным, а поведение правительства в войне дискриминационным по отношению к бедным. Он стремился расширить свою деятельность, создав многонациональную коалицию для решения экономических проблем и проблем безработицы среди всех обездоленных людей. Движение за свободу 1950-х и начала 1960-х гг. противостояло бедности и экономическим репрессиям, Кинг отстаивал права профсоюзов, равные возможности трудоустройства, общегородскую интеграцию и полную занятость. Когда политика администрации Джонсона в области гражданских прав и борьбы с бедностью не достигла желаемых целей, Кинг потребовал, чтобы федеральное правительство гарантировало рабочие места и стабильный доход для бедных людей. Кинг призвал нацию отказаться от империализма и стать глобальной силой для установления многорасовой демократии и экономической справедливости.

К 1968 г. Мартин Лютер Кинг разочаровался в медленном продвижении обеспечения гражданских прав в Америке и устал от усиливавшейся критики со стороны других афроамериканских лидеров. Весной 1968 г. забастовка рабочих в Мемфисе привлекла Кинга к участию в его последнем марше. 3 апреля он произнес свою заключительную речь. На

следующий день, когда он стоял на балконе возле своей комнаты в мотеле, его убила пуля снайпера. Убийство вызвало беспорядки и демонстрации в более чем 100 городах по всей стране ¹⁰.

Мартин Лютер Кинг не планировал действовать за пределами США и как-либо влиять на международное право, однако он нередко говорил о связи между движением за гражданские права и глобальной борьбой за колониальную независимость. Например, в своей Нобелевской лекции он подчеркнул: «В каком-то смысле движение за гражданские права в Соединенных Штатах — это особый американский феномен, который необходимо понимать в свете американской истории и рассматривать с точки зрения американской ситуации. Но на другом и более важном уровне то, что происходит в Соединенных Штатах сегодня, является относительно небольшой частью мирового развития. То, что мы видим сейчас, это взрыв свободы... Во всем мире, как лихорадка, движение за свободу распространяется в самом широком освобождении в истории. Огромные массы людей полны решимости положить конец эксплуатации своих рас и земель» ¹¹. Хотя Кинг не предпринимал открытых шагов по содействию расовому равенству через международное право, он был источником вдохновения для тех, кто это делал. Большое влияние деятельность Мартина Лютера Кинга оказала на делегатов ООН, занимавшихся вопросами ликвидации расовой дискриминации. Непосредственным результатом работы вдохновленных Кингом делегатов стала Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, принятая в 1965 году ¹². Она стала одним из важнейших шагов в истории борьбы за равные права.

Жизнь Мартина Лютера Кинга оказала огромное влияние на расовые взаимоотношения в Соединенных Штатах. Спустя годы после его смерти он остается наиболее известным афроамериканским лидером своей эпохи. Его жизнь и работа были отмечены национальным праздником, школами и общественными зданиями, названными в его честь. Мартин Лютер Кинг хорошо понимал важную связь между гражданскими правами, правами человека и борьбой с расовой несправедливостью. Сегодняшнее поколение активистов и лидеров будет следовать его подходу.

Примечания

1. Martin Luther King Jr. Biography. 2019. The Biography.com website. URL: <https://www.biography.com/people/martin-luther-king-jr-9365086>.
2. Там же.
3. Там же.
4. КИНГ М.Л. Паломничество к ненасилию. В кн.: М.Л. Кинг. Научно-публицистические чтения. 1991, М. 1992.
5. МИЛЛЕР У.Р. Мартин Лютер Кинг. Жизнь, страдания и величие. М. 2004.
6. Письмо Мартина Лютера Кинга из Бирмингемской тюрьмы. — Дилетант. 2009. URL: <https://diletant.media/articles/35871820>.
7. РОМАНОВА В.А. Принципы толерантности и ненасилие в современном мире. В кн.: Современные проблемы управления природными ресурсами и развитием социально-экономических систем. Материалы XII международной научной конференции: в 4-х частях. 2016, с. 323—330.

8. JACKSON T. *From Civil Rights to Human Rights. Martin Luther King, Jr., and the Struggle for Economic Justice*. University Pennsylvania Press. 2009.
9. ЯВНОВА И.И., КАЗБЕКОВА А.Э. Мартин Лютер Кинг и борьба за гражданские права. — Академия педагогических идей Новация. 2018, № 10, с. 62—65.
10. ТАЛАТАЙ А.И. Источники теологии Мартина Лютера Кинга. В кн.: *Христианские ценности в культуре современной молодежи. Материалы VI Международной студенческой научной конференции*. 2017, с. 150—155.
11. KING M. L. Nobel Lecture. The Nobel Peace Prize. 1964/ URR: <https://www.nobelprize.org/peace/1964/king/lecture>.
12. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (Принята резолюцией 2106 (XX) Генеральной Ассамблеи от 21 декабря 1965 года). В кн.: 2019. Конвенции и соглашения. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/racesconv.shtml.

Социально-экономическое регулирование пространства детской повседневности в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской области)

Е. Е. Красноженова, С. В. Кулик

Аннотация. Военные условия способствовали усугублению ситуации в социальной сфере, что требовало решения повседневных-бытовых проблем всего общества, в том числе и охраны детства. Условия жизни детей в военный период были крайне тяжелыми и зависели от мер социально-экономического регулирования со стороны государства. Особенно острое звучание проблемы детства приобрели в Сталинграде после окончания боевых действий на территории города и области. В публикации рассмотрены особенности повседневной жизни детей в 1941—1945 гг., представлена государственная политика в области социальной помощи детям, показаны особенности ее реализации в Сталинграде.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Сталинград, дети, государственная политика, охрана детства, социальная помощь, материально-бытовые проблемы.

Abstract. The military conditions contributed to the aggravation of the situation in the social sphere, which required solving everyday problems of the whole society, including the protection of children. The living conditions of children during the war period were extremely difficult and depended on the measures of socio-economic regulation by the state. The problems of childhood were particularly acute in Stalingrad after the end of hostilities in the city and region. The publication describes the features of the daily life of children in 1941—1945, presents the state policy in the field of social assistance to children, and shows the features of its implementation in Stalingrad.

Key words: Great Patriotic War, Stalingrad, children, public policy, child care, social help, material and domestic problems.

В период Великой Отечественной войны проблемы социальной сферы занимали небольшое место в комплексе решений, принятых властными органами в центре и на местах. В то же время военные условия способствовали усугублению ситуации в этой сфере, что требовало организации соответствующих мероприятий, в том числе и по охране детства.

Первые исторические работы, исследующие проблемы военного детства, появились уже в годы Великой Отечественной войны. Это были небольшие публикации, очерки, воспоминания, повествующие о вкладе подростков в борьбу с немецко-фашистскими оккупантами, о тяжелом положении детей в чрезвычайных военных условиях ¹. Значительное место среди исторических работ занимают опубликованные детские воспоминания о событиях войны ². Государственная политика по охране детства, реализуемая в военный период, долгое время рассматривалась с позиций официальной партийной идеологии, и потому ее исследование не могло иметь объективный характер ³.

На современном этапе внимание исследователей занимают вопросы использования труда детей и подростков на принудительных работах в Германии ⁴, жизни детей в условиях оккупации ⁵, отдельные стороны социальной политики в отношении детства, реализуемой в различных регионах РСФСР ⁶.

В период Великой Отечественной войны в стране отмечалось обострение демографической ситуации. Существенно сократилась численность населения. Значительные производственные нагрузки, повседневно-бытовые и материальные трудности приводили к снижению рождаемости, стали причиной ухудшения здоровья женщин и детей, роста детской смертности.

В военный период большинство женщин было занято на производстве. Поэтому необходимо было расширить сеть детских яслей и садов, обеспечить их продовольствием и предметами первой необходимости, выделить для них помещения, обеспечить специалистами. Этим проблемам уделялось значительное внимание со стороны государства.

В Сталинград война ворвалась 23 августа 1942 г., когда 4-я немецкая воздушная армия нанесла бомбовые удары по городу. Острое звучание проблемы детства приобрели в Сталинграде после окончания боевых действий. Потребовалось организовать снабжение детей продовольствием и предметами повседневного спроса, наладить медицинское и бытовое обслуживание. Большое значение придавалось организации работы детских домов в области, мероприятиям по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью.

В начале Великой Отечественной войны Сталинградская область стала крупным эвакуационным центром, приняв значительное количе-

---

Красноженова Елена Евгеньевна — доктор исторических наук, профессор Высшей школы общественных наук Гуманитарного института Санкт-Петербургского Политехнического университета Петра Великого. E-mail: eleena@inbox.ru; *Кулик Сергей Владимирович* — доктор исторических наук, профессор Высшей школы общественных наук Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого; профессор Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: kulik54@mail.ru.

Krasnozhnova Elena E. — doctor of historical sciences, professor of the High School of Social Sciences, Humanitarian Institute of Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University. E-mail: eleena@inbox.ru; *Kulik Sergey V.* — doctor of historical sciences, professor of the High School of Social Sciences, Humanitarian Institute of Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University; professor of the St. Petersburg State University. E-mail: kulik54@mail.ru.

ство населения, в том числе и детей. На территории области уже в 1941 г. размещалось свыше 70 детских домов ⁷. Они постоянно ощущали нехватку продовольствия, инвентаря, мебели, одежды и обуви. Например, мебелью Сталинградские детские дома были оснащены лишь наполовину, недоставало молочных продуктов и овощей ⁸.

Местными органами власти Сталинграда и области принимались решения о размещении эвакуированных детских домов, а также детей, прибывших с родителями. Большое внимание при этом уделялось устройству детей военнослужащих. Дети, эвакуированные в районы Сталинградской области, обеспечивались местами в дошкольных учреждениях, они прикреплялись к обслуживанию в столовых, магазинах и молочных кухнях.

В военное время в стране увеличилось количество детских дошкольных учреждений. Так, в 1941 г. в СССР работало 14 900 детских садов. К концу 1942 г. их число возросло до 18 200. Численность обслуживаемых ими детей повысилась с 802 000 до 1 226 000 человек. В сельских районах региона было отмечено увеличение количества мест в яслях сезонного типа на 132,7% ⁹.

Рост сети детских учреждений в Сталинградской области в период Великой Отечественной войны осуществлялся путем организации работы новых детских яслей и садов, колхозных детских площадок и оздоровительных стационаров. Отмечалось увеличение числа детей, посещавших детские сады.

Рост числа детских учреждений в регионе обеспечивался, в том числе, за счет их открытия профсоюзными организациями, МТС и колхозами. Оборудованием помещений, обеспечением топливом, инвентарем, питанием и игрушками занимались администрации колхозов и совхозов. На время сельскохозяйственных работ создавались детские колхозные площадки и сезонные ясли. Значительная доля детских дошкольных учреждений в регионе имела круглосуточный режим работы. Открытие новых детских садов и яслей и уплотнение существовавших позволило увеличить количество мест в них.

Так, в 1942 г. в Астраханском округе Сталинградской области работало 368 сезонных яслей. Их посещало 11 500 детей. Кроме того в округе имелись детские ясли постоянного типа. В Астрахани находилось 7 таких яслей, в сельских поселениях округа — 45 ¹⁰. К апрелю 1943 г. при колхозах Сталинградской области было создано 1930 детских площадок, обслуживавших 93 550 дошкольников, 2201 ясли на 53 593 места ¹¹. В самом Сталинграде в ноябре 1943 г. работало 93 дошкольных учреждения, охватывавших 7235 детей, и 42 школы ¹². В 1944 г. в Сталинграде было открыто еще 5 школ, которые посещало 2440 учеников, и 4 детских сада ¹³. Но этого было явно недостаточно, кроме того во многих сельских районах региона детские сады и ясли вообще отсутствовали.

Исполкомом Сталинградского городского совета в 1943 г. в городе было открыто 20 бюджетных детских садов на 1000 мест и 56 детских садов, находившихся на хозяйственном расчете. Для их организации использовались свободные площади в жилых домах, комнаты в общежитиях и иные помещения. Создавались детские площадки и ясли. К апрелю 1943 г. в сельских районах Сталинградской области было открыто 1930 детских площадок для 93 550 детей дошкольного возраста ¹⁴.

В детских садах и яслях вводилось дифференцированное обслуживание. Работали санитарные группы, создавались группы для больных и ослабленных детей, для детей военнослужащих.

Особое значение приобрели вопросы продовольственного снабжения детей. В августе 1941 г. в Сталинградской области было введено карточное снабжение населения продовольствием и товарами повседневного спроса, при этом дети до 12 лет причислялись к иждивенцам и обеспечивались по низким нормам — им выдавалось в сутки лишь 400 г хлеба¹⁵.

Снабжению детей был посвящен ряд государственных решений. Так, приказом Наркомата торговли СССР «Об улучшении снабжения детей», принятом в июле 1942 г., устанавливались нормы обеспечения их продовольствием, в том числе «белым хлебом не менее 50% от ежедневной хлебной нормы»¹⁶.

Рост численности детского населения за счет эвакуированных обусловил необходимость расширения сети учреждений детского общепита. Постепенно в регионе увеличивалась численность молочных кухонь, в которых обслуживались дети ранних возрастных категорий. Открывались магазины и столовые диетического питания. Они обслуживали больных и ослабленных детей. В 1941—1942 гг. в Сталинградской области работало около 78 детских столовых, которые могли накормить свыше 25 000 детей. Уже к февралю 1943 г. в Сталинградской области открылось еще 45 детских столовых¹⁷. Объемы питания устанавливались централизованно, однако на местном уровне они корректировались в зависимости от наличия необходимых продовольственных фондов, которые в военный период были крайне ограничены. Так, в 1943 г. в Енотаевском и Харабалинском районах Астраханского округа детские учреждения испытывали трудности в снабжении молоком, овощами, крупами¹⁸. В 1943 г. произошло повсеместное снижение норм отпуска продовольствия по карточкам. Для детей и иждивенцев устанавливалась норма — 300 г хлеба¹⁹. Зачастую детские продовольственные карточки отоваривались со значительными перебоями. Так, в 1943 г. около 30 000 детских карточек остались не отоваренными ввиду отсутствия продовольствия²⁰.

Значительные трудности имелись в работе детских столовых, которые открывались для детей, в том числе эвакуированных в Сталинградскую область. Тем не менее учащиеся некоторых школ обеспечивались горячими завтраками. Подобные завтраки практиковались в 223 школах Астраханского округа²¹.

Вместе с тем, в работе регионального детского общепита существовали значительные проблемы. Они были обнаружены в Астраханском Доме ребенка, в яслях № 9 и в ряде других учреждений. Существенно уменьшился ассортимент продовольственных товаров, выделяемых детским учреждениям.

Система детского общепита в военный период подвергалась систематическому государственному контролю. Так, в 1943 г. прошли проверки детских столовых в Астраханском округе Сталинградской области. Проверки показали, что «питание детей двухразовое, продовольствием столовые полностью не обеспечены, имелись трудности с обеспечением сахаром, жирами, мясом»²². К дефициту продовольствия приводила не только ограниченность централизованных государственных фондов, но

и многочисленные хищения продуктов питания, выявленные в ходе проверок детского общепита.

В качестве дополнительного источника снабжения детей в дошкольных учреждениях, школах, детских домах и на оздоровительных площадках региона продуктами использовались подсобные хозяйства, откуда они поступали, в частности, детям яслей № 8 Микояновского района, № 5 и № 18 Трусовского района ²³.

Детским учреждениям региона помогали шефские организации — промышленные предприятия, учреждения, артели, колхозы. Так, существенную помощь детским домам Средне-Ахтубинского района Сталинградской области оказали колхозы «Коммунар» и «Красный огородник». Они выделили топливо, 120 кг шерсти, 20 овец, 3 коровы, денежные средства ²⁴. Коллективы шефских организаций отчисляли в фонд помощи нуждающимся детям однодневные и двухдневные заработки, финансировали пошив для них одежды и обуви, приобретали продовольствие. Шефство над детскими домами осуществляли и профсоюзы. Ими создавались фонды помощи детям, куда поступали денежные средства, продовольствие и промышленные товары первой необходимости.

Со второй половины 1943 г. отмечалось постепенное улучшение ситуации вокруг снабжения детских учреждений продуктами. С августа 1943 г. улучшилось питание детей в летних оздоровительных учреждениях. С этого времени пионерские лагеря стали получать дополнительные продовольственные фонды, в том числе 1270 т мяса, 800 т животного масла, 470 т сыра, 1350 т круп ²⁵.

Особое внимание со стороны государства уделялось оказанию социальной помощи детям военнослужащих и инвалидов войны. Они пользовались различными льготами, правом внеочередного обслуживания в дошкольных учреждениях, детских летних лагерях и санаториях, поликлиниках и больницах. Дети фронтовиков обеспечивались дополнительными продовольственными пайками. Для них создавались фонды дефицитных медикаментов.

Необходимо отметить, что реализуемая в регионе государственная политика не смогла полностью решить социальные проблемы детских учреждений. Значительная их часть по-прежнему ощущала финансовые трудности, испытывала проблемы с обеспечением продовольствием и промышленными товарами. Детским учреждениям, работавшим в регионе, недоставало необходимого оборудования и инвентаря, мебели, одежды, посуды. Так, детские дома Сталинграда только на 50% были оборудованы кроватями ²⁶. Часто детские учреждения региона занимали крайне непригодные помещения. Летние оздоровительные площадки региона не имели укрытий от солнца и мест для отдыха детей ²⁷. Пионерские лагеря и оздоровительные площадки, как и другие детские учреждения, испытывали значительные материальные и повседневные трудности, им не хватало мебели, постельных принадлежностей, инвентаря.

Несмотря на высокую заболеваемость детей, медицинские осмотры проводились крайне редко. Распространению эпидемических заболеваний способствовали недостаток топлива, посуды, лекарственных препаратов, медицинских кадров, переуплотнение в группах.

Недостаточное финансирование детских учреждений, низкий уровень их медицинского обслуживания, некачественное питание и нехватка продовольствия, а также систематические перебои с его поставками в Сталинградскую область способствовали истощению детей и повышению уровня заболеваемости. Указанные обстоятельства стали причиной распространения авитаминоза, дистрофии, цинги, септической ангины. Вследствие притока в Сталинградскую область эвакуированного населения заболеваемость холерой, дизентерией, сыпным тифом, корью приобрела характер эпидемий и способствовала повышению уровня детской смертности. Периодом подъема уровня детской заболеваемости и смертности в Сталинградской области стали 1942—1943 годы.

В период боев в Сталинграде большинство детских учреждений города было разрушено. Свыше 290 школьных зданий требовало восстановления²⁸. После завершения битвы в Нижнечирском районе Сталинградской области было учтено только 3410 детей школьного возраста²⁹.

В этот период в регионе началось постепенное восстановление системы медицинского обслуживания, которое сопровождалось ростом финансирования³⁰. Это способствовало расширению сети детских лечебно-профилактических учреждений, дневных стационаров, увеличению количества детских больничных коек. Проводилось санитарное обследование детских учреждений³¹. Значительное внимание уделялось проблемам оздоровления детей. Работа по восстановлению участковой системы обслуживания детей, расширению сети детских амбулаторий, консультаций и молочных кухонь, организации дополнительного питания для ослабленных детей основывалась на постановлении СНК СССР «О мероприятиях по улучшению работы органов Наркомздрава и детских учреждений по медицинскому обслуживанию детей и усилению питания нуждающихся детей» от 27 октября 1942 г. и приказе Наркомздрава СССР «О мероприятиях по улучшению работы органов здравоохранения и детских учреждений по медицинскому обслуживанию детей и усилению их питания» от 3 ноября 1942 года³².

После принятия 12 мая 1943 г. постановления СНК СССР «О мероприятиях по укреплению здоровья детей в летний период 1943 г.» в Сталинградской области было развернуто 1930 детских дошкольных площадок³³. Для воспитанников детских домов, а также детей, находившихся на оздоровлении в летних пионерских лагерях и посещавших детские площадки региона, предусматривалось дополнительное выделение продовольственных товаров³⁴.

Значительная часть детских оздоровительных путевок реализовывалась профсоюзами. Отдых в пионерских лагерях общего типа продолжался 21 день, в лагерях санаторного типа — 40 дней. Оздоровительные площадки посещались воспитанниками 30 дней.

Профсоюзные организации финансировали работу детских площадок и пионерских лагерей. Их работа в области организации медицинской помощи детям в период войны способствовала улучшению ее качества и позволила существенно снизить уровень детской заболеваемости. Местные органы власти региона получали от профсоюзов помощь в оздоровлении детей рабочих и служащих. На предприятиях и в учреждениях региона открывались профилактории. В них в пер-

вую очередь принимались дети из малообеспеченных и многодетных семей.

Массовая эвакуация в районы Сталинградской области гражданского населения способствовала появлению большого числа детей-сирот. В военные годы значительное число детей и подростков лишилось одного или обоих родителей. Местными органами власти проводились мероприятия по их устройству и бытовому обслуживанию. Для этого при региональных советах депутатов трудящихся образовывались специальные комиссии по устройству детей, оставшихся без родителей.

Число беспризорных и безнадзорных ребят возросло после окончания Сталинградской битвы. В этот период в детские дома города и области было устроено 4,6 тыс. детей³⁵. Многие дети были лишены возможности посещать учебные занятия вследствие отсутствия одежды и обуви. К началу 1944 г. по указанным причинам в школы не ходило свыше 300 детей Сталинграда.

На решение проблем детской беспризорности и безнадзорности поступали значительные денежные средства. Так, объем финансирования, выделенного на решение проблем детской беспризорности после окончания Сталинградской битвы, составил 35 444 рублей³⁶. Государственная политика по борьбе с детской беспризорностью основывалась на постановлениях СНК СССР «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» от 23 января 1942 г., «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством» от 15 июня 1943 г. и др. Проблема детской беспризорности неоднократно рассматривалась и местными органами власти Сталинградской области. Особое значение имели решения местных властных органов, принятые после завершения Сталинградской битвы. Так, Областной Совет уже в феврале 1943 г. принял решение о восстановлении работы детских учреждений, трудоустройстве подростков, развитии системы патронирования и опеки беспризорных³⁷. Дети, нуждавшиеся в товарах первой необходимости, обеспечивались талонами на одежду и обувь. В 1943/44 уч. году им было отпущено 4,5 тыс. пар обуви и 2,7 тыс. предметов одежды³⁸.

В военный период в Сталинградской области получили развитие такие формы устройства беспризорных детей и детей-сирот, как патронирование, опека и усыновление. После завершения Сталинградской битвы местным жителям на патронат и усыновление было передано 1238 детей³⁹. В 1943 г. сталинградцы усыновили еще 132 ребенка⁴⁰. Свыше 2000 детей поступило в детские дома⁴¹.

В военный период в Сталинградской области создавались новые детские дома. 19 детских приютов появилось в регионе к началу 1943 года. Они приняли 3000 детей, оставшихся без попечения родителей. В ноябре 1943 г. начали работать детские дома в Нижнем Чире, Михайловке и в Астрахани⁴². Кроме того, планами местных органов власти Сталинградской области было предусмотрено открытие еще 10 специальных детских домов на 1500 мест⁴³. Ответственность за оборудование детских домов инвентарем и мебелью, обеспечение их топливом и медикаментами, продовольствием и промышленными товарами несли региональные советы. Детские дома создавались и на средства предприятий, учреждений и колхозов. Материальную по-

мощь детским домам оказывали шефствующие над ними предприятия и организации.

В сентябре 1943 г. было принято постановление СНК СССР «Об улучшении работы детских домов». Оно регламентировало нормы их снабжения продовольственными товарами. Так, на содержание одного воспитанника в месяц государство выделяло 1,5 кг мяса, 1,5 кг крупы, 500 г жиров, 500 г сахара и кондитерских изделий, 200 г сыра и т. д.⁴⁴

Областные отделы здравоохранения решали кадровые вопросы и укомплектовывали детские учреждения специалистами-медиками, в первую очередь, медицинскими сестрами и фельдшерами, прошедшими обучение на краткосрочных курсах.

Необходимая мебель и инвентарь для детских учреждений изготавливались местной промышленностью. Осенью 1943 г. предприятия Сталинграда обеспечили детские сады города столами, стульями, кроватями, шкафами⁴⁵.

В военный период государство финансировало содержание имевшихся и строительство новых детских учреждений. Так, в 1942—1943 гг. Сталинградской области было выделено 9713 руб. на содержание детских домов, 8130 руб. — на строительство пионерских лагерей и детских площадок⁴⁶. Необходимо отметить, что предоставляемые на содержание детских учреждений денежные средства зачастую полностью не осваивались. Так, в 1941 г. на приобретение продовольствия для детских учреждений Наркомат заготовок отпустил 923 000 рублей. Из них фактически было потрачено лишь 504 000 рублей. Из 66 140 руб., выделенных на содержание детских учреждений в 1942 г., было израсходовано 57 470 рублей⁴⁷.

Характер государственной политики, реализуемой в военный период в отношении малообеспеченных и социально незащищенных категорий населения, не только обусловил степень решения их повседневных и материальных проблем, но и определил условия их жизни в целом. Война оказала самое негативное воздействие на все советское общество, но более всего в те тяжелые годы страдали дети. Выживание детей в чрезвычайных военных условиях во многом зависело от социальной помощи, оказываемой им государством, от эффективности мероприятий местных советских и партийных органов.

В период Великой Отечественной войны в Сталинградской области реализовывалась целенаправленная государственная политика по охране детства. Она включала целый комплекс мер, направленных на снабжение детей, в том числе и детей-сирот, продовольствием и предметами повседневного спроса, оказание им медицинской помощи, обеспечение летними оздоровительными площадками, организацию бытового обслуживания, профилактику детской беспризорности и безнадзорности.

Разнообразные формы реализации в Сталинградской области государственной политики по охране детства, несмотря на объективные трудности военного периода, позволили организовать продовольственное снабжение детей и обеспечить их предметами первой необходимости, медицинским и бытовым обслуживанием, способствовали распространению в регионе движения по опеке, патронированию и усыновлению детей-сирот, что стало достаточно эффективным средством борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью.

1. ГРУЗДЕВ П.Н. Вопросы трудового воспитания в детском доме и интернате. — Советская педагогика. 1945, № 8, с. 24—32; КОТЛЯР Э.С. Войной опаленная смена. Очерки о работе молодежи в годы Великой Отечественной войны. М. 1985; ВОДОЛАГИН М.А. Очерки истории Волгограда. 1589—1967. М. 1970.
2. Мы родом из войны. Дети военного Сталинграда вспоминают. Волгоград. 2004; Воспоминания детей военного Сталинграда. М. 2010; «... И горела Волга». Оставшиеся в живых сталинградцы вспоминают. Волгоград. 2004.
3. ГОРБУНОВ А.А. Забота социалистического государства о матерях и детях. Ижевск. 1945; ХРАМКОВ Л.В. Советы депутатов трудящихся Поволжья в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Саратов. 1973; БЕЛЯКОВ В.В. Забота о детях в годы войны. — Воспитание школьников. 1987, № 6, с. 53—56.
4. ГАРАЖА Н.А. Характер и условия принудительного трудоустройства советских детей и подростков в Германии в период Великой Отечественной войны. — Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2015, № 2 (34), с. 44—53.
5. КРИНКО Е.Ф. Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942—1943 гг.). Майкоп. 2000.
6. КРЮКОВА Г.М. Новейшие исследования о детях как объекте демографической ситуации и социальной политики государства в период Великой Отечественной войны (на примере Башкирской АССР). — Общество: философия, история, культура. 2017, № 3, с. 54—56; РЫБЛОВА М.А. «Территория детства» в пространстве Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы). — Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2014, № 4 (28), с. 37—50; КАБИРОВА А.Ш. Общество и дети: борьба с детской безнадзорностью, беспризорностью и девиантностью в Татарстане в период Великой Отечественной войны. — Филология и культура. 2011, № 3 (25), с. 109—113.
7. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИ ВО), ф. 113, оп. 12, д. 13, л. 45—46.
8. Там же, д. 8, л. 17—23.
9. Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны. М. 1988, с. 323.
10. Государственный архив Астраханской области (ГА АО), ф. Р-2277, оп. 1, д. 10, л. 5.
11. Там же, ф. Р-3205, оп. 3, д. 127, л. 208—209.
12. Государственный архив Волгоградской области (ГА ВО), ф. Р-71, оп. 1, д. 638, л. 180—181.
13. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 88, д. 435, л. 62—69.
14. ГА АО, ф. 3205, оп. 3, д. 127, л. 208—209.
15. РГАСПИ, ф. 17, оп. 2, д. 391, л. 34.
16. Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 7971, оп. 5, д. 226, л. 45.
17. ГА АО, ф. 3205, оп. 3, д. 127, л. 124—130.
18. Государственный архив современной документации Астраханской области (ГАСД АО), ф. 6, оп. 1, д. 1126, л. 111—112.
19. Там же, ф. 10, оп. 2, д. 24, л. 6.
20. Там же, ф. 6, оп. 1, д. 1184, л. 15.
21. ГА АО, ф. 2150, оп. 1, д. 16, л. 2.
22. Там же, АО, ф. 6, оп. 2, д. 286, л. 1—2.
23. Там же, л. 3—4.
24. ХРАМКОВ Л.В. Советы депутатов трудящихся Поволжья в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Саратов. 1973, с. 164.
25. ГА АО, ф. 2150, оп. 1, д. 16, л. 20—22.
26. РГАСПИ, ф. 17, оп. 88, д. 225, л. 17—23.
27. ГА ВО, ф. Р-71, оп. 1, д. 638, л. 37.
28. Там же, л. 180—181.
29. РГАСПИ, ф. 17, оп. 88, д. 435, л. 62—69.
30. ГА АО, ф. 3205, оп. 3, д. 127, л. 208—209.
31. ЦДНИ ВО, ф. 113, оп. 12, д. 8, л. 17—23.

32. **Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг.: Сб. документов и материалов.** М. 1977, с. 198—200.
33. ГА АО, ф. 3205, оп. 3, д. 127, л. 208—209.
34. Там же, ф. 2233, оп. 17, д. 4, л. 20—22.
35. РГАЭ, ф. 7971, оп. 5, д. 226, л. 45.
36. ГАСД АО, ф. 6, оп. 1, д. 1184, л. 15.
37. ГА АО, ф. Р-3205, оп. 3, д. 127, л. 208—209.
38. ГА ВО, ф. Р-71, оп. 1, д. 658, л. 12—15.
39. ГА АО, ф. 2233, оп. 17, д. 4, л. 67.
40. ГАСД АО, ф. 9, оп. 1, д. 647, л. 17.
41. ХРАМКОВ Л.В. Ук. соч., с. 165.
42. ГАСД АО, ф. 6, оп. 1, д. 1126, л. 111—112.
43. Там же, ф. 10, оп. 2, д. 24, л. 6.
44. **Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг., с. 249—251.**
45. ГА ВО, ф. Р-71, оп. 1, д. 638, л. 180—181.
46. Там же, л. 37.
47. РГАЭ, ф. 8040, оп. 4, д. 140, л. 11.

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

ББК 63.3(0)5

Формирование и ориентация мюридизма на Северном Кавказе

Сечжин Чжун

Аннотация. В данной публикации описывается происхождение и формирование мюридизма на Северном Кавказе в первой половине XIX века. Обычно к мюридизму относят массовое религиозное движение, которое привело к созданию имамата Нагорного Дагестана и Чечни. Существует несколько версий о путях проникновения мюридизма на Северный Кавказ. В работе подробно анализируются два направления мюридизма и описывается, как мюридизм боролся с имперской Россией.

Ключевые слова: Северный Кавказ, имам Шамиль, мюридизм, Чечня, Дагестан.

Abstract. This publication describes the orientation and formation of Muridism of North Caucasus in Russia in the first of 19th century. Usually, the mass religious movement that led to the creation of the Islamic Government of Daghestan and Chechnya is attributed to Muridism. There are several versions of how Muridism penetrates into the North Caucasus. This article analyzes two trends of Muridism in detail and describes how Muridism coped with Imperial Russia.

Key words: North Caucasus, Imam Shamil, Muridism, Chechnya, Dagestan.

Роль мюридизма в годы Кавказской войны была многократно описана и исследована в самой разнообразной литературе: религиозной, исторической, публицистической, политической и, конечно, философской¹. На протяжении двух столетий особое внимание уделялось религиозному фактору. Невозможно назвать столетие, когда Северный Кавказ стал по преимуществу мусульманским, поскольку процесс исламизации был асинхронным. При этом к началу XVII в. «основная масса адыгов» продолжала «придерживаться своих древних, полухристианских верований»².

Появление тариката Накшбандия на Северном Кавказе произошло не раньше, чем спустя тридцать лет после пленения шейха Мансура. Дореволюционные и советские историки высказывали разнообразные предположения о путях проникновения Накшбандия на Кавказ, но в исследованиях последних лет их удалось проследить благодаря материалам

Сечжин Чжун — профессор Университета Ханъянг. Республика Корея. E-mail: jsjstar2@hanmail.net.

Sejin Jung — professor at the University Hanyang, Republic of Korea. E-mail: jsjstar2@hanmail.net.

арабоязычных рукописей³. То братство Накшибандия, которое в XIX в. пришло в Дагестан, известно в научной литературе как Накшбандия-Муджаддия и Накшбандия-Халидия. Эти эпитеты связаны с именам двух реформаторов тариката: индийского мистика XVI—XVII вв. Ахмада ал-Фаруки, известного под именем Муджаддид, и турецкого шейха Маулана Халида ал-Курдамири. На Северном Кавказе, по мнению И.П. Петрушевского, это братство утвердилось в конце XVIII — начале XIX века. Политические взгляды и деятельность шайхов Накшбандия-Халидия в период газавата еще далеко не ясны⁴, однако следует отметить, что накшбандийский тарикат придал движению джихада его идеологию и социальную базу⁵.

В литературе за этим движением утвердилось название «мюридизм». Это одно из течений в исламе, получившее распространение на Северном Кавказе в XIX веке. В основе мюридизма лежали принципы, выработанные идеологами суфизма в Багдаде и Бухаре в XII—XIV вв. и включавшие идеи «сближения» человека с Богом. Придерживаясь в культовой практике канонов исламского правоверия, мюридизм представлял собой политическую оппозицию местному официальному духовенству, лояльному политике царской России на Кавказе. Идеи мюридизма служили пробуждению свободомыслия среди горских крестьян⁶. При этом, по словам А. Романовского, он оказался искрою, брошенной в порох⁷.

Мюридизм (от араб. мюрид — «желающий следовать суфийскому пути», «ученик суфийского шайха», «обязанный беспрекословно подчиняться шейху», послушник) — принятое в дореволюционной и советской литературе определение мусульманского повстанчества на Северном Кавказе. Обычно к мюридизму относят массовое религиозное движение, которое привело к созданию имамата Нагорного Дагестана и Чечни (1828—1859). Понятие «мюридизм» сложилось среди русских ученых, военных и политиков в период Кавказской войны (1817—1864). Его отождествляли с братством Накшбандия, сближая имамов Дагестана и Чечни с суфийскими шейхами, а их последователей — с мюридами братства⁸.

Перед своим шейхом ученик-мюрид должен быть как вор перед уважаемым султаном, не отвращая своего сердца от шейха, даже если тот унизит его или будет бранить его перед товарищами. Он не может противиться приказанию шейха, даже если бы он приказал броситься в огонь, потому что его шейх есть самый высокий из шейхов, и путь его — высший из путей⁹. Эти правила требовали от мюридов привязанности к своему шейху, «которая должна быть так сильна, что они обязаны не только свято исполнять волю мюршида, но даже стараться предупредить его желания прежде, чем он выскажет их»¹⁰.

Мюрид — это мусульманин, посвятивший себя духовному совершенствованию. Во имя сближения с богом он беспрекословно выполняет все нормы шариата, проводит все время в посте и молитвах, чтобы подняться до внутреннего и духовного поклонения Богу. Следовательно, мюридизм — мистическое направление суфизма (мистико-аскетическое направление в исламе), требующее, согласно нормам тариката (с арабского — путь, метод, начальная ступень религиозной обработки и подготовки дервишей), от членов секты полного отрешения и беспрекословного подчинения своему религиозному наставнику — мюршиду¹¹.

Существует несколько версий о путях проникновения мюридизма на Северный Кавказ. Его историю ведут из Средней Азии, Турции и Азербайджана (точнее Ширвана — феодального государства, занимавшего север современного Азербайджана). Русские дореволюционные авторы настаивали на том, что мюридизм был импортирован на Северный Кавказ накануне войны за независимость враждебными России странами и получил распространение среди горцев только в результате их фанатизма, легкомыслия и невежества.

Идеи начали распространяться в Дагестане благодаря деятельности шейхов Магомеда Ярагского и Джамал-Эдина. К.И. Прушановский так описывал этот процесс: «В 1823 г. жил в с. Яраг Кюринского ханства (Дагестан) мулла Магомед, у которого был ученик родом из Бухары по имени Хас-Магомед. Этот ученик и научил учителя тарикату, который был неизвестен до той поры в Дагестане. Но, с другой стороны, рядом в Ширванском ханстве (Азербайджан), в с. Кюрдомир жил и проповедовал накшбандийский тарикат некий ученый Гаджи-Измаил. По другой версии, Хас-Магомед посоветовал Магомеду изучать тарикат непосредственно из первых рук — у Гаджи-Измаила»¹². По словам Н.А. Волконского, Гаджи-Измаил благословил муллу Магомеда и, возведя своего почетного гостя в звание старшего мюршида (учителя), приказал ему по возвращении в Дагестан немедленно приступить к открытой проповеди тариката¹³. Прушановский сообщает также о совещаниях Гаджи-Измаила с духовными лицами из горного Дагестана, на которых эфенди и гости единодушно указывали на ослабление исламской веры: «Мусульмане предались греху, пьянство и разврат сделались им знакомы... мусульмане не ведают шариката, будучи подвластными неверным, не могут возвыситься до постижения великой науки тариката»¹⁴.

Таким образом, согласно этим сообщениям, идеи тариката в Дагестан действительно пришли из другой, соседней страны. Однако Н.И. Покровский, приводя эту версию, замечает, что авторы «протащили в литературу мысль об изобретении учения (мюридизма) ловкими муллами, враждебными царскому правительству»¹⁵. Импорт идеологии отрицали многие авторы, писавшие о Кавказской войне, в частности, Н.Ф. Дубровин и Р.А. Фадеев, который считал, что мюридизм родился на Кавказе, «как и теперь рождаются в Азии разные мусульманские толки»¹⁶.

У этих версий есть одна общая черта: обе они основываются на предположении, что суфизм стал известен на Кавказе непосредственно перед началом войны или незадолго до нее¹⁷. Сторонники третьей версии утверждают, что тарикат (накшбандийский) был издавна знаком горцам. Так, А.К. Казембек считал, что суфизм проник в Дагестан вместе с арабскими завоевателями. Другой автор, М. Махмудбеков, сообщал, что тарикат был известен в Ширване лет за 400 до появления Шамиля: «После четырехвекового застоя мюридизм в Ширване возгорается с новой силой»¹⁸.

Появление накшбандийского тариката в Дагестане началось с проповеди религиозной концепции «чистой веры». Источники сообщают, что Магомед Ярагский подвергся преследованию со стороны владетельных дагестанцев. До 1823—1824 гг. в его проповедях, «по-видимому, не было светской политической направленности, что вполне естественно»¹⁹. В условиях широкого антирусского движения, русской военно-эконо-

мической блокады Северного Кавказа и внутренних социально-политических процессов среди горских народов начала формироваться идеология кавказского мюридизма. Ее основателями стали Магомед Ярагский (духовный глава Дагестана) и Гази Магомед (Кази мулла. 1795—1832 гг.). Последний воспринял идеи известного на Кавказе богослова, мюршида Дагестана шейха Джамал-Эдина, проповедовавшего учение тариката — одну из разновидностей исламской религии ²⁰.

Известно, что М. Ярагский просил Джамал-Эдина наблюдать за Гази-Магомедом, чтобы не позволить ему «сойти с дороги» ²¹. Магомед Ярагский, не встав полностью на позиции тарикатизма Джамал-Эдина, отвергал и призывы к газавату. Он сдерживал проявления народного гнева, вызванного нараставшими противоречиями между религиозным содержанием тариката и чисто светской, социальной составляющей зарождавшегося движения. Эту точку зрения отстаивает и Н.А. Смирнов. Он считает, что шейхи Магомед Ярагский и Джамал-Эдин даже обвиняли Гази-Магомеда в отступничестве от истинного учения ислама, от общепризнанных религиозных норм, особенно от учения тариката в высшем понимании толкования Корана и шариата ²².

Спустя два года положение изменилось. После «покорения Кавказа» генералом Ермоловым Магомед Ярагский начал в своих проповедях выступать против Российской империи и ее экспансии на Кавказе. Именно в этот период среди тарикатистов начался раскол. Магомед Ярагский получил духовные полномочия на руководство приверженцами мюридизма. Таковых было немало, причем среди них оказались и будущие духовные и общественно-политические лидеры мюридистского движения горцев Дагестана. Уже в 1824 г. среди мюридов были такие, кто считал «борьбу за веру» неотъемлемой частью духовного поиска. Речь шла об идее независимости.

Эта идея была стимулом, способным поднять и сплотить весь народ, подвигнуть его на подвиги, на борьбу, пусть даже она будет сопровождаться лишениями и жертвами. Джамал-Эдин считал невозможной борьбу с заведомо более сильным противником. Предпочитая мирное распространение шариата, он пригласил к себе Гази-Магомеда и Шамиля, надеясь умерить их пыл и предостеречь от больших неприятностей. Шамиль, прежде учившийся у Джамал-Эдина, воспринял приглашение как великую честь. Он глубоко почитал Джамал-Эдина, называл его учителем учителей. Но Гази-Магомед считал тарикатистов слишком мирными ²³.

Гази-Магомед (1795—1832) использовал тарикат как орудие сопротивления русским властям в Дагестане. Он-то и предложил идею объединения горцев на основе шариата для сопротивления политике царского правительства и для борьбы с теми, кто стал на путь поддержки имперской власти. Именно Гази-Магомед адаптировал учение о тарикате для решения реальных политических задач ²⁴. Немалую роль в его жизни сыграла завязавшаяся еще в детстве дружба с Шамилем. Целью своей жизни он сделал распространение среди кавказских мусульман чистых норм шариата. Со свойственной ему энергией он повел непримиримую борьбу с противоречащими шариату местными обычаями и обычным правом ²⁵.

Русские и советские источники называли движение Накшбандия-Халидия мюридизмом. За очень редким исключением они считали мюри-

дизм отдельным, полностью самостоятельным течением суфизма, даже противостоящим самому суфизму, откуда мюридизм, собственно говоря, вышел. В соответствии с этими взглядами, Магомед Ярагский считался основателем политико-религиозного движения под названием мюридизм ²⁶.

Мюридизм, составляющий часть суфизма, развивался на основе родовых, полупатриархальных и полуфеодальных отношений. В горных районах Дагестана, Чечне и Ингушетии происходил переход от родовых патриархальных учреждений к полуфеодальным и феодальным. Проповедники мюридизма и газавата расположились именно в этих районах, где создали небольшие военно-религиозные феодальные группы, выступившие против России ²⁷. Мюридизм сыграл важную роль в жизни вольных обществ нагорного Дагестана. Он несомненно оказывал революционизирующее воздействие на социальные силы, поднимая их на слом старых и установление новых порядков ²⁸. Мюрид «подчинялся шариату и повиновался установлениям ислама» ²⁹. Мюридизм не создавал своего богословия и отличался от веры, общей всем суннитам, только крайностью своих выводов. Проповедь его основана на особенном объяснении тариката — части закона, содержащей учение об обязанностях человека.

В мюридизме сразу же возникли две группировки, две «партии». Одно крыло кавказского мюридизма возглавил Магомет Ярагский — поборник утверждения как «высших» догматов ислама вообще, так и шариата, позволявшего воплотить эти догматы в реальную жизнь, в частности. К этому направлению относится наибский мюридизм, сторонники которого могут принимать участие в газавате. Воинствующий мюридизм связан с религиозно-политической ориентацией Накшбандия и является реакцией на карательные экспедиции русских войск против кавказских горцев ³⁰.

Другое крыло формировалось под предводительством Джамал-Эдина, противника военно-экспансионистских поползновений Магомеда Ярагского и Гази-Магомеда. По некоторым сведениям, Джамал-Эдин ненадолго приехал в Яраг после того, как туда из Ширвана вернулся Магомед Ярагский ³¹. Общаясь с ним, Джамал-Эдин проявил небывалые способности в познании высших истин тариката. Он был одним из самых выдающихся тарикатистов и популярнейшим духовным лидером.

Мюридизм в Дагестане и Чечне не остался в неизменном, классическом виде, он претерпел очень серьезные изменения под влиянием колониальной политики царизма. В этих исторических условиях стало возможным возникновение на базе уже известного на Кавказе тарикатского мюридизма специфической его разновидности — наибского (кавказского) мюридизма. Разумеется, наибский мюридизм отличается от тариката. Тарикатские мюриды, немногочисленные «достоинейшие отшельники» ³², вели мистико-аскетический образ жизни, занимались изучением сунны и Корана для постижения высших истин ислама.

Тарикат, который проповедовал Джамал-Эдин, это был тарикат истинный, чуждый политическим целям, он был направлен на возвышение чисто религиозного духа своих последователей, и в этом понимании божественных откровений Джамал-Эдин резко расходился с воззрениями своего наставника Магомеда Ярагского ³³.

Широко известен рассказ о том, как Джамал-Эдин сначала отказался дать Гази-Магомеду разрешение вести джихад, прекрасно осознавая военное превосходство русских. Позиция Джамал-Эдина имела серьезные последствия для Гази-Магомеда. Обнажалось расхождение позиций двух лидеров кавказского мюридизма.

Тарикат может служить формой пассивного социального протеста — таким он оставался в Азербайджане, откуда его идеи проникли в Дагестан в начале XIX в. стараниями Магомеда Ярагского. Впоследствии течение это было переосмыслено Гази-Магометом и Шамилем: отказ от мирской жизни они толковали как отречение от личных интересов во имя общих целей движения, подчинение мюрида муршиду — как абсолютную дисциплину, сообщество мюридов — как организацию единомышленников³⁴.

Старый мюридизм, то есть следование тарикату — истинному пути — являлся в мусульманском учении проповедью строгого аскетизма. Он звал к уходу от жизни, полагая истинное счастье внутри человека. Шейх, по учению о тарикате, должен разъяснить мюриду, то есть послушнику, ничтожность сего мира и всего, что в нем есть, его непостоянность и то, что мир этот не стоит и крылышка насекомого. Поэтому необходимо отречься от света и его богатств, чтобы пред глазами мюрида имели одинаковое значение и золото и грязь³⁵. Однако мюридизм, как любая большая идеология, связанная с внутренними переходными общественными процессами, не мог не отразить появление двух социальных сил — консервативной и прогрессивной, выступавшей за обновление общества. Поэтому в концепции Шамиля важное место занимал вопрос о двух партиях в мюридизме³⁶.

Уже при первом имаме Дагестана Гази-Магомед (1829—1832 гг.) началось введение шариата в быт дагестанских народов: запрещались алкогольные напитки, женщины стали покрывать голову, мужчины носить усы и бороду, надевать чалму. Всякое светское пение воспрещалось как недостойное истинного мусульманина. Гази-Магомед проклинал местные обычаи и называл людей, их придерживающихся, неверными³⁷. Проповедуя восстановление законов шариата, мулла Магомед и его сторонники преследовали двойную цель. Сочетая гражданский и религиозный законы, шариат был неотъемлемой частью религии всех истинных мусульман. Но в Дагестане он имел еще и политическое значение, поскольку основной трудностью на пути освободителей была не мощь России, а слабость их собственной страны, и эта слабость проистекла из внутренних распрей³⁸.

В 1829 г. общины ряда аварских селений избрали Гази-Магомеда своим религиозным и военным главой (имам). С этого времени началось создание единого имамата Нагорного Дагестана и Чечни. Чуть ли не ежедневно Гази-Магомед выступал с проповедями о необходимости подняться на борьбу за веру (араб. джихад) против русских. С общин, присоединившихся к движению, Гази-Магомед брал присягу следовать шариату, отказаться от местных адатов и прервать сношения с русскими³⁹. Имам стремился придать борьбе горцев религиозно-идеологическое направление, трансформировать исламские догмы в политические лозунги всеобщего равенства, истребления ханов и всякой наследственной вла-

сти, объединения правоверных для газавата (джихада) против русских. Гази-Магомед возглавил движение, получившее название «мюридизм». Лозунг священной войны — газавата — стал главенствовать в политической борьбе мюридов⁴⁰.

В свое время Гази-Магомед был учителем, а Шамиль — учеником. Они посвящали значительную часть своего свободного времени изучению текстов Карана и посещали уроки Магомеда Ярагского, главного мюршида религиозной революции Накшбанди. Благодаря этим урокам они стали теологами, отличными проповедниками нового течения. Через несколько лет Гази-Магомед стал первым имамом мюридов. Именно он поднял знамя газавата против русских и их союзников⁴¹.

Действия Гази-Мухаммеда по борьбе с военным и политическим наступлением царизма нашли активную поддержку со стороны горцев. Сочувствие и содействие ему оказывали и чеченцы, и ингуши. Особенно сильной в тот момент была вспышка антиколониальных выступлений⁴². Такой отход от «традиционного» накшбандийского учения привел к глубокому идейному разрыву между Гази-Магомедом и Джамал-Эдином, одним из наиболее выдающихся представителей дагестанского суфизма. В дальнейшем, по мере распространения мюридизма, расхождение между традиционным накшбандийским учением и его «кавказским» мюридистским толкованием еще более углубилось. Сформировался новый, «кавказский» тарикатизм, призывавший к войне с иноверцами⁴³.

Волконский отмечал принципиальное отличие кавказского тарикатизма от его базовой накшбандийской модели⁴⁴. Различие это было обусловлено, прежде всего, внутренней идейной борьбой, наметившейся в ходе исламизации «вольных обществ», и не было связано с собственно богословскими противоречиями. Кавказский тарикат как бы возвращал местному исламу пресловутую «агрессивность», заложенную в классическом исламе, и возрождал изначальные идеологические функции, которые эта религия выполняла в эпоху образования раннефеодальных государств.

На первом этапе Кавказской войны Джамал-Эдин был противником Гази-Магомеда, объявившего газават русским. Он обратился к Гази-Магомеду с требованием, чтобы тот «немедленно оставил все военные приготовления, а вместо того занялся бы настоящим делом, сущность которого заключается в молитве, а не в войне»⁴⁵. Шамиль впоследствии заявлял, что также был первоначально против газавата. Он даже пытался уговорить Гази-Магомеда прислушаться к голосу Джамал-Эдина и не браться за оружие. Все его убеждения, просьбы и даже угрозы разорвать дружбу оказались тщетными: Гази-Магомед остался непреклонен, и последнее его слово было: «Газават»⁴⁶.

Гази-Магомед вновь объявил походный собор⁴⁷. Он убеждал Шамиля, что одним тарикатом, молитвой и чудесами трудно добиться спасения: «Без газавата не быть нам в царстве небесном», — твердил Гази-Магомед. Шамиль демонстративно покинул своего соратника и «запершись в своем доме, предался молитве и чтению священных книг»⁴⁸. Он считал, что суфийский путь к самоусовершенствованию сохранялся лишь в качестве удобной формы организации движения. Со-

держание же, программа движения были совсем не теми, какие проповедовал Джамал-Эдин ⁴⁹. Гази-Магомед долго спорил со своим учителем, убеждая его в том, что джихад должен быть основной политической и нравственной задачей мусульман. Во всех этих спорах его поддерживал Магомед Ярагский. Он разрешил продолжать проповедь газавата. Магомед Ярагский писал, что «отшельников мюршидов можно найти много: хорошие же военачальники и народные предводители (имамы) слишком редки» ⁵⁰.

От начальных проповедей Магомед Ярагского (1823 г.) до вооруженного выступления Гази-Магомед (1828 г.) — первого руководителя Кавказской войны — прошло довольно много времени, за которое газават стал реальной силой ⁵¹. Мнение Гази-Магомед возобладало над мнением Джамал-Эдина: первый дагестанский шейх тариката Накшбандия Магомед Ярагский признал необходимость вооруженного выступления. Он считал, что война против неверных является одним из основных требований шариата. «Тот, кто не придерживался шариата, и никогда не обнажал меча против неверных, для него никогда не наступит спасение, обещанное нам Аллахом через своего пророка. Тот же, кто действительно желает выполнять повеления шариата, тот должен оставить свой дом, жену и детей и идти на боевой призыв» ⁵².

Когда встал вопрос о движении за независимость, первые вожди кавказского мюридизма должны были решать, каким путем им следовать к этой цели. И если первоначально Шамиль не соглашался с Гази-Магомедом, не поступал так, как он приказывал, то «через несколько времени сделался другим и был как крыло его».

Гази-Магомед решил обратиться прямо к наставнику самого Джамал-Эдина, Магомеду Ярагскому. Гази-Магомед и Шамиль вместе отправились в Кюринское ханство к Магомеду Ярагскому, который был обижен притеснениями Кюринского хана, одного из мусульманских правителей на русской службе, и без особых колебаний согласился на газават ⁵³. После десятидневного пребывания в Яраги Гази-Магомед окончательно решил для себя вопрос: посвятить себя тарикату или же внедрению в жизнь «вольных» обществ идеологии шариата и газавата. Это решение было для Гази-Магомед непростым, но после встречи с Магомедом Ярагским он оказался под впечатлением новых идей — идей мюридизма ⁵⁴.

Джамал-Эдин был одним из немногих ярких представителей мистического направления суфизма в Дагестане. Он запретил своим мюридам (ученикам в тарикате) объявлять газават русским войскам, предвидя тяжелые последствия этого шага для горцев. Но после того, как его по приказу Аслан-хана, одного из «вассалов» царского правительства, избили, и вынудили бежать, он сообщил Магомеду Ярагскому, что не будет больше противодействовать новому имаму Гази-Магомеду. Это, по некоторым предположениям, развязало руки и Шамилю, ставшему самым деятельным помощником имама, который не только проводил «выборы» Шамиля на пост имама в 1834 г., но и оставался его преданным советником вплоть до разгрома имамата в 1859 году. Именно поэтому у дагестанских мусульман он пользовался исключительной популярностью ⁵⁵.

Примечания

1. В историографии стало традицией обозначать понятием «Кавказская война» всю совокупность тех явлений общественной жизни народов Кавказа в 30—60-е гг. XIX в., которые обычно сводились к борьбе с колониальной политикой царизма. См.: ДЕГОЕВ В. В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30—60-х гг. XIX века. Владикавказ. 1992, с. 6.
2. Документальная история образования многонационального государства Российского. Кн. 1. Россия и Северный Кавказ в XVI—XIX веках. М. 1998, с. 27.
3. ЗЕЛЬКИНА А. О роли накшбандии в Кавказской освободительной войне. В кн.: Газимухаммед и начальный этап антифеодальной и антиколониальной борьбы народов Дагестана и Чечни. Махачкала. 1997, с. 43—52.
4. КЕМПЕР М. К вопросу о суфийской основе джихада в Дагестане. В кн.: Подвижники ислама. Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. М. 2003, с. 278.
5. ZELKINA A. In quest for God and Freedom. The Sufi Response to the Russian Advance in the North Caucasus. London. 2000.
6. Исламский толковый словарь. Ростов-на-Дону. 2009, с. 162.
7. РОМАНОВСКИЙ А. Кавказ и Кавказская война. СПб. 1860, с. 320.8. Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Т. 5. М. 2012, с. 98.
9. Там же, с. 14.
10. ХАНЫКОВ Н. В. О мюридах и мюридизме. Сб. газеты «Кавказ». Тифлис. 1847, ч. 1, с. 150.
11. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. М. 2004, с. 504.
12. ПОКРОВСКИЙ Н. И. Мюридизм. Оттиск главы из докторской диссертации «Завоевание Северо-Восточного Кавказа», защищенной в 1939 г., с. 72; БЛИЕВ М. М., ДЕГОЕВ В. В. Кавказская война. М. 1994, с. 192—196; ПОКРОВСКИЙ Н. И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М. 2000, с. 245—259.
13. ВОЛКОНСКИЙ Н. А. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом. — Кавказский сборник. Т. 10. Тифлис. 1886, с. 7—8.
14. ПРУШАНОВСКИЙ К. И. Выписка из путевого журнала Генерального штаба штабс-капитана Прушановского. — Там же. Т. 23. Тифлис. 1902, с. 3.
15. ПОКРОВСКИЙ Н. И. Мюридизм, с. 68.
16. ФАДЕЕВ Р. А. 60 лет Кавказской войне. В кн.: Собрание сочинений. Т. 1. СПб. 1889, с. 21.
17. ЯНДАРОВ А. Д. Суфизм и идеология национально-освободительного движения. Алма-Ата. 1975, с. 51.
18. МАХМУДБЕКОВ М. Мюридическая секта на Кавказе. В кн.: Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Т. 24 Тифлис. 1889, с. 23.
19. ПОКРОВСКИЙ Н. И. Мюридизм, с. 63.
20. История России XIX — начала XX вв. Учебник для вузов. М. 1995, с. 199.
21. РУНОВСКИЙ А. И. Дневник Руновского. — Акты Кавказской археографической комиссии. Т. 12. 1904, с. 1496.
22. СМИРНОВ Н. А. Мюридизм на Кавказе. М. с. 58—59.
23. КАЗИЕВ Ш. Имам Шамиль. М. 2001, с. 46.
24. БЛИЕВ М. М., ДЕГОЕВ В. В. Ук. соч., с. 182—214.
25. Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Вып. 3. М. 2001, с. 29—30.
26. ГАММЕР М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М. 1998, с. 71.
27. БУШУЕВ С. К. О Кавказском мюридизме. — Вопросы истории. 1956, № 12, с. 74.
28. БЛИЕВ М. М., ДЕГОЕВ В. В. Ук. соч., с. 199.
29. Хроника Мухаммеда Тахира аль-Карахи. О Дагестанских войнах в период Шамиля. М.-Л. 1946, с. 6.
30. АКАЕВ В. Х. Ислам в Чечне: традиции и современность. В кн.: Чеченская Республика и Чеченцы. История и современность. М. 2006, с. 95.
31. РУНОВСКИЙ А. И. Дневник Руновского. — Ук. соч., т. 12, с. 1494.
32. АЛОВ А., ВЛИДИМИРОВ Н. Ислам в России. М. 1996, с. 100.

33. ПОТТО В. Кавказская война. Время Паскевича, или бунт Чечни. Т. 5. М. 2007, с. 24.
34. МАГОМЕДОВ Р.М. Шамиль в отечественной истории. Махачкала. 1990, с. 31.
35. СКИТСКИЙ Б.В. Классовый характер мюридизма в пору имамата Шамиля. Владикавказ. 1930, с. 113.
36. БЛИЕВ М.М., ДЕГОЕВ В.В. Ук. соч., с. 199—200.
37. ВЕЛИКАЯ Н.Н., ВИНОГРАДОВ В.Б. Лозунг чистоты ислама и народная культура (на примере Чечни половины XIX в.). — Кавказский Сборник, № 1(33), с. 132.
38. БАДДЕЛИ Дж. Завоевание Кавказа русскими. 1720—1860. М. 2010, с. 186.
39. Северный Кавказ в составе Российской империи. М. 2007, с. 118—119.
40. ЛЯХОВСКИЙ А. Зачарованные свободой тайны кавказских войн. Информация. Анализ. Выводы. М. 2006, с. 62.
41. ОСЛИ Э. Покорение Кавказа. Геополитическая эпопея и войны завлание. М. 2008, с. 61—62.
42. ВОЛКОНСКИЙ Н.А. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом: материалы Кизлярского архива. — Сб. общества любителей казачьей старины. Владикавказ. 1912, № 6, с. 16.
43. ВОЛКОНСКИЙ Н.А. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом. — Кавказский сборник. Т. 10. Тифлис. 1886, с. 6.
44. Там же, с. 6—9.
45. ПОКРОВСКИЙ Н.И. Мюридизм, с. 83.
46. ЕГО ЖЕ. Кавказские войны и имамат Шамиля. М. 2009, с. 273.
47. БЛИЕВ М.М., ДЕГОЕВ В.В. Ук. соч., с. 207.
48. РУНОВСКИЙ А.И. Дневник Руновского. — Ук. соч., т. 12, с. 1496. Сын шейха Джамал-Эдина, Абдурахман, сообщает в своих воспоминаниях, что его отец написал письмо к Гази-Мухаммеду, в котором советовал оставить такой образ действия, если он действительно является мюридом и последователем тариката. См.: Предисловие к рукописному сочинению Джамалудина о тарикате. — Сб. сведений о кавказских горцах, т. 2, с. 3.
49. ПОКРОВСКИЙ Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля, с. 273.
50. РУНОВСКИЙ А.И. Дневник Руновского. — Ук. соч., т. 12, с. 1498.
51. БЛИЕВ М.М. Кавказская война: социальные истоки, сущность. — История СССР. 1983, № 2, с. 62.
52. ХАШАЕВ Х.О. Общественный строй в Дагестане в XIX веке. М. 1961, с. 46.
53. Магомед Ярагский передал им свои познания, позволил распространять тарикат в Дагестане и выдал свою дочь за Гази-Магомеда.
54. РУНОВСКИЙ А.И. Дневник Руновского. — Ук. соч., т. 12, с. 1496.
55. КЕМПЕР М. Ук. соч., с. 281—282.

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

ББК 63.3.(2 Рос. -Даг.)Г22/УДК 94 (470.67)

К вопросу о возникновении г. Дербента.

М.Р. Гасанов

Аннотация. В публикации, с привлечением письменных источников, археологических материалов, опубликованных научных трудов раскрывается вопрос о возникновении г. Дербента. Благодаря близости к прикаспийской трассе территория, на которой возник Дербент, привлекала внимание различных стран и народов, а также многочисленных завоевателей. Археологические раскопки в Дербенте позволили совершенно по-новому взглянуть на историю возникновения этого города.

Ключевые слова: Дагестан, Восточный Кавказ, Каспийское море, прикаспийский путь, Дербент, Птолемей, Кавказская Албания, Закавказье.

Abstract. In publication, with involvement of written sources, archaeological materials, the published scientific works, the question of emergence of Derbent reveals. Due to the proximity to the Caspian route, the territory on which Derbent appeared attracted the attention of different countries and peoples, as well as numerous conquerors. Archaeological excavations in Derbent allowed a completely new look at the history of the city.

Key words: Dagestan, Eastern Caucasus, Caspian sea, Caspian way, Derbent, Ptolemy, Caucasian Albania, Transcaucasia.

В 2015 г. отмечалось 2000-летие Дербента, однако эта дата была выбрана без учета мнений специалистов. Тем не менее роль Дербента в истории Дагестана, Кавказа, в международных отношениях огромна, и вопрос о появлении этого населенного пункта требует дальнейшего исследования. В настоящее время существуют различные мнения о том, когда это произошло: 5000 лет назад, 3000 лет и т. д.

Надо отметить, что точной датой возникновения этого населенного пункта наука не располагает, а для определения приблизительного времени его появления большой интерес представляют сообщения греко-римских авторов и данные археологии.

Благодаря своей близости к прикаспийской трассе территория, на которой возник Дербент, с древнейших времен привлекала внимание

Гасанов Магомед Раджабович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Дагестанского государственного педагогического университета. Махачкала. E-mail: shamhalova.sonya@yandex.ru.

Hasanov Magomed R. — doctor of historical sciences, professor, head of the Department of Dagestan State Pedagogical University. Makhachkala. E-mail: shamhalova.sonya@yandex.ru.

многочисленных завоевателей, особенно урартских, а затем ахеменидских правителей.

Походы урартов в сторону Каспийского прохода участились в период правления царя Аргишти I (786—764 гг. до н. э.). Академик И. И. Мещанинов писал, что в Урартской клинописи VIII в. до н. э. приводятся данные о протогородах Восточного Кавказа, захваченных урартами, которые впоследствии трансформировались в города.

В VII в. до н. э. Прикаспийский путь был известен кочевникам, которые совершали по нему набеги в Закавказье и Переднюю Азию, принуждая правителей искать способы защиты своих северных границ. Наиболее вероятным временем появления первых укреплений в Дербентском проходе является период правления Ахеменидов, создавших огромную Персидскую державу, границы которой вплотную подходили к Дербентскому проходу.

О Каспийском море и Каспийском проходе были осведомлены многие античные авторы. К середине I тыс. до н. э. относятся сведения Геродота о Каспийском море, о его ширине и длине, а также о племенах Кавказа. Он писал, в частности: «Много разных племен обитает на Кавказе»¹. Одно из древних племен Восточного Кавказа — племя каспиев. Полагают, что до возникновения Кавказской Албании на территории Восточного Кавказа существовало крупное объединение каспиев — Каспиана, в составе которого были различные племена и населенные пункты. Каспии входили в одиннадцатую сатрапию Дария, а также находились в составе войска Ксеркса. Союз каспиев включал в себя и другие племена Восточного Кавказа, в частности албан, утиев, легов и др.² О стратегическом и торгово-экономическом значении Каспийского прохода свидетельствует тот факт, что Александр Македонский готовился к походу в этот регион.

С возникновением Кавказской Албании античные авторы в своих сочинениях наряду с Каспийскими упоминали и Албанские ворота. О Каспийских воротах Диодор Сицилийский писал, что это «весьма узкий проход, называемый поэтому Каспийскими воротами»³. Античные авторы Страбон (I в. до н. э. — I в. н. э.)⁴, Схоли к Лукану (I в. н. э.)⁵, Плиний (I в. н. э.)⁶ и др. в своих сочинениях часто упоминают о Каспийских воротах. Термины античных авторов о них профессор К. В. Тревер переводил как «двери», «ворота», «проход», «вход»⁷.

Сведения об Албании, албанских городах содержатся в сочинениях античных авторов. Об Албании говорится у Страбона, но о городах этой страны он почти ничего не сообщает, упоминая лишь города Айниана и Анариака в области Ути. Однако это не означает, что других городов не было. Информация античных авторов отрывочна, многие сочинения сохранились только фрагментарно, в пересказах более поздних авторов. В некоторых сочинениях вымысел иногда неотделим от реальных географических и исторических данных. Зачастую авторы механически соединяли в своих произведениях разновременные источники. Наибольший интерес для определения времени возникновения Дербента представляет сочинение Клавдия Птолемея «Географическое руководство», в котором говорится о 29 населенных пунктах Кавказской Албании. У автора выделены четыре города Ал-

бании — Телаба, расположенный в устье реки Герр; Гелда — в устье реки Кесия; Албана — в устье реки Албана; Гетара — в устье реки Кир. Эти города были наиболее значительными культурно-экономическими и политическими центрами, игравшими важную роль в истории Кавказской Албании. Город Гелда локализуется у Дербентского прохода. Кроме того Птолемей дает список больших населенных пунктов. С.А. Ковалевский, интерпретируя карту Птолемея, город Гелду локализует у Дербента, считая, что этот город был столицей гелов ⁸.

Касаясь даты возникновения Дербента, следует отметить, что в науке существуют общепринятые принципы и нормы определения возраста того или иного населенного пункта. Основными из них являются хронологическая непрерывность и историческая преемственность развития.

Археологические исследования иллюстрируют городскую жизнь Албании. Наиболее крупные городища албанского времени с цитаделями В.Г. Котовичем рассматривались в качестве городов ⁹. Городом албанского времени считает А.А. Кудрявцев и Дербент, сопоставив его, вслед за Ковалевским, с городом Гелда Птолемея ¹⁰.

Широкие археологические раскопки, под руководством А.А. Кудрявцева и М.С. Гаджиева, впервые начатые в Дербенте экспедицией Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, позволили совершенно по-новому взглянуть на историю этого древнего города, открыв многие неизвестные страницы его существования. Первое поселение, относящееся к куро-аракской культуре, возникло в районе Дербента в эпоху ранней бронзы — на рубеже IV—XII тыс. до н.э., то есть пять тысяч лет назад ¹¹.

На территории Дагестана выявлены Урцекское, Дербентское, Таргунское, Шамшахарское, Верхнелобкомахинское, Андрейаульское, Сигитминское и другие городища, которые появлялись на месте укреплений скифского времени. Процесс становления городов или поселений городского типа наиболее интенсивно протекал в середине I тыс. до н.э. К остаткам городов или городских поселений албанского времени относятся Дербентское, Урцекское, Таргунское, Чичикарское, Верхнелобкомахинское и другие городища. Одним из них является также Белиджинское или Турпагкалинское (Торпахкалинское) городище в Дербентском районе ¹². Некоторые из них сопоставляются с известными по письменным источникам городами Кавказской Албании ¹³. По мнению ученого-энциклопедиста В.Н. Татищева, Дербент был преемником г. Албана — столицы Кавказской Албании ¹⁴.

Большой интерес для изучения Дербента представляют раскопки, проведенные в 1970—1980-е гг. Кудрявцевым ¹⁵. В капитальной монографии проф. Гаджиева «Древний город Дагестана. Опыт историко-топографического и социально-экономического анализа» (М. 2002) на основе анализа разнообразных источников античных авторов, а также археологического материала отмечается, что «в настоящее время в исторической науке сложились две точки зрения на время начала процесса урбанизации местного общества, возникновения древнего (раннего) города на территории Дагестана. Согласно одной из них, древний город (или протогород, по терминологии автора. — М.Г.) формировал-

ся уже в скифское время (VII—IV вв. до н.э.), а в последующий период, к концу I тыс. до н.э., он превращался в город как таковой с «выразительными городоопределяющими признаками». Согласно другой версии, время становления и развития первых городов в этом регионе приходится на албано-сарматский период (III в. до н.э. — III в н.э.) — время вхождения значительной части Дагестана в состав первого государственного образования на территории Восточного Кавказа — Кавказской Албании»¹⁶.

Появление городов является одним из важнейших показателей существования государства, ибо родоплеменной строй исключает их возникновение. Города свидетельствуют о довольно высоком уровне социально-экономического развития общества. Их возникновение связано также со вторым общественным разделением труда — отделением ремесла от земледелия. Уже в середине I тыс. до н.э. в Албании этот процесс в основном завершился, и общество достигло того уровня развития, когда возникновение города становится необходимостью.

Дагестанские города эллинистического времени (этот период охватывает период с 30-х гг. IV в. до н.э. по 30-е гг. до н.э.) по многим своим параметрам аналогичны городам сопредельных территорий¹⁷. На основе глубокого и всестороннего анализа источников и литературы видные ученые В.В. Массон и Р.М. Мунчаев пришли к выводу: «Становление классового общества и государственности в Кавказской Албании завершается в послеурартское время. Предпосылки для возникновения городов в Албании сложились к середине I тыс. до н.э. Городские центры античного времени зафиксированы в Шемахе, Мингечауре, Тазакенте и в северной части страны, на территории Дагестана (Дербент и др.)»¹⁸.

Изложенный материал дает основание полагать, что Дербент возник на базе одного из албанских населенных пунктов, конкретно — на основе древнеалбанского города Гелда, следовательно Дербенту не 2000, а более 2300 лет.

Примечания

1. Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. Ростов-на-Дону. 1990, с. 20.
2. История Дагестана. Т. I. М. 1967, с. 103.
3. ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ. Историческая библиотека. В кн.: Кавказ и Дон в произведениях античных авторов, с. 143—144.
4. СТРАБОН. География в семнадцати книгах. М. 2004, с. 294, 311.
5. СХОЛИИ К ЛУКАНУ. Бернские Схолии. — ВДИ (название журнала полностью?), 1949, № 2. с. 334.
6. ПЛИНИЙ Г. Естественная история. В кн.: Кавказ и Дон в произведениях античных авторов, с. 215.
7. ТРЕВЕР К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.-Л. 1959, с. 274.
8. КОВАЛЕВСКИЙ С.А. «Карта Птолемея» в свете исторической географии Прикаспия. — Известия Всесоюзного географического общества. Т. 85. Вып. I. М.-Л. 1953, с. 31—48.
9. КОТОВИЧ В.Г. О процессе урбанизации в древнем Дагестане. Крупновские чтения: Тезисы докладов. Черкасск. 1977, с. 17.
10. КУДРЯВЦЕВ А.А. Город, не подвластный векам. Махачкала. 1976, с. 20.

11. ГАДЖИЕВ С. М. Дербент — памятник мировой истории и культуры. — Вестник Института ИАЭ ДНЦ РАН. 2015, № 1, с. 6.
12. ИСАКОВ М. Археологические памятники Дагестана. Махачкала. 1966, с. 15; БАБАЕВ И. А. Города Кавказской Албании в IV в. до н.э. — III в. н.э. Баку. 1990, с. 26.
13. АБАКАРОВ А. И., ДАВУДОВ О. М. Археологическая карта Дагестана. М. 1993, с. 70.
14. ТАТИЩЕВ В. Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской. В кн.: ТАТИЩЕВ В. Н. Избранные произведения. Л. 1979, с. 159.
15. КУДРЯВЦЕВ А. А. Древний Дербент. М. 1982. ЕГО ЖЕ. Пути развития северокавказского города по материалам Дербента домонгольской поры. Ставрополь. 2003.
16. ГАДЖИЕВ М. С. Древний город Дагестана. М. РАН. 2002, с. 24.
17. ДАВУДОВ О. М. Материальная культура Дагестана албанского времени. Махачкала. 1996, с. 316.
18. Древние цивилизации. М. 1989, с. 170—171, 176—177.

Древние королевские прерогативы и парламент в XVI—XVII вв.: столкновение интересов.

Ю.И. Царёва

Аннотация. В Англии королевские прерогативы тесно взаимосвязаны с финансовыми поступлениями в казну. Изменение их границ всегда приводило к увеличению или уменьшению доходов короля. В публикации речь пойдет о наиболее древней королевской прерогативе провианта и подвод и о противоречиях, возникавших между королями и английским парламентом.

Ключевые слова: Англия, финансовая политика, королевские прерогативы, право провианта и подвод, статут, прокламация, парламент, налогообложение, рельеф.

Abstract. In England, royal prerogatives are closely interrelated with financial revenues to the treasury. Changing the boundaries of royal prerogatives has always led to an increase or decrease in the revenues of the king. The article will deal with the most ancient royal prerogative purveyance and preemption and contradictions that arose between the kings and the English parliament.

Key words: England, financial policy, royal prerogatives, purveyance and preemption, Statute, Proclamation, Parliament, taxation, relief.

Королевские прерогативы включают права (как, например, заключать договоры или посылать послов) и обязанности (например, оборонять королевство). Исследователи подразделяют прерогативы на ординарную и абсолютную (экстраординарную)¹, иногда добавляя прерогативу по Божественному праву и феодальную². Экстраординарная прерогатива короля (для осуществления которой парламентское одобрение не нужно) — объявлять войну, заключать мир, обсуждать условия и ратифицировать договоры, союзы, международные соглашения. Для осуществления экстраординарной прерогативы королевской власти существовал специальный вид документа, издававшегося королем и имевшего силу закона, —

Царёва Юлия Игоревна — кандидат исторических наук, доцент Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАН-ХиГС). E-mail: sousova83@mail.ru.

Tsareva Yulia I. — PhD, associate professor of the Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА). E-mail: sousova83@mail.ru.

Прокламация. В отличие от экстраординарной прерогативы, наделявшей монарха правом действовать исключительно по своему усмотрению, ординарная прерогатива предполагала обязанность короля согласовывать свои действия с парламентом. Королевские прерогативы являлись также основаниями для различных финансовых поступлений и повинностей в пользу короны со стороны подданных.

Двенадцатая статья Великой Хартии Вольностей заложила основы финансовой прерогативы парламента в деле утверждения налоговых биллей, а в XIV в. парламент уже добивался права контроля над расходованием королевских средств и требовал от казначейства предоставления отчетов (так называемых казначейских свитков — Pipe rolls). А казначейские свитки, как известно, содержат не только суммы поступлений в казну (Tresury) по *основным* видам королевских доходов, но также списки расходов, таких как: платежи за использование прерогативы провианта и подвод, заработные платы королевских слуг, платежи за благоустройство королевских домов и имений, королевские подарки (Рождественские и пр.), расходы на охоту, выплаты наемникам и затраты на мешки и контейнеры для транспортировки королевской казны. Но все же корона старалась сохранить за собой право на сбор доходов в обход парламента: по экстраординарной, феодальной и божественной прерогативам королевской власти.

Прерогатива провианта и подвод была одной из самых обсуждаемых прерогатив короля в парламентах в первой половине XIV в. и явилась одной из причин неудачной налоговой реформы периода правления Эдуарда VI Тюдора.

Итак, на какие же доходы мог рассчитывать король в рамках ординарной прерогативы или, другими словами, с согласия парламента? Лишь на прямые налоги, которые парламент вотировал чаще всего на военные нужды. Ко времени прихода Генриха VII Тюдора к власти сложились две системы прямого налогообложения, которые использовались парламентом в рамках ординарной прерогативы. Первая составляла десятины и пятнадцатины, которые распределялись между приходами, согласно квотам, определенным описью 1334 года. Соответственно, при таком варианте обложения члены прихода сами распределяли между собой долю уплачиваемого налога в соответствии со своим доходом. Другая система налогообложения — парламентская субсидия — взималась только после проведения королевскими комиссионерами оценки имущества. Подобные субсидии вотировались парламентом в дотюдоровскую эпоху всего семь раз, и каждый раз попытки сбора подобных налогов не давали ожидаемого результата.

Сборы, поступающие в рамках абсолютной прерогативы короля, также связаны с ведением войны³. Прерогатива провианта и подвод относится именно к этому виду доходов и представляет собой право на реквизицию товаров и услуг по их доставке для королевского двора и королевских войск. Сложно точно сказать, когда английский король начал использовать прерогативу провианта для обеспечения королевского хозяйства, но это привело к созданию целого штата королевских провизоров. Первый Вестминстерский статут исключил из списков провизоров церкви и владения духовных лиц⁴. *Confirmatio cartarum* запрещал

брать лошадей и лес без оплаты (10 ш. в день за две лошади). *Articuli Super Cartas* 1300 г. требовал, чтобы королевские провизоры предъявляли предписания за малой королевской печатью, наделяющие правом сбора провианта⁵. В период Столетней войны прерогатива провианта, которую, согласно традиции, можно использовать лишь в период военных действий и для подготовки войск, трансформировалась в ежегодную повинность. В результате произошло разделение этой прерогативы и связанных с ней поступлений на два различных вида: первый — *great purveyance*, который использовался, согласно традиции, для обеспечения армии (этот вид сборов часто трактовался историками как военный займ — *forced loan*, или как талья, помощь — *talliage, aid*), и второй — *purveyance for king's household* — для обеспечения королевской семьи продуктами и необходимыми предметами⁶. В случае ведения войны назначение традиционного сбора происходило по личному распоряжению монарха путем издания Прокламации. Наибольшее сопротивление в парламенте вызывало право короны на принудительную покупку продуктов и товаров по определенной королевскими провизорами цене, а также на обеспечение лошадьми в пользу королевского дома. Данная прерогатива приводила к большим злоупотреблениям. За продукты и товары платили ордерами на казначейство. Отчеты казначейства нередко содержали упоминания о том, что провизорам давали взятки, лишь бы избежать вымогательств⁷.

При первых Тюдорах прерогатива провианта и подвод перестала на короткий срок регулироваться актами парламента и стала регулироваться королевскими прокламациями. Прокламации 1491 и 1495 гг. свидетельствуют о том, что Генрих VII использовал древнее право провианта и подвод для обеспечения армии (*great purveyance*)⁸. Но Генрих также сохранял прерогативу закупки провизии для своей семьи. Правда, в предшествующие времена парламент строго регламентировал это право серией актов. Статут 1331 г. разрешил провизорам приобретать товары только по ценам, установленным констеблем⁹. В 1336 г. провизорам разрешалось покупать или брать лишь продукты и предметы из списка, утвержденного городскими властями и заверенного печатью провизора¹⁰.

Статут 1362 г. разрешал королевским провизорам (которых переименовывал в *byers*) делать закупки только для короля и королевы, предусматривая наказание за использование права закупки провианта в целях личного обогащения¹¹. Актом парламента в 1400 г. королевским провизорам запрещалось расплачиваться ордерами на казначейство в случае, если сумма закупки составляла менее 40 фунтов стерлингов¹².

Но уже после смерти Генриха VIII и коронации его малолетнего сына Эдуарда в 1548 г. в парламенте началась дискуссия насчет Предложения по упразднению королевской прерогативы провианта¹³. В Предложении указывались три основные причины разорения и упадка благосостояния королевства: первой являлся недостаток в заводчиках скота и птицы в Англии, второй — то, что разведение скота и птиц сосредоточено в руках нескольких магнатов, использующих их в своих корыстных целях, третьей же являлась прерогатива провианта, согласно которой, королевские провизоры могли приобретать скот по фиксированным ценам (часто вдвое заниженным) и на специальные казначейские ордера (без оплаты деньга-

ми). Следовательно, нужно было обеспечить короля новым видом доходов и тем самым дать королевским провизорам возможность оплачивать королевские закупки деньгами. Новый вид доходов, который предполагалось взимать как раз с тех самых магнатов, — это налог на овец, впоследствии получивший название рельефа¹⁴. Составители Предложения предполагали, что данный налог сможет принести в королевскую казну 17437 ф. ст. 10 шиллингов¹⁵.

В 1549 г. парламент вотировал субсидию, как с мирян, так и с духовенства. Субсидия со священнослужителей составила 6 шилл. с фунта (30%) и должна была выплачиваться по 2 шилл. ежегодно в течение трех лет в Курию первых фруктов и десятин (то есть по 10% ежегодно)¹⁶.

Лорд-протектор также добился утверждения Акта о даровании королю рельефа, который следовало уплачивать в течение трех лет. На той же сессии парламент утвердил Акт о королевских провизорах, также на три года (1549—1552 гг.) приостановив право приобретения продуктов для снабжения королевского хозяйства и хозяйств принцесс — Марии и Елизаветы — за ордера на казначейство, и распорядившись об оплате наличными деньгами или долговыми расписками «по ценам, оговоренным с владельцами» продовольствия.

Рельеф складывался из трех основных частей. Первая из них состояла из традиционного налога на движимое имущество в размере 1 шилл. (12 пенсов) с фунта (5%) для англичан и 2 шилл. с фунта (10%) для иностранцев. Порог для уплаты налога для англичан был определен в 10 ф. ст., а для иностранцев — от 20 шиллингов. Причем, иностранцы, стоимость движимого имущества которых составляла не более 20, но меньше 10 ф. ст., уплачивали в казну 12 пенсов за 1 ф. ст. (5%). Иностранцы, не попавшие в списки оценщиков, должны были выплачивать подушный налог в размере 8 пенсов (платили все, кто достиг 12-летнего возраста). Вторая часть включала в себя налог на покупку ткани. Третья часть вотированного парламентом рельефа, оказалась, пожалуй, самым удивительным в истории Англии подушным налогом на овец¹⁷. Причем овцы, ранее включавшиеся в оценку движимого имущества, теперь оценивались отдельно. Таким образом, помимо прямого налога на стоимость движимого имущества, был введен косвенный налог на овец и шерсть, который показался некоторым налогоплательщикам гораздо более тяжелым для выплаты, чем предшествующие субсидии. Одна овца стоила примерно 1 шиллинг. Получается, что налогоплательщик уплачивал от 15 до 25% стоимости овец. При оценке движимого имущества налогоплательщик выплачивал не более 10%. Важным являлся тот факт, что налогообложению подвергались только хозяева овец, пасущихся на огороженных территориях (то есть бывших общинных полях и землях). Для сбора налога овцы делились на три категории, которые облагались по разным налоговым ставкам: за обычную овцу хозяева платили по 3 пенса за голову, за баранов — по 2 пенса, с овец, предназначенных для стрижки (то есть для получения шерсти), бралось три полпенсовика за голову. Размер налога зависел также от количества овец¹⁸. Налоговые ставки были распределены таким образом, что более крупные заводчики овец платили больший процент от стоимости отары (например, если владелец имел до 10 овец, то платил полпенни за каждую, а если в отаре насчитывалось более 20

голов, то владелец обязан был выплатить 1,5 пенса за овцу, то есть втрое больше)

Если прежде владелец платил от 5 до 10% от стоимости всей отары, то теперь он оплачивал каждую голову отдельно. Всего, по оценкам современников, в Англии насчитывалось около 3 млн. овец¹⁹ (население Англии составляло к 1541 г. около 2,77 млн. чел.). Неудивительно, что сбор налога на овец спровоцировал восстание на юге Англии²⁰. Налог на овец поступил в казначейство лишь единожды — 1 ноября 1549 года. Характерно, что восстания проходили в основном в четырех графствах — Корнуолле и Девоншире, Норфолке и Суффолке, то есть именно в тех графствах, которые, согласно исследованиям проф. Рожера Скоффилда²¹, переживали наибольший расцвет и богатели в течение XVI века. Однако само предложение королю со стороны парламентариев заменить его право на провиант правом сбора нового налога, свидетельствует о том, что королевская прерогатива, основанная на древних феодальных привилегиях, также признавалась ими.

Остальные налоги продолжали исправно собираться. Деньги поступили в казначейство 6 мая 1549 г., 20 апреля 1550 г. и 20 апреля 1551 года. Субсидия, собиравшаяся на четвертый год правления Эдуарда, состояла из налогов на стоимость движимого имущества, как англичан, так и иностранцев, и поступила в казначейство 10 апреля 1552 года. Налоговые ставки делили всех налогоплательщиков всего на три группы: те, чей ежегодный доход составлял от 1 до 10 ф. ст., уплачивали 8 пенсов с фунта; налогоплательщики с годовым доходом от 10 до 20 ф. ст. уплачивали 12 пенсов за каждый фунт; и третья категория включала всех, чей доход был оценен выше 20 ф. стерлингов. Последняя категория платила 16 пенсов с фунта. Интересно, что иностранцы обязывались платить не по двойной ставке, как в предшествующие времена, а лишь в 1,5 раза больше, чем англичане²². Иностранцы, неучтенные оценщиками (стоимость движимого имущества которых составляла менее 1 ф. ст.), оплачивали подушный налог в размере 8 пенсов.

Политика завышения таможенных пошлин за вывоз необработанной шерсти, которую начал проводить Генрих VII, способствовала возникновению национальной промышленности, что одновременно приводило к повышению цен внутри страны. В XVI в. главной отраслью английской промышленности стало сукноделие, и ему, прежде всего, Англия обязана ростом своего богатства. Анонимный автор оставшегося в рукописи памфлета под названием «Правдивое раскрытие причин упадка торговли и уменьшения количества денег в стране, с указанием средств против этого» (“A true discovery of the decay of trade and decrease of money with the remedies thereof”) назвал суконные предприятия «источником жизни и краеугольным камнем для всей торговли и промышленности королевства»²³.

В 1550-е гг. произошел специфический инфляционный бум в экспортной торговле сукном. Он был вызван порчей монет и падением курса английского фунта стерлингов (почти в три раза по отношению к фламандскому флорину).

В период правления Елизаветы особенно остро встал вопрос обеспечения королевского двора провизией. Иностранные купцы еще при

Эдуарде I были освобождены от этой тяжелой повинности. Генрих VIII заключил соглашение с исландскими рыбаками. Подобно ему, Эдуард VI и Мария Тюдор подписали договоры на поставку продуктов королевскому двору с несколькими графствами. При Елизавете I право на выкуп продуктов по низким ценам приобрело более масштабный характер²⁴. Лорд-казначей Уильям Сесил заменил (но не уничтожил!) непопулярный институт королевских провизоров на ряд договоров по обеспечению королевского дома между королевой и отдельными купцами и землевладельцами. Тем не менее, отказ отменить эту древнюю феодальную привилегию в 1580-е гг. вызвал недовольство в парламенте. К 1597 г. практически все группы купцов и все графства были охвачены договорами и задействованы в поставках королевскому двору.

Доходы, получаемые королем от двух видов привилегий — феодальной и абсолютной — Палата Общин после 1603 г. неоднократно предлагала заменить на ежегодный фиксированный налог, составлявший большие суммы²⁵.

Борьба между парламентом и королем в предреволюционный период и во время революции представляла собой борьбу именно за деньги. И соответственно за изменение границ королевских привилегий. Например, парламентарии добивались, чтобы таможенные пошлины собирались на основании не абсолютной, а ординарной привилегии короля. В этом случае при назначении таких сборов король вынужден был спрашивать согласия парламента. Всю конституционную борьбу, проходившую в период правления Тюдоров и вылившуюся в принятие целой серии актов, можно трактовать именно как стремление лишить короля возможности пополнять свою казну в обход парламента. Ординарная привилегия стала местом столкновения политических интересов персональной монархии и парламента по вопросам налогообложения.

Содержание документов, отразивших парламентские дебаты, показывает, что главным предметом споров между правительством и парламентом был именно характер того или иного финансового сбора. Король отстаивал свое право назначать таможенные пошлины без согласия парламента²⁶.

Воцарение Стюартов на английском троне, как известно, сопровождалось настойчивым желанием новой династии модифицировать придворные устои, покоившиеся, как полагал Яков I, на «консерватизме» Тюдоров. Помимо прочих преобразований новый монарх намеревался пересмотреть унаследованную от предшественников практику даровых коллективных трапез. При этом подобные трапезы сохраняли в его представлениях прежнюю консолидирующую монарха и его придворных функцию. Изменению должны были подвергнуться лишь механизмы, обеспечивающие их реализацию. Яков I намеревался уже осенью 1603 г. заменить практику соответствующих отчислений из личных средств монарха регулярными ежегодными дотациями из королевской казны в форме столовых денег для придворных, занимавших ординарные должности. При этом практика, связанная с преимущественным правом короля на закупку продуктов питания по фиксированным низким ценам, оставалась неизменной: придворные, в конечном счете, оплачивавшие свои трапезы с королем за счет дотаций и далеко не по той цене, по которой закупа-

лись предназначенные для этого продукты, обеспечивали монарху удачно скрытый дополнительный доход.

Общины уже давно обсуждали традиционные феодальные привилегии английской короны и не раз высказывались за их отмену. В отношении «льгот» на закупку продовольствия их воодушевлял опыт ряда графств, которые добились еще от Эдуарда VI освобождения от этой, «столь обременительной повинности», заменив ее ежегодной денежной композицией. При Эдуарде VI право на композиции получили лишь несколько центральных графств. Елизавета, значительно расширив эту практику, распространила ее и на северные графства²⁷. Очевидно, что сама перспектива сделать подобные композиции общеобязательными и объединить образующиеся в результате этого средства в одну из форм вотируемой субсидии виделась общинам наиболее желательной. Осенью 1604 г в парламенте проходили дебаты относительно замены права провианта и подвод денежными провизиями. Такого масштаба, как при Стюартах, они никогда не достигали. Яков I, а затем и его наследники будут активно использовать эту практику для пополнения королевской казны. К этому времени общая стоимость потребляемой королевской семьей продукции достигнет 50 000 ф. ст. в год. Привилегию на провиант для королевского двора отменяют лишь в 1660 году.

Как видим, столкновение интересов парламента и короля происходило на всех этапах английской истории: начиная с бешеного парламента 1258 г. и заканчивая событиями Великого мятежа, когда народ был объявлен источником власти, а также Славной революции, когда был окончательно законодательно оформлен порядок престолонаследия по протестантской ветви династии Стюартов. Этот сложный клубок противоречий включал в себя не только вопросы легитимности власти, но и важную финансовую составляющую. Пожалуй, можно сказать, что конституционное право Англии выросло из финансового права. Великая Хартия Вольностей, равно как и другие Акты, составляющие часть неписанной конституции Англии, имели в своей основе прежде всего финансовый интерес подданных.

И парламент, как правило старавшийся лишь изменить границы королевских привилегий, сделав, например, таможенные пошлины сферой ординарной привилегии короны, настойчиво пытался уничтожить привилегию провианта и подвод. Происходило это не только потому, что эта древнейшая из всех привилегий тяжким бременем ложилась на плечи всех английских подданных, но и потому, что ее основная суть не соответствовала представлениям английских парламентариев о справедливом и разумном налогообложении. Поэтому она и оставалась предметом наиболее ожесточенных столкновений английского парламента и короны на протяжении пяти веков.

Примечания

1. ТОМСИНОВ В.А. Привилегии королевской власти в Англии в первые десятилетия XVII века и Петиция о праве 1628 года. В кн.: Проблемы истории государства и права. Сб. научных трудов. М. 2009, с. 76—79; КЛОЧКОВ В.В. Общее право и проблема юри-

- дической фиксации прерогативных полномочий английской короны до конца XVII в. с точки зрения юридической техники. В кн.: Юридические технологии в правовой политике. Саратов-Таганрог. 2014, с. 55—62.
2. Феодалная прерогатива давала монарху возможность получать доходы от феодальных инцидентов (рельеф, доходы от прав опеки и согласий на замужество дочерей баронов, право на получение помощи от рыцарей). Юридической основой феодальных прерогатив короля стали древние законы королевства или Статуты.
  3. Следует отметить, что граница между двумя составляющими денежных поступлений — ординарной и абсолютной — довольно зыбкая. Существовал способ перевода одного вида доходов в другой. В период ведения войн король мог использовать процедуру антисипации, и средства, полученные от субсидии, засчитывались казначейством в качестве беневоленции или займа и поступали на оплату военных гарнизонов. Согласно сохранившимся документам, в сентябре 1522 г. путем антисипации было переведено из клерикальной субсидии 19436 ф. ст. 13 шилл. 6 пенсов.
  4. *The Statutes of the Realm*. V.I. Repr. L. 1963, p. 27.
  5. *Ibid.*, p. 137.
  6. JONES W.R. *War and the Community of the Realm in Late Medieval England*. — *Albion: A Quarterly Journal Concerned with British Studies*. 1975, vol. 7, № 4, p. 300—316.
  7. ROGERS T.E.J. *Six Centuries of Work and Wages. The history of English Labour*. L. 1884, p. 193.
  8. HEINZE R.W. *The proclamations of the Tudor kings*. Cambridge. 1976, p. 85—95.
  9. *The statutes at large, from Magna Carta, to the end of the last Parliament [1800]*, vol. 1, c. 3. p. 207.
  10. *The Statutes of the Realm*, p. 276.
  11. *The statutes at large, from Magna Carta ...*, c. 3, p. 308—309.
  12. *Ibid.*, p. 439.
  13. *Proposal to abolish the royal right of purveyance, 1548*. In: *Tudor Economic Documents*. Vol. II. L. 1924, p. 219—222.
  14. *Ibid.*, p. 219—220.
  15. *Ibid.*, p. 221.
  16. *The Statutes of the Realm*. Vol. IV. Cambridge. 1819, part. I, p. 74—76.
  17. *Ibid.*, p. 79.
  18. *Ibid.*, p. 78—93.
  19. *Proposal to abolish ...*, p. 221.
  20. BERESFORD M. *The Poll Tax and Census of Sheep, 1549*. — *Agricultural History Review*. 1953, vol. I, p. 9—29.
  21. SCHOFIELD R.S. *The geographical distribution of Wealth in England, 1334—1649*. — *The Economic History Review*. 1965, vol. 18, № 2, p. 483—510.
  22. *The Statutes of the Realm*, vol. IV, part. I, p. 74—79.
  23. Цит. по: Меркантилизм. Л. 1953, с. 148.
  24. WOODWORTH A. *Purveyance for the Royal Household in the Reign of Queen Elizabeth*. — *Transactions of the American Philosophical Society*, vol. 35, No. 1 (Dec., 1945), p. 1—89.
  25. Например, за выкуп права опеки королю предлагали 200 000 ф. ст. в год.
  26. ТОМСИНОВ В.А. Ук. соч., с. 88—91.
  27. WOODWORTH A. *Op. cit.*, p. 39—52.

Переселение арабов на территорию Азербайджана

Ш. Ш. Шарифов

Аннотация. Арабоязычные источники широко освещали конкретные факты переселения арабов в Азербайджан и прилегающие районы и их участие в различных войнах. Несмотря на сложность этнического состава населения исторического Азербайджана и тот факт, что средством общения среди населения были персидский и арабский языки, являющиеся языками захватчиков, возрастающее преимущество тюркского компонента послужило причиной постепенной ассимиляции арабов тюрками и их полной тюркизации. В тот период каждый принявший ислам, в первую очередь, являлся членом религиозной общины и только потом жителем того или иного места, представителем определенной нации.

Ключевые слова: Атропатена, Албания, Ардебиль, Баласаджан, Савалан.

Abstract. Arab-language sources have given a broad coverage of specific facts about the relocation of Arabs to Azerbaijan and surrounding areas and their involvement in various battles. Despite the complexity of the ethnic composition of the Azerbaijani population and the means of communication between them, despite the fact that the occupiers were Persian and Arabic at that time, the increasing advantage of the Turkish component was that the Arabs settled in the country gradually become assimilated and totally Turkic. Everyone who accepted Islam at that time, first of all, was a member of the religious community, then a resident of one or another place, a representative of any nation.

Key words: Atropatena, Albania, Ardabil, Balasacan, Savalan.

Разнообразие этнического состава населения Азербайджана можно объяснить как геополитическими факторами, так и политикой переселения. Когда территория современного Азербайджана была частью Сасанидской империи, сюда переселялись персы, а в эпоху Арабского халифата — арабоязычное население. Этот процесс начался во времена халифов династии Рашиди — Омара ибн аль-Хаттаба (634—644) и Османа ибн аль-Афвана (644—656) и привел к определенным изменениям в этнополитической ситуации в целом. Политика переселения осуществлялась арабами по трем направлениям: переселение самих арабов, новых тюркских племен, а также племен, не имевших отношения к тюркам¹.

Шарифов Шахлар Шахбаз оглы — доктор философии по теологии, ведущий научный сотрудник Института истории им. А. А. Бакиханова НАН Азербайджана. Баку. E-mail: shahlarsharifov@gmail.com.

Sharifov Shahlar Sh. — doktor of philosophy on thealogy, leading researcher at the Institute of History named after A. A. Bakikhanov. National Academy of Sciences of Azerbaijan. Baku. E-mail: shahlarsharifov@gmail.com.

Основными целями переселения были:

1. Укрепление власти халифата и обеспечение распространения ислама.
2. Отдаление от центральных провинций халифата арабских племен, недовольных властью халифа.
3. Сокращение государственных расходов за счет предоставления земельных и имущественных льгот тем, кто ранее содержался за счет государственной казны.

Для решения данных задач ряд арабских племен был переселен на территорию современного Азербайджана, где были созданы арабские гарнизоны и основаны новые поселения². Еще задолго до этого, в результате политики, проводимой Сасанидами в VI в., сформировалась новая категория населения семитского происхождения, и на означенной территории поселились евреи. Аль-Джусджани, один из самых известных авторов XIV в., дает информацию о переселении Хосровом Анушираваном I арабов из Сирии, Мосула и Аль-Джазиры в Дербент, который они были призваны защищать³.

В захваченных странах арабы занимали в основном крупные города и поселения, расположенные на пересечении основных дорог, и размещали там свои гарнизоны для обеспечения защиты коммуникаций. Основная же часть войск продолжала завоевательный поход⁴. Тем не менее, внимательно изучив арабоязычные источники, можно прийти к выводу, что арабы не покидали завоеванные страны, а оставались там жить.

Арабы, вышедшие за пределы Аравии и захватившие территорию Ирака, создали в городах Баср и Куфа военные гарнизоны⁵. В 639 г. Омар ибн аль-Хаттаб приказал начать движение из Куфы в направлении Азербайджана, Рее и Исфахана⁶. Как правило, арабы отправлялись в поход вместе с семьями. Этот факт подтверждается в работе средневекового историка аль-Вакити «Fütuhuş-Şam» («Завоевание Шама»)⁷.

Рей и Азербайджан являлись провинциями, в которые куфинские отряды совершали военные походы. В этих двух провинциях находилось войско, состоявшее из населения Куфы, общей численностью 10 тыс. чел., из которых 6 тыс. находились в Азербайджане, а 4 тыс. — в Рее. Каждый солдат участвовал в военных походах с промежутком в 4 года⁸. Во время этих походов некоторая часть оставшихся в живых воинов не возвращалась домой. Они и стали первыми представителями арабов, поселившихся в Азербайджане⁹.

Хотя завоевания и расселение арабов на новых территориях шли довольно быстрыми темпами, процесс укоренения ислама занял довольно много времени. Для захвата новых земель потребовались десятилетия, а для распространения ислама — период длительностью в 3 столетия¹⁰.

Массовое переселение и размещение арабского населения на недавно завоеванных землях началось лишь после укрепления в этих местах власти арабов¹¹. Халифы и их окружение, как морально, так и финансово поощряли завоевание новых территорий, включая территорию Азербайджана.

Для реализации этой цели применяли два основных метода:

1. Арабам прививали идею распространения ислама и очищения окрестных стран от неверных. Надо признать, что первые воины игра-

ли роль носителей исламских идей и нередко жертвовали своей жизнью. В исторических источниках содержится много информации об арабских воинах, ради указанной идеи покинувших свою родину, направившихся в Азербайджан, Персию, Хорасан, где они погибли, не сумев вернуться на родину.

2. Второй метод заключался в том, чтобы материально заинтересовать арабов-кочевников, которым обещали богатые трофеи в случае захвата новых стран ¹².

В арабоязычных источниках широко освещаются конкретные факты переселения арабов на территорию Азербайджана, а также их участия в различных битвах. Долгосрочные войны Халифата с Византией и Сасанидским государством превратили значительную часть кочевых арабов в профессиональных воинов. Тем не менее в военных соединениях в основном сохранялось родоплеменное разделение. В составе войск каждое племя было организовано как отдельный воинский отряд. Это препятствовало слиянию арабов с местным населением на начальных этапах завоевания.

Первая информация о вступлении арабских армий в Азербайджан в 642 г. была приведена халифом ибн Хайятом аль-Усфури. По его словам, Азербайджан был завоеван народом шама, которому помогло в этом население Куфы ¹³. Аль-Балазури сообщает, что завоевавшие Азербайджан арабы начали селиться в этих местах. Халиф Али ибн Абу Талыб выделил арабским племенам много земель, особенно в Ардебиле ¹⁴. Известный историк писал: «Во время правления халифа Османа (644—656), когда Валид ибн Укба приехал в Азербайджан, Ашас бен Кайс из племени Кинда был с ним. Через некоторое время, покидая Азербайджан, Валид ибн Укба назначил его правителем в Азербайджане. Но местные жители не приняли его и восстали против него. Ашас, который хотел подавить это восстание, попросил помощи у Валида. Тот же отправил ему на помощь большую армию, сформированную в Куфе. После подавления восстания с помощью посланных ему на подмогу войск, он приказал переселить в древний азербайджанский город Ардебиль арабов, получавших зарплату из “бейтул-мал” (казны), и приказал им привлекать местное население в ислам» ¹⁵.

В другом месте аль-Балазури сообщает: «После того, как арабы завоевали Азербайджан, арабские племена из Куфы, Басры и Сирии пошли туда и захватили столько земли, сколько смогли. Некоторые же купили земли не арабов. А после того, как охрана и защита тоже были возложены на них, жители этих деревень стали их слугами» ¹⁶. В трудах ученого не встречается информации о том, какое именно арабское племя первым переселилось на эти земли. Однако при изучении других источников становится ясно, что это были представители племен северной, средней и южной Аравии — кайситов, низаритов и кахтанитов.

Из информации, приведенной Якуби, выясняется, что до прихода к власти Аббасидов в Азербайджан переселяли низаритов, принадлежавших к северным племенам рабии и мудар ¹⁷.

После того, как в 643 г. в бою с хазарами был убит Абдул-Рахман из Куфы, возглавлявший передовые отряды Сураги ибн Амира, между его братом Салманом и прибывшим ему на помощь из Шама Хабибом ибн

Маслама начался конфликт за право возглавлять войско. Хотя конфликт был разрешен мирным путем, он стал первым признаком раскола в исламском мире ¹⁸.

В период правления Али ибн Абу Талыба процесс переселения арабов усилился. Аль-Балазури пишет, что халиф Али Ашас бен Кайс был назначен наместником в Азербайджане, где большинство населения уже приняло ислам и читало Коран. Ашас переселил в Ардебиль арабов, которые получали выплаты и являлись членами Дивана, и построил мечеть, которая впоследствии была расширена. После того, как арабы поселились в Азербайджане, их родственники из Куфы, Басры и Сирии тоже устремились в этот регион. Они получили столько земли, сколько могли иметь. Крестьяне, которые искали защиты у арабов, попали к ним в зависимость ¹⁹. Гудамма ибн Джафар сообщает, что местное население стало обрабатывать для них землю ²⁰. Согласно Ибн аль-Факиху, после захвата Азербайджана в 642 г. в период правления халифов Рашиди, племена из Египта и Дамаска поселились в Азербайджане, став землевладельцами ²¹.

На начальных этапах арабы либо размещались около городов, которые были покорены мирным путем с помощью переговоров, либо в городах и поселениях, захваченных в результате военных действий. Если на начальном этапе переселялись отдельные лица, то позже их примеру последовали целые племена. Вокруг арабских военных лагерей располагалось местное население. Они получали плату за услуги от арабских воинов, которые к тому времени уже захватили много добычи. Позже эти поселения превратились в деревни и города. А в старых городах, покоренных арабами, арабы жили в особых кварталах.

Отсутствует точная информация о том, какие именно арабские племена и куда были переселены после первого завоевания Азербайджана. Известно, что они не относились к определенной группе, а состояли из представителей различных арабских племен, а именно кайситов, низаритов и кахтанитов. В период Омейядов (661—750) предпочтение отдавалось северным племенам. По словам одного из арабоязычных авторов, аль-Якуби, до прихода к власти Аббасидов на юг Азербайджана переселялись только низариты из северных племен рабии и мудара ²².

На севере Азербайджана, в Арране, ситуация была иной. Арабы, которые вторглись в Арран, наряду с идолопоклонниками встретились здесь и с христианами (ахль ал-китаб). Поскольку христианство также считалось небесной религией, отношение арабов к христианам отличалось от их отношения к огнепоклонникам. В то же время арабы, которые завоевали Арран, столкнулись с таким сильным противником, как хазары. Чтобы сохранить власть арабы начали создавать рабаты. В них были собраны главным образом «мутававийя» (добровольцы), которые не получали жалования от халифа ²³. Содержание рабатов — военных поселений — ложилось на плечи местного населения.

После захвата Дербента арабы, осознав исключительную значимость Дербента для охраны северных границ, начали уделять больше внимания его укреплению. Маслама ибн Абдулмалик для обеспечения защиты границ халифата от набегов хазаров переселил из Сирии 24 тыс. арабов в военный гарнизон, находившийся в Дербенте, и обеспечивал их содержание из государственной казны ²⁴.

Аналогичным образом арабами были захвачены Барда, Бейлаган, Габала и другие города Аррана. Рабаты, созданные на этих территориях, содержались за счет деревень. Комментируя это, В. Бартольд отмечает: «Переселение арабов на захваченные земли в первую очередь проявлялось в создании военных лагерей, где жили наместники халифа, а во-вторых, в захвате кочевыми племенами определенной территории. В скором времени рабаты превратились в центр городской жизни и главным образом в места, где зарождался местный тип мусульманской культуры»²⁵.

Главная задача рабатов заключалась в укреплении авторитета и власти Халифата, защите границ от вражеских нападений и подавлении восстаний местного населения. Местное население должно было обеспечить их представителей жильем.

Хотя рабаты были созданы в Азербайджане во II половине VII в., интенсивное переселение арабов в Азербайджан приходится на первую четверть VIII века. Согласно аль-Балазури, в первой половине VIII в. в 40 фарсах от Тифлиса и в 20 фарсах от Барды Марваном ибн Мухаммадом был заложен город Касал (Газах). По его сведениям, еще во время правления халифа Османа в Шамкире были размещены арабские воины и их семьи. Вплоть до разрушения сийавурдами этот город был процветающим.

Разрушенный город был восстановлен под руководством Буга аль-Кебир в 854 г. в период правления халифа аль-Мутавакия (847—861)²⁶.

Как отмечают арабские историки, арабы, захватившие земли Аррана, раздавали их своим солдатам. Заняв Дербент, они сразу осознали, что этот город имеет очень важную стратегическую позицию на северной границе Халифата. Поэтому здесь они содержали сильный гарнизон для защиты от набегов хазар. Согласно аль-Балазури и Гудаме ибн Джафару, Маслама ибн Абдулмалик переселил сюда 24 тыс. чел. из провинции Дамаск²⁷.

В период правления Омейядского халифа Валида I ибн Абдулмалика (705—715) 40 тыс. чел. были переселены из Сирии в Дербент²⁸.

В результате состав городского населения стал очень разнообразным с точки зрения этнической и религиозной принадлежности. С религиозной точки зрения, население делилось на три группы: мусульмане, христиане, евреи. Преобладали мусульмане. В 734 г. Маслама ибн Абдулмалик, в 730 г. вновь назначенный Омейядским халифом Хишамом ибн Абдулмаликом (724—743) наместником в Азербайджане, разделив город на 7 кварталов в соответствии с названиями различных арабских племен, приказал построить для каждого из них мечеть²⁹. Одной из этих мечетей была Джума мечеть, которая, согласно надписи на камне, была построена в 115 г. по Хиджри (733—734 г.)³⁰.

В середине VIII в., в период правления Аббасидского халифа Абу Джафара Мансура Даваниги (754—775), после назначения правителем Азербайджана Йезида ибн Усейда сюда из Дамаска, Аль-Джазиры и Мосула были переселены 7 тыс. арабов, включая их семьи³¹.

Халиф Харун ар-Рашид (786—809) в 786 г. направил в окрестности Дербента совместно с 2 тыс. чел. Джейхуна ибн Наджми, а через три года — Хазимата ибн Хазими³².

Во время правления Аббасидского халифа аль-Мутамидина (870—892) для снабжения Дербентского гарнизона бакинской нефтью была вы-

делена отдельная сумма, исполнение же этого поручения было возложено на Мухаммеда ибн Аггара³³.

Одни из шести входных ворот города назывались «Тюркманские ворота», а другие — «Баятские ворота». По словам одного из арабоязычных авторов — аль-Мукаддаси — трое из ворот открывались в сторону Хазарского каганата. Также были ворота, открывавшиеся в сторону Каспийского моря и исламских земель³⁴.

Несмотря на некоторые различия в версиях книги «Дербентнаме», написанных на разных языках, их общий контент почти идентичен и дает подробное описание переселенческой политики, реализуемой арабами в Дербенте и Ширване³⁵. В тюркоязычном экземпляре «Дербентнаме», представленном 23 августа 1722 г. Имамгулу ханом Петру I, повествуется о поселении в Ширване Масламой ибн Абдулмаликом своих людей, а также переселении Абу Джафаром ал-Мансуром Давиниги в Дербент 17 тыс. арабских семей, проживавших между Мосулом и Дамаском³⁶.

В 30-х гг. VIII в. разделивший Дербент на 4 части между солдатами из Дамаска, Хомса, Аль-Джазиры и Палестины Маслама ибн Абдулмалик назначил сюда наместником Карира ибн Сувейда ас-Салаби³⁷. Согласно аль-Масуди, арабы, которых поселил тут Маслама ибн Абдулмалик, принадлежали к племени хашимитов³⁸.

Люди, назначенные самим Абдулмаликом, распоряжались окрестными землями, а религиозные служители проповедовали среди местного населения ислам³⁹.

После завершения завоевания большая часть воинских частей была размещена на северной границе Халифата. В этот период были созданы специальные военные лагеря, позже превратившиеся в укрепленные города, а в горных проходах были созданы специальные пункты — «бабы». Создавая их, арабы использовали опыт правителей Сасанидов, которые контролировали эти территории до них.

Земли, завоеванные арабскими колонистами, не могли считаться собственностью поселившихся там воинов. Политика переселения, проводившаяся во времена правления халифов Рашиди (632—661) и Омейядов (661—750), а также роль арабских воинов в войне с хазарами оставили глубокий след в памяти населения Азербайджана. Могилы некоторых из них ныне находятся на кладбище «Гырхлар» недалеко от Дербента⁴⁰.

Форма феодальной эксплуатации — издольщина, широко распространенная в период раннего Халифата, не утратила своего значения и в период Аббасидов. Большая часть населения Азербайджана предоставляла свои земли и деревни под защиту арабским племенам, а сами превращались в издольщиков или их *мавали* (неарабы, принявшие ислам).

В арабоязычных источниках об этом повествуется следующим образом: «Варсан был контрольным пунктом, он был построен по указу Марвана ибн Мухаммада ибн Марвана ибн аль-Хакама, даровал он жизнь своей земле, укрепил здесь свои позиции и город стал его собственностью. Позже Варсан был отобран от Омейядов и был отдан дочери Аббасидского правителя Абу Джафара аль-Мансура Умму Джафар Зибейде.

Люди, которые правили собственностью от имени Зибейды, позже разрушили стены города, но в последнее время их отремонтировали и восстанавливали. Аль-Варсани был одним из *мавали* Зибейды... Жите-

ли Мараги были вынуждены искать защиты у Марвана. Он восстановил город... а затем вместе с другими владениями Омейядов он был передан одной из дочерей халифа Харуна аль-Рашида. ...

В Маранде сначала обосновался Халбас Абул-Байис, затем там жил аль-Байис, а после него, его сын Мохаммед ибн Байс укрепил его... Урмию захватил мевла племени аль-азд Садака ибн Али Садака ибн Динар... В Тебризе сперва поселился ар-Раввад ибн аль-Мусанна аль-Азди, затем аль-Ваджнау ибн аль-Раввад, они построили дома, укрепили крепостные стены и разместили там людей из своего племени.

Аль-Майанидж и Джилбайа — это места, где жили аль-хамданиты. Магал Барза был захвачен аль-авдитами. В Наризе... со своими детьми поселился Мурр ибн Амр аль-Мавсили ат-Таи, который после облагородил эти места. Они построили рынок в Джабраване, а затем расширили его. Султан передал им управление городом, и они правили им, не подчиняясь амилю Азербайджана... В Сарате поселились киндиты. Они из рода пришедших сюда с аль-Ашасом ибн Кайсом»⁴¹.

Этот факт подтверждается также другим автором арабского происхождения — Якуби: «Аббасидский халиф Абу Джафар аль-Мансур назначил наместником в Азербайджане Язида ибн Хатима аль-Мухаллаби. Он же переселил сюда йеменитов из Басры. Он был первым, кто переселил сюда южные племена из Йемена. Ар-Раввад ибн аль-Мусанна аль-Азди был поселен на территории от Тебриза до База, Мурр ибн Амр аль-Тайни — в Наризе, а аль-хамданиты — в аль-Майанидже.

Южные племена из Йемена были расселены в Азербайджане таким образом, что здесь не осталось ни одного низарита, кроме аль-Саффара ибн аль-Лейса аль-Утби и его двоюродного брата аль-Баиса ибн Халбаса⁴². Эти арабские племена, которые должны были стать основой Халифата, зачастую сами восставали против его власти, используя недовольство местных народов непрерывными войнами и тяжелым налоговым гнетом.

В результате переселений, начавшихся в ранний период арабских завоеваний, проводилась политика заселения этих областей наряду с войнами, основная цель которых была охрана пограничных территорий, внесенными в списки *ата* и *дивана* арабами, то есть теми, кто получали пенсии из государственной казны⁴³.

С приходом к власти Омейядов усилился процесс переселения на эти земли тех племен, которые считались опорой династии, а именно — низаритов. Переселение в 30-е гг. VIII в. в пограничную провинцию Дербент 24 тыс. арабов из Палестины, Дамаска и Аль-Джазиры послужило значительному усилению арабского элемента в этническом составе местного населения⁴⁴.

Таким образом, по данным источников, переселение арабов в Азербайджан началось во времена правления халифов династии Рашиди. Арабы, поселившиеся на южных территориях Азербайджана, в скором времени заняли и северные области.

После падения династии Омейядов пришедшие к власти в Халифате халифы династии Аббасидов с помощью южных племен стали вытеснять обосновавшиеся в Азербайджане северные племена, несмотря на их сопротивление.

Можно утверждать, что начавшееся в VII в. арабское завоевание, непрерывные арабо-хазарские войны, происходившие на территории Азербайджана, увеличение численности арабов, переселенных сюда с приходом к власти в середине VIII в. династии Аббасидов, результаты исламизации и григорианизации определенных областей стали причинами развития арабского языка наравне с преобладающим среди азербайджанцев тюркским, а также сохранившимся со времен Сасанидов персидским языком. В последующие века, несмотря на употребление арабского языка, преобладающего в литературном и научном творчестве, тюркоязычное население Азербайджана, как и в древние времена, создало произведения фольклора, отражающие отношение народа к историческим событиям.

Примечания

1. АГАЕВ. Р.А. Население Азербайджана в период арабского халифата. Баку. 2017, с. 210
2. ДОСТИЕВ Т.М. Этно-культурные процессы в севере-восточной Албании в раннем средневековье. — *Bakı Universitetinin Xəbərləri. Humanitar elmlər seriyası.* 2013, № 2, с. 59.
3. АЛИЕВА Н.А. Научные связи и учебная деятельность азербайджанских ученых в средние века. Баку. 2015, с. 9.
4. БУНЯДОВ З. Азербайджан в VII—IX веках. Баку. 1989, с. 162.
5. КОЛОСНИКОВ А.И. Завоевание Ирана арабами. М. 1982, с. 184.
6. ТАБАРИ Абу Джафар Мехаммед ибн Джарир. Ат-тарих, I—XII в. Т. V. Каир, с. 137.
7. ВАКИТИ Абу Абдуллах Мухаммед ибн Омар. Футухуш-Шам. Бейрут. 1997, с. 186—197.
8. БУНЯДОВ З. Ук. соч., с. 163.
9. АГАЕВ. Р.А. Ук. соч., с. 213.
10. КЕННЕДИ Х. Великие арабские завоевания. М. 2010, с. 13—14.
11. БУНЯДОВ З. Ук. соч., с. 163.
12. АГАЕВ. Р.А. Ук. соч., с. 213.
13. Халиф ибн ХАЙЯТ аль-УФСУРИ. Ат-Тарих. Риад. 1985, с. 151.
14. БАЛАЗУРИ Ахмед ибн Йахя ибн Джабир. Футухл-булдан. Лейден. 1866, с. 327.
15. Там же, с. 328.
16. Там же, с. 329.
17. БУНЯДОВ З. Ук. соч., с. 164.
18. АЛЬ-КАДАРИ Аю. *Kitab Asare Dağestan.* Петербург. 1902 (древний алфавит), с. 26—27.
19. АГАЕВ Р.А. Ук. соч, с. 215—216.
20. ГУДАМА ибн ДЖАФАР аль-хас вас синаетил китабат. Багдад. 1981, с. 380; БАЛЕМИ Абу Али Мухаммед. История Балами. Тегеран. 1341, с. 103—104.
21. Ибн аль-ФАГИХ Абу Абдуллах Ахмед ибн Ицхак Хамадани. Китаб аль-булдан. Бейрут. 1996, с. 581.
22. БУНЯДОВ З. Ук. соч., с. 164.
23. ЕГО ЖЕ. Из истории Кавказской Албании VII—VIII вв. В кн.: Вопросы истории Кавказской Албании (Сб. статей). Баку. 1962, с. 173.
24. БУНЯДОВ З. Азербайджан в VII—IX веках, с. 164.
25. Там же, с. 165.
26. ЕГО ЖЕ. Из истории Кавказской Албании VII—VIII вв., с. 175.
27. БАЛАЗУРИ Ахмед ибн Йахя ибн Джабир. Ук. соч., с. 208; ГУДАМА ибн ДЖАФАР аль-хас вас синаетил китабат. Багдад. 1981, с. 333.
28. Дербентнаме. Баку. 2010, с. 20; Тарихи Дербенд-наме. Баку. 2011, с. 69—70.
29. Дербентнаме, с. 32—33; Тарихи Дербенд-наме, с. 69.
30. АГАЕВ. Р.А. Ук. соч., с. 219.
31. АЛЬ-КАДАРИ Аю. Ук. соч., с. 37.
32. Там же, с. 41.
33. Там же.

34. АЛЬ-МУКАДДАСИ Абу Абдуллах Мухаммед аль-Мукаддаси. Ахсанат-тагасим фи марифатиль-агалим. Лейден. 1967, с. 95.
35. ШИХСАИДОВ А.Р. Историческая хроника «Дербенд-наме» в ев ропейской историографии (Я. Рейнегтс, Ю. Клапорт). В кн.: Средневековый Восток: Проблемы историографии и источниковедения (сб. статей памяти Героя Советского Союза, академика З.М. Бунятова). Баку. 2015, с. 373.
36. Дербентнаме, с. 373.
37. АСАМ АЛЬ-КУФИ Абу Мухаммад Ахмад ибн Али Куфи Асам. Китабель-футух. Аль-джуз ус-сабиу вес-самини. Бейрут. 1991, с. 259.
38. АЛЬ-МАСУДИ Абуль-Хасан Али ибн Хусейн. Муруджус-захаб. Аль-джуз ул-еввел. Бейрут. 1325, I, с. 137.
39. АЛИЕВА Н.А. Роль арабо-язычной литературы в изучении научно-культурной среды Азербайджана (XI—XIII века). Баку. 2015, с. 81.
40. ЗЕЙНАЛОГЛУ С. Краткая история Азербайджана. Баку. 1992, с. 15.
41. БАЛАЗУРИ Ахмед ибн Йахя ибн Джабир. Ук. соч., с. 330—331; ИБН АЛЬ-ФАГИХ Абу Абдуллах Ахмед ибн Исхак Хамадани. Мухтасар китаб аль-булдам. ВГА, с. 5. Leyden. 1880, с. 284—285; ВЕЛИХАНЛЫ Н.М. Азербайджан в VII—XII веках: история, источники, публикации. Баку. 2016, с. 57—58.
42. ЯКУБИ Ахмед ибн Вазех. История. Т. 1—2. Leyden. 1883, т. II, с. 449.
43. БАЛАЗУРИ. Ахмед ибн Йахя ибн Джабир. Ук. соч., с. 328.
44. Там же, с. 207; ГАРНАТИ Абу Хамид аль-Андалуси. Тухфатуль-альбаб. Париж. 1925, с. 82.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Н.И. ДЕДКОВ, Г.А. БОРДЮГОВ, Е.И. ЩЕРБАКОВА и др. *История для экономистов*. Интегрированный учебный комплекс для студентов экономических специальностей вузов Российской Федерации. Т. 1. М. АИРО-XXI. 2016. 928 с.; Т. 2. М. АИРО-XXI. 2018. 1056 с.

Объемный двухтомный учебник всеобщей и российской истории для студентов-экономистов под общей редакцией А.Д. Некипелова и С.Н. Катырина представляет собой первую в своем роде попытку изложения исторических знаний с учетом специфики основной вузовской специальности.

С одной стороны, задумка авторского коллектива понятна: систематизировать исторический материал таким способом, чтобы предложить будущим экономистам контекст, необходимый для более точного понимания истории экономики, и в то же время не превращать курс из содержательного исторического в специальную дисциплину, описывающую прошлое какой-то отрасли человеческой деятельности — в данном случае экономической. То есть история для экономистов не только не сводится к истории экономики, но и представляет собой классическую историческую дисциплину. В этом смысле продуктивными могут оказаться и другие исторические курсы. Не исключено появление со временем истории для биологов, географов и геологов, и это были бы перспективные курсы, позволяющие людям с естественнонаучными взглядами на мир систематизировать и приобретать заново сведения о прошлом своей страны и мира в целом. Не выглядит абсурдной и попытка адресного преподавания истории для изучающих физико-математические дисциплины, а уж тем более — для филологов или психологов. Причем каждая из таких «историй для кого-то» способна обогатить и классическую историческую науку — хотя бы уже просто нестандартным пониманием, казалось бы, вполне хрестоматий-

ных фактов. И главное, что такого рода профилированием удастся избежать архаичной подачи необходимого минимума знаний по истории для получающих неисторическое образование. Любые попытки вычленения подобного минимума обречены в лучшем случае на повтор школьных учебников (разве что языком, рассчитанным на более взрослую аудиторию), а в худшем — на создание засушенной схематичной картинки, далекой от действительности, трудно усваиваемой и способной лишь задавить интерес молодых людей к прошлому.

С другой стороны, небеспочвенны и сомнения по поводу того, насколько корректным может быть преподавание истории с прицелом на основную специализацию обучающегося. В какой мере оправдано урезанное и отформатированное под заданный ракурс изложение сложного и многофакторного процесса, который должен быть в равной степени доносимым и для экономистов, и для инженеров, и для врачей? Не окажется ли такой адресный курс искаженным? Подобные сомнения становятся еще более правомерными, если учесть современную общемировую (во всяком случае, свойственную развитым странам) установку на непрерывное образование в течение всей жизни, на добор знаний и компетенций для перехода в совершенно новую профессию. В таком случае экономист, переквалифицировавшийся в психолога, будет обладать не какими-то универсальными базовыми сведениями по истории, а представлениями, полученными в рамках своей прошлой специальности и, возможно, не совсем адекватными для достраива-

ния картины мира в рамках новой деятельности. Ведь непрерывное образование предполагает получение именно специальных, а не общеобразовательных знаний и навыков, к которым относится и история. В противном случае, если вдобавок к специальным квалификациям человеку придется осваивать в откорректированном под свою новую профессию виде еще и общеобразовательные дисциплины, то непрерывное образование станет просто неподъемным.

Словом, проблема, безусловно, существует, и споры о том, правильно или неправильно ориентировать общеобразовательные дисциплины на основную специализацию, по всей видимости, никогда не прекратятся. Однако из этого вовсе не следует, что экспериментировать в этом направлении недопустимо. Скорее наоборот, чем больше будет такого рода наработок, тем ближе мы окажемся к пониманию своего рода «золотой середины» — гармоничного сочетания общекультурного и специального в современном высшем образовании. Поэтому настоящий двухтомник следует рассматривать непредубежденно, по существу, без оглядок на то, как можно и как нельзя преподавать историю.

Материал учебника структурирован по хронологии и охватывает историю с древнейших времен и до конца XX века. Всеобщая и отечественная история подаются параллельно, что особенно важно для целевой группы, которой адресован этот курс: так рельефнее и нагляднее прослеживаются общие закономерности и российская специфика, а значит, точнее выполняется задача учебника, сформулированная его авторами, — оказаться «полезным инструментом для будущего экономиста» (т. 1, с. 12). Можно было бы поспорить с авторами по поводу необходимости делать введение учебника именно «Введением в историю», как озаглавлен этот раздел первого тома. Несомненно, какая-то установочная часть, в которой объясняются принципы, в соответствии с которыми организован подаваемый далее материал, просто необходима. Но если авторы ориенти-

руются на целевую группу, профильным направлением подготовки которой является экономика, то целесообразно ли перегружать их знакомством с антиподными теориями исторического процесса — цивилизационным подходом (т. 1, с. 23—48), а также формационным (т. 1, с. 48, 63), тем более что в последнем случае весьма дискуссионным выглядит отнесение к формационному подходу миросистемного анализа И. Валлерстайна (т. 1, с. 57—63). Не правильнее ли было бы во «Введении в историю» ограничиться базовыми представлениями о хронологическом подходе и общих принципах историзма (т. 1, с. 16—23), а более сложными теоретическими конструкциями подытожить второй том — уже с опорой на полученные перед этим знания? Вызывает вопросы и перечень несовершенств хронологического подхода (т. 1, с. 22—23): если учебник предназначен для экономистов и представляет собой компендиум сведений *sine qua non* («того, без чего нельзя» — лат.) в этой профессии, то было бы вернее ограничиться просто правильной ориентацией студентов именно в сегодняшней информационной конъюнктуре, изобилующей «новыми хронологиями» и интерпретационным релятивизмом, а для этого хронологического подхода вполне достаточно, и его недостатки, очевидные профессиональным историкам, в данном случае не принципиальны. То есть складывается впечатление, что авторы сами ощущают определенную методическую тесноту их же собственной установки — создать адресный курс по истории, их тянет к обобщениям, близким и понятным для историков или философов, но вряд ли актуальным для экономистов.

Вместе с тем указанные перекосы «Введения в историю» не распространяются на основную часть учебника. Более того, то, что в концентрированном и явно избыточном для экономистов виде подается в начале первого тома, очень органично и естественно вплетено в его дальнейшее содержание.

Так, например, первая часть, рассказывающая о Древнем Востоке, может послужить наглядной иллюстрацией цивилизационного подхода. Материал, структурированный в трех главах и посвященный соответственно Ближнему Востоку, Индии и Китаю, позволяет понять цивилизационную специфику каждой из перечисленных территорий и, главное, вычленив экономическую составляющую этих цивилизаций. Большой объем сведений по хозяйственной жизни, социальным структурам, политическим системам, межгосударственным и межэтническим отношениям в трех регионах, культурным и религиозным особенностям представляется целостным и не содержит в себе каких-то тематических диспропорций. Исключительно важны подытоживающие каждую главу выводы, в которых цивилизационная специфика Ближнего Востока, Индии и Китая увязывается с экономическими особенностями этих исторических общностей (т. 1, с. 139—141, 216—218, 249—251). К сожалению, Индия представлена в этих выводах значительно меньше, чем Ближний Восток и Китай. Возможно, в этой части все же было бы уместным упоминание раннего марксистского концепта «азиатский способ производства», который в данном конкретном случае не противоречит подаче материала сквозь призму цивилизационного подхода.

Вторая часть также преподносится в ракурсе цивилизационного подхода — в ней содержится материал о греко-римском мире в античности и средневековье: изложение начинается с глубокой древности и заканчивается гибелью Византии в середине XV века. Такая периодизация выглядит несколько непривычной, хотя и вполне правомерной: совсем необязательно начинать средневековье с падения Западной Римской империи, тем более что как политический миф Римская империя просуществовала до начала XIX в., и этот анахронизм был замечен и «исправлен» лишь Наполеоном. Правда, в таком случае не совсем умест-

но рассматривать Византию в отрыве от Западной Европы, ее восточных и северных соседей. Следуя логике авторов, ее все же следовало поместить в третью часть — «Государства христианства и ислама», которая и охватывает собственно средневековье, при этом несколько «удревнить» начало Восточной Римской империи и рассматривать ее с эпохи Константина Великого. Тем более, что в учебнике время от полисного строя до позднеантичной доконстантиновской империи, несмотря на разнесение его на две главы, подается как цельный и заверченный период, а рубеж III и IV вв. н.э. представляется в качестве пограничного, в том числе и с точки зрения экономики (т. 1, с. 390—393).

Цивилизационный подход присутствует и в третьей части, где разворачивается параллельное изложение средневековой истории в арабском мире, среди восточных кочевых империй, в Западной Европе и в славянском мире, в рамках которого начинается рассмотрение и истории России. Особенности каждой из этих цивилизаций показываются в плотной привязке к их экономическим культурам. Например, говоря об Арабском халифате, авторы в специальном разделе, озаглавленном «Причины успеха», демонстрируют прямую зависимость арабской экономики от ислама и формируемого им мировоззрения (т. 1, с. 481—489). Экономическая составляющая западноевропейского феодализма преподносится, в соответствии с современными историографическими трактовками, как производная от сложно переплетенных служебных взаимоотношений (т. 1, с. 516—523, 603—606), благодаря чему прорисовывается ясная перспектива структурирования гражданского общества и появления частной собственности (т. 1, с. 554—564, 569—571). Однако если для Западной Европы и Арабского халифата связь средневекового контекста с экономикой прослеживается подробно и на разных уровнях, то в рассказе о кочевниках Восточной Евразии эта центральная для учебни-

ка связка видна гораздо слабее (т. 1, с. 641—644), а при описании домонгольского периода отечественной истории и вовсе теряется. Между тем было бы интересно — особенно для изучающих экономику, причем не многовековой давности, а современную, — сравнить западноевропейский и восточноевропейский феодализмы, подчеркнуть их сходство и различия.

Четвертая часть называется броделевским термином — «Долгий XVI век». Однако в это словосочетание вкладывается гораздо более широкий смысл, нежели у французского историка, подразумевавшего под таким истолкованием XVI в. время «пересборки» западноевропейской «мир-экономики». Авторы учебника смотрят на проблему шире и в этом же контексте разбирают новации политического конструирования, в частности, абсолютизм (т. 1, с. 712—714). Вместе с тем в этой части явно недостает материала о Возрождении именно как о принципиально новой, по сравнению со средневековьем, эпохе, в которую складывается культура, благоприятствовавшая возникновению и развитию капиталистической экономики. Отдельные заходы на эту проблему имеются в предыдущей части, но подробное объяснение феномена Возрождения в рамках «долгого XVI века» было бы очень полезным. К тому же через ответ на вопрос о причинах, по которым Возрождение не состоялось в Московской Руси, можно было бы подойти к более точному пониманию русского самодержавия и присущей ему социально-экономической модели. Вместо этого в учебнике воспроизводится историографический штамп о дрейфе «русской экономической модели» в направлении «азиатской» формы, в которой собственность и власть не разделяются, как в Западной Европе, а напротив — срastaются (т. 1, с. 796). Приведенное утверждение верно лишь отчасти, поскольку всестороннее понимание самодержавия XVI в., в том числе времени Ивана Грозного, недостижимо вне религиозного контек-

ста предыдущего времени, в которое происходило собирание централизованного государства и которое ассоциируется со «Святой Русью».

В двух главах пятой части рассказывает об определяющем для мировой экономики процессе — становлении капитализма: сначала, в XVII—XVIII вв., — медленном, хотя при этом поступательно нараставшем, затем, в XIX в., — стремительном. В этой части особенно наглядно прослеживается тесное переплетение общемировых и российских процессов.

Так, описанию бурного — в том числе и с точки зрения промышленного и в целом экономического развития (т. 2, с. 158—159) — вхождения России в XVIII в. предшествует подробный разбор факторов, обусловивших «экономический взлет» ведущих европейских стран во второй половине XVII — первой половине XVIII в. (т. 2, с. 86—89, 104—110, 122—124, 131—132). Если европейские абсолютистские модели опирались на соответствовавшие своему времени институты гражданского общества, что позволяло власти учитывать интересы широких слоев населения, то московско-петербургское самодержавие ориентировалось лишь на верхушку политической элиты. Однако при этом и Европа, и Россия смогли в указанное время совершить рывок в своем развитии благодаря тому, что государство стало плотно контролировать экономическую жизнь, и в его лице частная инициатива получила надежную опору и столь необходимую организационную и коммуникационную инфраструктуру. В этом смысле и британский протекционизм (т. 2, с. 104—109), и французский кольбертизм (т. 2, с. 122—124), с одной стороны, и петровское «военно-полицейское государство с крепостнической экономикой» (т. 2, с. 173), с другой стороны, сближает исключительно важная роль государственного начала.

Еще больше общего между Европой и Россией оказывается в XIX в. с формированием «новой индустриальной цивилизации» (т. 2, с. 420—432), причем

не только в научно-технической сфере, которая по своему содержательному наполнению развивается везде одинаково, а разница сводится лишь к темпам восприятия нового разными странами и вытекающим отсюда проблемам лидерства и отставания, но и в социокультурных трансформациях. В модернизированной «Великими реформами» России быстро складывается совершенно новая социальная среда, аналогичная по своей компоновке европейскому капиталистическому обществу, унифицируется культура, появляется общая для Запада и Востока мода на радикальные левые идеологии.

Еще один представленный в учебнике тренд XIX в., общий и для Европы, и для России, — это интенсивное складывание национальной идентичности, которая пришла на смену религиозному и имперскому факторам. «Век наций» — так назвали авторы учебника эту эпоху (т. 2, с. 483). Однако если применительно к рисорджименто и объединению Германии эта тема разобрана в мельчайших деталях (т. 2, с. 483—514), то о национальном возрождении балканских народов и народов, входивших в империю Габсбургов, говорится несопоставимо мало, хотя именно этнические противоречия на Балканах и в Австро-Венгрии стали детонатором первой мировой войны. А «век наций» в Российской империи вообще оказался нерассмотренным.

И напротив — гармонично, целостно и взвешенно, на примерах ведущих стран не только Евразии, включая Россию, но и США — прослеживается общемировой процесс перерастания капитализма в его империалистическую стадию, сопоставляются национальные модели, преуспевшие в монополизации своих экономик, — британская, французская, германская, американская, российская, японская (т. 2, с. 549—558).

Последняя — шестая — часть учебника посвящена XX веку. Две ее главы рассказывают соответственно о первой и второй половинах столетия.

В главе, посвященной первой половине века, авторам, похоже, удалось наилучшим образом реализовать свой замысел — показать историю через экономику и поместить экономику в конкретный исторический контекст. Такой подаче материала объективно способствует и содержательное наполнение эпохи — две мировые войны, каждая из которых, с одной стороны, во многом была вызвана глубинными сдвигами в мировой экономике, а, с другой стороны, самым непосредственным образом формировала новую геоэкономическую реальность. В этом смысле ключевое концептуальное значение для главы имеют сведения о проводившейся и на Западе, и в СССР политике государственного регулирования экономики в общегосударственном и даже надгосударственном масштабах как способе выхода из мирового кризиса конца 1920-х — начала 1930-х годов. Эта политика могла означать сворачивание общедемократических свобод — как с сохранением частной собственности (вариант стран фашистского блока), так и в режиме тотальной национализации (советский вариант), — а могла предполагать лишь какие-то частичные ограничения на функционирование демократических институтов, как в странах Запада с развитым гражданским обществом. Параллельная подача материала о первых десятилетиях новой советской государственности и о переменах на Западе позволяет усмотреть то общее, что имелось между этими диаметрально противоположными друг другу политическими системами. Именно поэтому «экономическое измерение» Версальско-Вашингтонской системы (т. 2, с. 686—690, 694—696, 744—745) оказалось созвучным мерам по мобилизации экономики третьего рейха (т. 2, с. 753—757) и советского народнохозяйственного комплекса (т. 2, с. 782—790, 811—813). Все это являлось лишь разными формами процесса, исключительно метко названного авторами учебника «возвышением бюрократии над капиталом» (т. 2, с. 761—763).

Во второй главе шестой части прослеживается развитие событий от завершения второй мировой войны до распада СССР и Восточного блока, а также до неоконсервативного поворота в ведущих странах Запада. Если говорить о том необходимом квалификационном минимуме знаний по истории, который требуется для тех, кто в недалеком будущем будет управлять экономическими процессами в нашей стране, то с этой точки зрения глава представляется наименее удачной на фоне всех предыдущих. И причина этого не в каких-то неверных или спорных трактовках исторического материала, а именно в значительном, без преувеличения эпохальном, отрыве периода, которым завершается учебник, от настоящего времени. Если говорить о всеобщей истории, то по прочтении учебника у студентов может сложиться впечатление, что мир застыл в неоконсерватизме 1980-х гг., точно и не было фундаментальных изменений в мировой экономике, связанных с превращением Китая в одну из ведущих держав мира, или нарастающей конкуренции США с Евросоюзом, а значит, и исторических геополитических трансформаций, к которым привели эти новые повороты мировой истории. За рамками учебника остаются и такие уже собственно экономические феномены XXI в., как цифровая экономика, блокчейны и криптовалюты. Упоминаний «софтизации экономики» (т. 2, с. 949) или «информационного общества» (т. 2, с. 950), а также самых общих слов о «переходе к постиндустриальному обществу» (т. 2, с. 954) для описания сегодняшних реалий явно недостаточно. Пожалуй, единственным «протуберанцем» в XXI в. можно назвать раздел о новых индустриальных странах АТР (т. 2, с. 990—995), но и содержащийся в нем

материал нуждается в переосмыслении, поскольку сегодня уже нельзя говорить о лидерах развития — «азиатских тиграх» — без учета китайского фактора, а история КНР в учебнике завершается реформами Дэн Сяопина (т. 2, с. 1001—1005). Тем более досадно после столь фундированного преподнесения в экономической оптике мировой и отечественной истории с древнейших времен не проанализировать постсоветскую Россию, в которой родились представители целевой аудитории учебника.

Поэтому хотелось бы порекомендовать авторскому коллективу написать третий том этого оригинального труда — о первых хотя бы полутора десятилетиях XXI века. Понятно, что никакому учебнику по истории никогда не угнаться за современностью, но стремиться максимально сократить временной разрыв между тем, о чем говорится на последних страницах учебника, и тем, что происходит в текущий момент, просто необходимо. С этой точки зрения можно было бы ограничиться именно первыми полутора десятилетиями нового века, доведя изложение до естественного рубежа — начала новой «холодной войны» между Западом и Россией.

Таким образом учебник оказался открытым, мы сознательно избегаем слова «незавершенным». Открытой мы оставляем и нашу рецензию, ибо смысловое пространство учебника развивается подобно современному историческому этапу, когда прогностическая функция исторической науки замирает и вперед выходит функция исторической социальной памяти.

Г.Р. НАУМОВА

(доктор ист. наук, проф. Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова)

Мэнцзы: в новом переводе с классическими комментариями Чжао Ци и Чжу Си. М. Наука. Восточная литература. 2016. 901 с.; *Ранняя конфуцианская проза: Луньюй, Мэнцзы.* М. Изд-во восточной литературы. 2016. 374 с.; В.П. АБРАМЕНКО. *Китайская философская классика в поэтических переводах: в 2-х т.* М. ИДВ РАН. 2017. Т. 1: «*Дао дэ цзин*», «*Ши цзин*» (Канон поэзии). 636 с.; Т. 2: «*Чжун юн*», «*Лунь юй*», «*Сань цзы цзин*». 348 с.; *Конфуциева летопись «Чунь-цю» («Весны и осени»).* М. ИПЦ «Маска», Чэнду. Сычуань жэньминь чубаньшэ. 2018. 422 с.; *И цзин (Канон перемен).* М. ИПЦ «Маска», Чэнду. Сычуань жэньминь чубаньшэ. 2018. 384 с.

Последние два года для российско-китаеведения оказались богатыми на публикацию древнекитайских письменных памятников. Примечательно, что вышедшие издания значительно различаются своей организацией. Похоже, что мы являемся свидетелями своего рода эксперимента в поисках наиболее приемлемой формы подачи русского перевода древнекитайского памятника. Недавно опубликованные произведения более или менее равномерно покрывают примерно 800-летний период древней истории Китая, что дает повод обратиться к вопросу эволюции древнекитайского исторического сознания. Правда, это сознание представлено всего лишь одной конфуцианской школой. Но, с другой стороны, именно эта школа вышла победительницей в соперничестве с другими течениями традиционной китайской мысли и оставалась ведущей в исторически обозримом прошлом. Именно она сохранила тексты памятников того древнейшего периода, когда еще не существовало никаких идейных течений или философских школ.

«Канон поэзии» («Ши цзин») сформировался, как считается, в XI—XII вв. до н.э. «Канон перемен» («И цзин»), возможно, еще старше, так как основывается на архаической практике гадания. Однако фиксация его канонической части в виде известных многим 64-х гексаграмм — фигур из шести расположенных друг над другом целых и прерванных линий — произошла в период XI—XIII вв. до н.э. В новом издании представлена также летопись «Весны и осени» («Чунь

цю») древнекитайского царства Лу. Так как в ней содержится хроника событий 722—481 гг. до н.э., а также утверждается, что ее отредактировал и привел в нынешний вид Конфуций (551—479 до н.э.), время ее окончания считается и временем ее составления. . . . Указанные три сочинения входят в состав первоначального древнего канонического свода конфуцианства — «Пятиканония» («У цзин»). Менее древние «Беседы и суждения» («Лунь юй») Конфуция и книга «Учитель Мэн» («Мэнцзы»), названная по имени продолжателя философской школы конфуцианства, философа Мэн Кэ (372—289 до н.э.), содержат беседы этих первоучителей с различными людьми, в том числе с их учениками. По-видимому, через какое-то время после смерти наставников, стараниями их учеников в основном и были составлены нынешние собрания диалогов и высказываний, то есть — около середины V в. до н.э. и около середины III в. до н.э. соответственно. Редактирование, конечно, могло происходить и позднее. Беседы двух выдающихся наставников еще до нашей эры были весьма авторитетными текстами, особая их значимость и актуальность уже в средние века была подчеркнута Чжу Си (1130—1200), который включил их в своеобразный неконфуцианский катехизис «Четверокнижие» («Сы шу»), с которого начиналось конфуцианское образование. Все отмеченные выше и более или менее древние сочинения входят во всеобъемлющий конфуцианский свод — «Тринадцатиканоние» («Ши сань цзин»).

Круг древнекитайских письменных исторических источников хорошо известен исследователям. Во многом сходная с религиозной священность канонических текстов до определенной меры обеспечила их сохранность в близком к первоначальному виде. Переводить конфуцианскую классику на какой-то современный (включая китайский) язык сложно. Понимание древних текстов зачастую невозможно без опоры на традиционные комментарии. Однако и они тоже написаны на непростом классическом письменном языке (вэньянь), а главное, комментариев много, и их трактовки отличаются друг от друга. Конфуцианская классика содержит многочисленные исторические сведения, но наиболее целесообразно, конечно, рассматривать ее как источник по истории китайской мысли.

Издания всех рецензируемых переводов снабжены небольшими комментариями, часть которых было бы правильно назвать примечаниями, объясняющими реалии древности, необходимые для связного чтения и понимания переведенных текстов. К проблеме исторического развития китайской мысли так или иначе в предисловиях или исследовательских очерках обращаются авторы (они же и переводчики, и комментаторы древнекитайских текстов) книг «Мэндзы» и «И цзин». Заявленные в них подходы во многом проливают свет и на остальные отмеченные выше вопросы.

А. Е. Лукьянов («И цзин») в своей историко-философской постановке вопроса о характере древнекитайской мысли определяет китайскую культуру как «культуру Дао», представленную ипостасями (космосами): природной, природно-социальной и социальной (с. 11). Он полагает, что древние китайцы, создав культуру Дао, открыли смысл существования Человека, так как ее цель — находиться в «исконном состоянии» «гармонии с самим собой, природным и социальным космосом» (с. 12). Таким образом, культура Дао реставрирует «былую гармонию», и делает она это средствами «архетипов» (там же). Нарушение искон-

ной гармонии, автор датирует переходным периодом от рода к государству, относя его к концу XII в. до н.э., а само состояние гармонии — это «Человек, обобщающий все родовое сообщество» (с. 19). Вместе с тем апелляция к «телесному, душевному и мыслительному» «узорам» или «текстам» трех космосов (с. 11—13, 29) говорит, по-видимому, об укорененности «архетипов» в самом человеке. Тогда культура действительно обречена на реставрацию архетипа, так как человеческая сущность (под архетипом придется понимать именно ее, либо какие-то из ее свойств) остается неизменной.

Подход Лукьянова очевидно имеет цивилизационный уклон трактовки истории. На это указывает также подбор китайских источников в издании «Китайская философская классика в поэтических переводах», подготовленном под руководством Лукьянова. Как сообщает автор поэтических переводов этих китайских сочинений В. П. Абраменко, его переводы выполнены с неопубликованного научного перевода Лукьянова (Абраменко В. П. Ук. соч. т. 1, с. 8). Здесь вместе с конфуцианскими памятниками представлен хотя и древний (VI—IV вв. до н.э.), но даосский и даже главный для даосизма «Канон Пути и Благодати» («Дао дэ цзин»). Для китайской «культуры Дао», таким образом, вторично и несущественно ее деление на учения, точно так же, как и включение разных традиций в рамки одного учения. Поэтому Лукьянов вполне последователен, когда разделяет собственно конфуцианство — «учение реставрации культуры Дао социального космоса» и каноническую конфуцианскую «ицзинистику» (учение «И цзин», то есть «Книги перемен») — «учение реставрации культуры Дао среднего, переходного от первого (т.е. «природного», представленного в даосизме — Л.С.) ко второму (конфуцианскому «социальному» — Л.С.) космоса» (И цзин, с. 13).

«Книга перемен», помимо 64-х гексаграмм, которые графически как бы представ-

ляют отдельные, переходящие друг в друга стадии одного абстрактного процесса и составляют собственно канон, включает также семь текстовых канонических комментариев (три из них состоят из двух частей) — так называемые «десять крыльев». Комментарии, предположительно, датируются более поздним временем: V—III вв. до н.э. (а по данным лингвистики, выходят даже за пределы III в. н.э.). Лукьянов был первым, кто много лет назад обратился к переводу канонических комментариев. В отличие от прошлых изданий (1993 и 2005 гг.) нынешняя новая и исправленная редакция переводов не сопровождается объемными исследовательскими текстами. Переводчик лишь отсылает читателя к опубликованным ранее материалам (с. 11—12). Таким образом, за эти годы Лукьянов заметно подвинулся в сторону «интерпретирующего перевода». Так первый переводчик «Книги перемен» на русский язык Ю.К. Щуцкий определял перевод, ориентированный на «наивно-реалистическое понимание» «И цзин» в рамках страноведения Восточной Азии. Надо сказать, что в этом смысле организация данной книги оказывается близка другим изданиям (Абраменко В.П. Ук. соч. и Конфуциева летопись...), подготовленным под руководством Лукьянова.

Повторяя принятый в китайских изданиях канонический порядок следования комментариев к «И цзин», Лукьянов видит определенное влияние конфуцианства в афоризмах первых трех комментариев: «Комментарий высказываний» («Туань чжуань»), «Комментарий образов» («Сян чжуань») и «Комментарий изящных выражений» («Вэнь янь чжуань») (с. 28), а также допускает его в «Комментарии последовательности гексаграмм» («Сюй гуа чжуань») (с. 369). Для остальных влияние конфуцианства не указывается. «Комментарий приложенных слов» («Си цы чжуань») «раскрывает многие структурные и содержательные стороны» гексаграмм (с. 303). «Комментарий суждений о триграммах» («Шо гуа чжуань») «повествует о процессе [их] соз-

дания совершенномудрыми людьми» (с. 355), а «Комментарий смешанных гексаграмм» («Цза гуа чжуань») представляет иную последовательность гексаграмм (с. 381). Для китаеведа такая избирательность в оценке понятна, она отсылает читателя к открытой в 1973 г. китайскими археологами аутентичной записи «И цзина» на бамбуковых планках начала II в. до н.э. В ней представлены несколько отличный вариант «Си цы чжуань», отдельные фразы, сопоставимые по содержанию с «Шо гуа чжуань», и несколько иной порядок следования гексаграмм. Однако Лукьянов, по-видимому намеренно, не привлекает внимание к этому факту. Смысл и задачи комментариев, по признанию всех исследователей «Канона перемен», так и остаются неясными. Метод структурного анализа, до сих пор применявшийся в исследовании этого памятника древнекитайской мысли, позволил увидеть в нем наличие некоторых, как реально имеющих, так и додуманных современными исследователями, структур, однако их смысл этим методом определить невозможно.

Организованность просматривается исследователями на различных уровнях текстов конфуцианских канонов. Параллельность некоторых фраз в иероглифической записи видна даже на первый взгляд. На ее основе достаточно обоснованно устанавливается ритмичность китайской прозы. В «Каноне поэзии», учитывая данные исторической фонологии, легко определяются конечные рифмы. Рифмованные отрывки в некоторых случаях отмечаются и в других, прозаических, памятниках. По таким, не всем, но некоторым признакам, устанавливается, например, определенная близость между собой столь далеких по форме стихотворного «Канона поэзии» («Ши цзин») (Абраменко В.П. Ук. соч., т. 1) и прозаических и даже списочных «Канона перемен» («И цзин») и летописи «Весны и осени» («Чунь цю»).

Вполне ожидаемо, что второй (после известного перевода А.А. Штукина) перевод «Ши цзин» мог быть только поэти-

ческим. Помимо содержания, Абраменко должен был отразить формальную сторону древнекитайских поэтических текстов, что отнюдь не просто, учитывая большие различия в языковой основе современного русского и древнекитайского стихосложения. В современном китайском произношении стих (строка) «Ши цзина» по большей части состоит из четырех ударных слогов, отличающихся при этом движением тона при произношении. Они, соответственно, записаны четырьмя иероглифами. Рифмы, теперь уже неявные, восстанавливаются по древнекитайскому произношению.

Заметно отличающиеся своей относительной краткостью, простотой содержания и выражений «Песни царств» («Го фэн») (Абраменко В.П. Ук. соч., т. 1, с. 124—315) представляют собой обработанные народные песни, которые датируются VIII—VII вв. до н.э. Этот раздел содержит произведения 15 древнекитайских уделов или феодалов, входивших в состав Чжоуской державы (XI—III вв. до н.э.). Придворная поэзия представлена «Малыми одами» («Сяо я») и «Большими одами» («Да я») (т. 1, с. 316—535); их примерная датировка — IX—VIII и X—IX вв. до н.э. Раздел «Гимны» («Сун») содержит наиболее древние (XI—X вв. до н.э.) «Гимны дома Чжоу» и, наоборот, наименее древние (VII в. до н.э.) «Гимны князей Лу» (т.е. удельного княжества Лу) и «Гимны дома Шан» (династии XVI—XI вв. до н.э., предшествовавшей Чжоу) (с. 536—582). Относительно выбора художественной формы перевода Абраменко не делится своими соображениями. Его перевод, конечно, отличается от известного перевода Штукина 1957 г., но нельзя сказать, что кардинально.

Поэзия ради поэзии едва ли была задачей Абраменко. Поэтические переводы не только «Ши цзин», но и остальных прозаических древнекитайских сочинений, как он считает, помогают сохранить «их архетипические сущности» (т. 1, с. 8). Достигается это благодаря тому, что «поэтическая форма текста, обладая ритмической энергией и эмоциональной окраской, создает неожиданные связи меж-

ду словами, усиливает их выразительность и раскрывает дополнительные смыслы, таящиеся в них» (с. 3). В ритмическом стихе «семантически нейтральные... грани слова» воспринимаются читателем, считает Абраменко, «как некое откровение» (с. 5). Действительно ли это так происходит, сказать трудно. Вновь изданные редакции переводов «Лунь юя» — прозаический у И.И. Семеновича (Ранняя проза...) и поэтический у Абраменко (т. 2) — позволяют читателю сравнить их и сделать свои собственные выводы.

Рифмованный стих способствует более легкому запоминанию текста. Если оставить в стороне сверхзадачу демонстрации «архетипа», то поэтический перевод несомненно помогает в обучении. Возможно, и в этом тоже состояла задача рифмованных переводов древнекитайской конфуцианской прозы. Ее вариант 2017 г. (Абраменко В.П. Ук. соч.) венчает серию подобных изданий (в составе курсов лекций и отдельно), предпринятых А.Е. Лукьяновым и Абраменко в предыдущие годы. Стоит также обратить внимание на то, что издания книги Абраменко, «Конфуциевой летопись...», а также «И цзин» являются результатом работы Центра изучения русской и китайской культур. Его учредителями выступают академический Институт Дальнего Востока РАН и учебный Сычуаньский университет КНР. При этом издания 2018 г. указанного Центра претерпели по сравнению с 2017 и предыдущими годами заметные и, по нашему мнению, положительные изменения.

Отмеченный выше прозаический перевод Лукьянова «Канона перемен» («И цзин») содержит параллельный китайский текст оригинала. Это же относится и к очередному, теперь уже третьему, переизданию первоначально изданного в 1876 г. перевода летописи «Весны и осени» («Чунь цю») (Конфуциева летопись...) Николая Ивановича Монастырёва (1851—1881), до сих пор единственного русского перевода канонической части этого памятника. Это не только создает большое удобство для китаеведов, но и учитывает потребности

китайского читателя. В отличие от факсимильного переиздания 1999 г., издание 2017 г. прошло большую редакторскую подготовку, текст полностью дан в современном типографском наборе, исправлены ошибки и даны необходимые уточнения транскрипции. Примечания принадлежат самому Н.И. Монастыреву.

«Чунь цю» бедна по форме. Это придворная хроника 12 правителей удельного княжества Лу на востоке Китая, содержащая записи (в среднем примерно из 10 иероглифов) событий, более или менее подробно датированных годом, сезоном, месяцем и днем. Значимость «Чунь цю» для конфуцианства объясняется якобы редактированием этого текста Конфуцием, который, используя стилистически по-разному окрашенные слова, мог выразить хулу и похвалу правителям. Для российских исследователей «Чунь цю» послужила материалом для исследований статистическими методами. Д.В. Деопик рассматривал летопись как исторический источник, а А.М. Карапетянц предположил в ней своеобразный «историографический ритуал», вторично (как и «Канон перемен») отражающий сакральное мировоззрение древности.

Другую группу древнекитайских памятников представляют переводы И.И. Семенов, вышедшие в издательстве Восточная литература («Мэнцзы» и «Ранняя конфуцианская проза...»). Его «Лунь юй» («Изречения», в ранних редакциях — «Афоризмы Конфуция») в подборке «Ранняя конфуцианская проза» является переизданием хорошо известного читателю перевода, который едва ли нуждается в представлении. Сюда же включен облегченный вариант его капитального научного перевода «Мэнцзы», опубликованного также в виде монографии, о которой речь пойдет ниже. Научное издание, помимо нового перевода книги «Мэнцзы» и впервые переведенных на иностранный язык двух классических комментариев к нему Чжао Ци (108—201) и Чжу Си (1130—1200) (и все это с собствен-

ными комментариями переводчика), включает также два исследовательских очерка, объединенных в Отдел I «Мэнцзы и китайская экзегеза» («Мэнцзы», с. 15—148). Семенов нацелен на «понимание Мэнцзы», его «предметом изучения являются ... текст и воплощенная в нем философия» (с. 3). Добиться этого можно только рассматривая эту философию в историческом ряду предшественников книги «Мэнцзы» — «Ши цзин», «И цзин», «Чунь цю», «Лунь юй». Глубокое знание Мэн Кэ первых трех сочинений из этого ряда было очевидно для традиционных китайских комментаторов (с. 157—158). Семенов, сравнивая некоторые понятия и ценностные установки этих памятников, показал нарушение общепринятого хронологического порядка. «Мэнцзы» оказался ближе «Канону перемен», чем «Изречениям» Конфуция (с. 26, 42). С другой стороны, отмечается влияние «Мэнцзы» на комментаторскую традицию «Весен и осеней» (с. 72). Это позволяет Семенову говорить о наличии «более фундаментальной линии преемственности» от «Ши цзина» и «Лунь юя» через «комментарии к И цзину» до «Мэнцзы» (с. 10).

«Ши цзин», считает Семенов, своим главным принципом имел «родовой монизм» (с. 25), который еще оставался и в «Лунь юе». Позднее, уже в «Каноне перемен» на передний план выходит «половой дуализм» (с. 25—26, 32 и далее). Он совсем не склонен считать традиционную китайскую мысль лишь отражением изначальных архетипов. Дискретность пространства стала образцом, по которому была освоена и дискретность в представлении о времени и истории (с. 34, 71). Точно так же были отнюдь не скопированы, а введены в традиционное китайское мышление «эстетическое отношение к нравственности» у Конфуция (с. 48), идея видообразующего «промежутка» в «И цзин» и «Мэнцзы» (с. 42), понятие «сугубо человеческих и нравственных отношений» в «Мэнцзы» (с. 65) и т.д.

Семенович находит в «Мэнцзы» «мифологему рождающей смерти» (с. 699), но как раз в силу ее архетипичности она может считаться не специфически китайской, а лишь общемировой. Вместо поисков архетипов он обращается к китайской герменевтике, которая существовала с древности: «сначала как практическая герменевтика в виде еще не осознаваемых, но практически используемых приемов интерпретации, а позднее — уже в качестве самой экзегетической теории» (с. 78). Поэтому канонический текст «Мэнцзы» в этом издании читается на фоне двух авторитетных комментариев Чжао Ци и Чжу Си, разделенных между собой целым тысячелетием.

Конечно перевод на другой язык, с одной стороны, не может исчерпать всех свойства оригинала, а с другой, не способен не привнести что-то чуждое оригиналу. Вопрос только в том, како-

во это соотношение. Представленные здесь две группы новых изданий китайских письменных памятников значительно отличаются своими трактовками развития китайской мысли. Это определяет различия в организации презентации исследовательского материала. Однако читатель вне зависимости от владения китайским языком и в силу взаимной референтности переведенных текстов, а также, возможно, именно благодаря разнообразию их представления будет иметь возможность уловить какие-то новые нюансы и тенденции древнекитайской мысли в письменных памятниках конфуцианской классики.

Л.В. СТЕЖЕНСКАЯ

(канд. филол. наук, ст. преп. Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ, ст.н.с. Института Дальнего Востока РАН)

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Сборник по истории ВЧК: достижения и упущения

В 2017 г. Институтом Российской истории РАН совместно с Центральным архивом ФСБ России был выпущен сборник статей и документов «ВЧК (1917—1922 гг.): к столетию создания» под редакцией В.С. Христофорова¹. Примерно в середине следующего года книга поступила в продажу, что дало возможность автору настоящего письма ее приобрести и детально с ней ознакомиться. Издание это — весьма информативное и вносит свою лепту в изучение главного карательного органа партии большевиков в первые годы Советской власти. Несомненным достоинством сборника является включение в него переизданного впервые после 1922 г. «Отчета ВЧК за четыре года ее деятельности», который сохранился лишь в Центральном архиве ФСБ и Научной библиотеке Государственного архива РФ и поэтому был известен лишь небольшому кругу историков. Серьезным вкладом в историю чекистских органов являются опубликованные в сборнике статьи С.В. Леонова по историографии ВЧК, О.А. Алексеевой и О.О. Зайцевой о начальном — «петроградском» — периоде существования данного ведомства, Н.С. Кирмеля о противостоянии красных и белых спецслужб в годы гражданской войны, статьи А.А. Здановича, А.П. Шатилова, А.Л. Яншина, А.А. Карташова, посвященные некоторым «линиям» работы ВЧК, таким как военная контрразведка, контроль за транспортом, информационная деятельность и «восточное» направление, а также публикации М.Н. Петрова, А.В. Рыжикова, С.В. Кудрявцева, П.А. Мистрюгова, Л.И. Галеевой, А.Л. Литвина, И.В. Нау-

мова, С.В. Тужилина, освещающие формирование, структуру, кадровый состав и деятельность региональных ЧК от Северо-Запада России до Дальнего Востока.

Со всеми вышеуказанными статьями резко контрастирует публикация В.П. Галицкого, И.С. Мамаева, О.Б. Мозохина и О.В. Шинина «Московская чрезвычайная комиссия (1918—1921 гг.)»². Во-первых, вопреки заявленной теме статья почему-то почти на две трети посвящена центральному чекистскому аппарату и ВЧК в целом. Во-вторых, несмотря на относительно большой объем, она содержит всего лишь три ссылки на источники: одну на работу М.А. Яковлевой, посвященную МЧК, и две — на Центральный госархив Московской области. Наконец, и это самое главное, — в ней, в первую очередь, в разделе «Образование Московской чрезвычайной комиссии»³ содержится большое количество некорректных заимствований из чужих работ — статьи автора настоящего письма, в 2007 г. опубликованной в качестве комментария к книге Ф.Я. Березина, отец которого, Я.Д. Березин, в 1919—1920 гг. являлся секретарем МЧК⁴, и, в меньшей степени, из вышедшей в 2003 г. брошюры В.А. Клименко⁵. Однако какие-либо ссылки на статью Капчинского, книгу Березина, брошюру Клименко отсутствуют. Приведу замеченные мною явные некорректные заимствования.

На с. 107 в 1-м абзаце 5-я и 6-я фразы взяты из брошюры Клименко⁶. Соответственно, ссылка на архивный источник — Центральный госархив Московской области взята из этой же работы⁷. На с. 108 первые четыре строчки, 2-я и 3-я фразы 3-го

абзаца заимствованы из статьи Капчинского⁸, 4-й и 5-й абзацы — из брошюры Клименко⁹. Соответственно, содержащаяся в конце 4-го абзаца ссылка на архивный источник — ЦГА МО — взята из указанной работы¹⁰. На с. 108—109 1-й абзац почти полностью идентичен абзацу в статье Капчинского¹¹. Разница состоит лишь в том, что у него абзац начинается со слов: «В первое время службы Березина в МЧК она состояла из трех ведущих отделов...», а у авторов сборника — «Вначале МЧК состояла из председателя, коллегии в количестве 4 человек и четырех отделов...», и у последних написано слово «заведующий» вместо сокращенного «зав», а также исключено упоминание о брате В.Я. Забельского А.Я. Забельском, и вместо слов «с Секретной и Следственной частями...» написано: «в составе отдела находились секретная и следственная части...».

На с. 109 1-й абзац содержит частичное заимствование из статьи Капчинского¹² с дополнением авторами сроков руководства МЧК Б.А. Бреславом, В.Н. Манцевым и С.А. Мессингом; 2-й, 4-й и 5-й абзацы полностью заимствованы там же¹³ лишь с очередной заменой слова «зав» на «заведующий». С этой заменой связан небольшой курьез: указанный в 4-м абзаце как «заведующий» 3-м отделением (по борьбе с контрреволюцией) Секретно-оперативного отдела Н.А. Рославец — на самом деле заведующая Наталья Алексеевна Рославец! Другие довольно показательные моменты, связанные с этим абзацем, состоят в следующем. В использованном автором настоящего письма в качестве источника справочнике учреждений 1920 г.¹⁴ приводится структура МЧК и расстановка ее руководящих работников, но у них отсутствуют инициалы, и они были взяты из других, в том числе архивных, источников. Однако трех сотрудников — Петрова, Тунина и Кашаева — идентифицировать не удалось, и инициалы у них проставлены не были, а у И.И. Шимановского — просто случайно пропущены. И только у указанных четверых в статье сборника инициалы

отсутствуют. Кроме того, автором настоящего письма в публикации по оплошности была пропущена функция 2-го отделения Секретно-оперативного отдела — борьба с должностными преступлениями. И у авторов сборника именно она не указана. Наконец, на с. 110 1-й абзац заимствован из статьи Капчинского¹⁵.

Таким образом, в целом без малого две страницы статьи «Московская чрезвычайная комиссия (1918—1921 гг.)» являются плагиатом из работ других авторов. Остается сожалеть, что такая публикация бросает тень на серьезную научную работу по истории спецслужб первых лет советской власти, каковой является сборник «ВЧК: к столетию создания»

О.И. КАПЧИНСКИЙ

(канд. ист. наук, доцент Академии труда и социальных отношений)

Примечания

1. ВЧК (1917—1922 гг.): к столетию создания. Сб. статей и документов. М. 2017.
2. Там же, с. 105—144.
3. Там же, с. 105—110.
4. КАПЧИНСКИЙ О.И. Чекистское окружение Я.Д. Березина. В кн.: БЕРЕЗИН Ф.Я. Неизвестное о Московской ЧК. М. 2007, с. 119—141.
5. КЛИМЕНКО В.А. Чекисты на защите Октября (Становление системы чекистских органов столицы в 1917—1920 гг.). М. 2003.
6. Там же, с. 14—15.
7. Там же, с. 15.
8. КАПЧИНСКИЙ О.И. Ук. соч., с. 122.
9. КЛИМЕНКО В.А. Ук. соч., с. 18.
10. Там же.
11. КАПЧИНСКИЙ О.И. Ук. соч., с. 126.
12. Там же.
13. Там же, с. 127.
14. Справочник центр. и местных учреждений РСФСР, парт. организаций, проф. союзов. М. 1920, с. 262—264.
15. КАПЧИНСКИЙ О.И. Ук. соч., с. 127.

Contents

The political archives of the Twentieth century: **P.A. Iskenderov**. Chronicle of the Great Victory (1941—1945). Articles: **A.S. Ivanov**. The evolution of the regime space of the district capital (1930—1950). Historical profiles: **N.N. Lupareva**. Sergey Nikolaevich Glinka. Discussion issues: **N.A. Dubovik, A.V. Kobzev, S.A. Prokopenko**. Alexander Matrosov: mysteries of his biography. Contributions: **K.N. Maksimov**. Staffing Policy of Kalmyk Oblast Communist Party Committee through the prism of documents issued by the Party's supreme and local governing bodies; **N.S. Tsintsadze**. Prometheus, the soviet authority and scientists: from the history of discussions of the 1920—1930s; **Yu.N. Timkin**. The state of health of responsible party workers of the RCP(b) during the revolution of 1917, the civil war and the NEP years (based on the materials of the Vyatka province). Diplomacy in history: **A.G. Lozhkin**. Modern Territorial Disputes and Problems of Annexation and Occupation: Legal and Historical Aspects. History and fates: **O. Yu. Garkavchenko, E. Ye. Grishnova, E. V. Maystrovich, R.M. Mirzalimov**. Martin Luther King and the struggle for the civil rights. For teacher of history: **E.E. Krasnozhenova, S.V. Kulik**. Socio-economic regulation of the space of children's everyday life in the Great Patriotic War (on the materials of the Stalingrad region). International scientific cooperation: **Sejin Jung**. Orientation and formation of Muridism in the North Caucasus. People. Events. Facts: **M.R. Hasanov**. On the question of the origin of the city of Derbent; **Yu.I. Tsareva**. Royal prerogatives and parliament in XVI—XVII centuries. Conflict of interests; **Sh. Sh. Sharifov**. Resettlement of the Arabs to Azerbaijan. Historiography: *N.I. Dedkov, G.A. Bordugov, E.I. Scherbakova*. The history for economists (by **G.R. Naumova**); New editions of the ancient Chinese written monuments Russian translations (by **L.V. Stezhenskaya**). Letters to the Editor: **O.I. Kapchinskiy**. Sourcebook on the history of VCHK: achievements and omissions

---

Учредитель: Искендеров Пётр Ахмедович

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный номер № 894**

Главный редактор П.А ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

М.Ц. Арзакян, Б.Д. Гальперина, Г.А. Гребенщикова, В.Г. Кикнадзе, М.А. Лагода,
Р.Г. Ланда, Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова, В.В. Поликарпов,
О.А. Ржешевский, А.Н. Цамутали, В.Л. Янин

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна
Присланные материалы после рецензирования не возвращаются
Редакция не имеет возможности вступать в переписку
Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов опубликованных материалов

«Вопросы истории» № 5, 2019

Адрес: Журнал «Вопросы истории».

Селезнёвская улица, дом 11А, строение 2, 7-й этаж, офис 14, Москва, 127473.

Телефоны: (495) 741-65-18, (495) 741-65-17. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.04.2019. Формат 70x1081/16. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 15,4. Уч-изд. л. 18,00. Тираж 900. Заказ 0016-2019. Индекс 70145.

Цена свободная.

ООО Журнал «Вопросы истории»

Отпечатано в АО «Красная Звезда».
125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38.

Тел.: (495) 941-32-09, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62
E-mail: kr_zvezda@mail.ru <http://www.redstarprint.ru>

Дорогие читатели!

**Подписку на журнал «Вопросы истории»
можно оформить
в любом почтовом отделении
Российской Федерации:**

**по Объединенному каталогу «Пресса России»
на второе полугодие 2019 г., т. 1.
Подписка проводится
Агентством «АРЗИ»
Подписной индекс для подписчиков
70145**

ВИ
**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**